

ВАЛЕРИЙ
БОЛЫШАКОВ

162P00-740)
579
ВАЛЕРИЙ БОЛЫШАКОВ

КОМАНДОР

КОМАНДОР

Валерий Большаков

КОМАНДОР

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус) 6
Б79

Серия «Историческая фантастика. Эпоха Империй»

Художник обложки: *Владимир Гурков*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Большаков, Валерий Петрович

Б79 Командор / Валерий Большаков. — Москва: АСТ, 2014. — 346, [2] с. — (Историческая фантастика. Эпоха Империй).

ISBN 978-5-17-086261-0

Два года назад Олег Сухов с друзьями угодил в XVII век.
Мушкетеры, испанцы, пираты... Весело.

Но пора бы уже и домой.

А нужны для этого сущие пустяки — всего несколько здоровенных изумрудов...

Непростой вопрос даже для знаменитого Капитана Эша, которым здесь стал Сухов.

Но — решаемый. Пули, ядра, сабли, томагавки и доброе пиратское правило: убей всех врагов, пока они не убили тебя.

Сухов и его друзья справлялись и с худшим.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус) 6

Подписано в печать 14.07.2014. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 3000 экз. Заказ 2591.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

ISBN 978-985-18-3537-5
(ООО «Харвест»)

© Валерий Большаков, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Обсерватория «Интермондиум»

Из планового донесения спецгруппы «Тау», № 21/В:

«Первый и второй Т-преобразователи, а также резервный ТП устойчиво фиксируют локальные микровозмущения темпорального поля в секторах „Европа“, „Атлантика“, „Карибский бассейн“.

Данные флуктуации¹ нельзя считать фоновыми, поскольку отдельные импульсы достигают серьёзных значений.

Проанализировав результаты наблюдений, группа считает регистрируемые микровозмущения явлением класса „эхo“, вызванным линейным ретросдвигом с перемещением в прошлое В. Акимова, О. Сухова, Я. Быкова и А. Пончева, зафиксированным ранее (см. плановое донесение № 16/В) с характеристикой типа „переход“.

Напомним, что активация темпорального канала в 1627 год сопровождалась продолжительными темпоральными эрупциями² и аномалиями 2-го уровня. Именно их резонанс и регистрируется ныне как явление класса „эхo“.

Группа предполагает, что наблюдаемые темпоральные флуктуации прямо указывают на местонахождение

¹ Флуктуация — отклонение от наиболее вероятного состояния.

² Эрупция — от лат. eruption — извержение. Темпоральная эрупция (фант.) — мощная вспышка неизвестной природы, возникающая при линейном или кольцевом ретросдвиге.

От автора

ние В. Акимова, О. Сухова, Я. Быкова и А. Пончева в пространстве.

Существует большая вероятность того, что вышеупомянутые лица попытаются активировать межвременной портал, находящийся на северном побережье Доминиканской Республики».

Пролог

... В етер дул попутный, и «Феникс» распустил паруса, держа на юго-запад.

Огибая западные берега Эспаньолы¹, они заглянут в бухту Гонав, наберут там свежей водичи, фруктов и лягут на курс вдогон за «Симургом».

«Феникс» и раньше ходил побыстрее красного галеона, а ныне-то, с гладким днищем, и подавно обгонит. Через сутки-двое вполне можно будет увидеть на горизонте паруса «Симурга»...

— Испанцы! — раздался крик марсового.— Испанцы по левому крамболу²!

¹ Остров Гаити.

² *Крамбол* — толстый короткий брус, выходящий за борт и поддерживаемый снизу кницей-угольником. На внешнем конце крамбола находится шкив, через который пропускают якорный канат, дабы подтянуть якорь на высоту палубы. Выражение «слева (справа) по крамболу» указывает направление на судно или иной предмет, видимый слева (справа) по носу на линии, проходящей от наблюдателя через место нахождения того или другого крамбола.

Пролог

Олег выругался. Вот всегда так! Только на хорошее настроишься, а житие с бытием обязательно какую-нибудь гадость подсунут!

Вот и паруса показались. Но под ними не друзья. Враги.

Вооружившись подзорной трубой, Сухов оглядел близкий берег Эспаньолы. На его фоне красиво выделялись два испанских галеона.

Раздув паруса, они лавировали, подстраиваясь под ветер.

На этом можно сыграть, мелькнуло у Сухова. Будем идти прежним курсом, сможем оторваться. Эти бросятся в погоню, само собой, а к вечеру станет ясно, кто быстрее...

— Испанцы по левому борту! Испанцы по правому борту!

А вот это уже хреново.

Ещё парочка галеонов величаво выплыла из Кайонской бухты. Пятый галеон был ещё далеко, он приближался с запада.

— Это засада, капитан! — прокричал Диего. — Они нас ждали!

— И дождались, — тяжело обронил Олег.

Взявшись просчитывать варианты, он не смог сделать ни одного утешительного вывода.

Испанцы гонят его на запад, ясно даже и ежу. Любой капитан выберет то направление, которое сулит меньше всего неприятностей.

На север, против норд-оста, не попрёшь. Пойдёшь на юг — там двое. И на востоке столько же. А будешь держать на запад — столкнёшься лишь с одним галеоном. И что?

Этот одиночка, судя по паре задних мачт ¹, побольше «Феникса», и намного. Он свяжет корсаров боем, а тут и остальные четверо подоспеют. И впятером на одного...

Но ничего... Капитан Эш — не любой. Он такой единственный.

На запад, говорите? А хрен вы угадали!

— Диего! — рявкнул Сухов. — Курс на юг! Это самое... Держим к Эспаньоле!

Муллат сначала растерялся, целую секунду стоял с открытым ртом, а после забегал, отдавая команды матросам.

Корсары слаженно тягали снасти, упираясь в палубу босыми пятками или подошвами новеньких ботфортов. Они не задавались вопросами, они верили капитану. А тут и Диего просветлел лицом.

— Я понял! — сказал он. — Четверо будут мешать друг другу, да?

— Будут, — вздохнул Олег, — но не настолько, чтобы мы взяли верх. Нас потопят, Диего. Обязательно. Можно, конечно, с честью погибнуть, всё это очень благородно — и очень глупо. Мы сойдём на берег, Мулат.

— На берег?..

— Именно. Тогда против нас будут лишь два корабля противника. Те, что на востоке, можно не брать в расчёт, они слишком далеко, а западный и давно.

— А на берегу что?

— Ничего. Уйдём в леса и начнём свою войну! Дадим испанцам такого жару, что они взвоят!

¹ Большие галеоны, бывало, строились четырёхмачтовыми, имея две задних мачты с косыми парусами — бизань и бонавентуру.

Пролог

— А корабль взорвём! — с воодушевлением сказал Диего.

— Нет.

— Нет? Почему?

— Жалко. Понч! Готовь своих пушкарей!

— Всегда готовы, капитан!

— Эгей, морячки-корсарчики! Это самое... Слушать меня! Готовим шлюпки, будем переправляться на берег под прикрытием «Феникса»! С собой берём оружие, еду, одежду, лекарства — всё, что можем унести на себе!

Корсары не испытывали добрых чувств к испанцам, они были злы как черти, им была ненавистна сама мысль покинуть корабль, но умом каждый из них понимал — выжить, случись битва, не удастся.

А если и повезёт кому, то этот «везунчик» закончит свои дни на шахтах Эспаньолы. И мучиться ему долго не придётся, рудокопам отпущен малый срок...

Пиратский галеон под всеми парусами шёл навстречу берегу.

В этих местах хватало небольших бухточек и лагунок, в которые можно было войти большому кораблю, но вот выйти обратно оказывалось делом весьма затруднительным — не развернуться.

Но корсарам и не надо было обратно, им достался билет в один конец...

Пара испанских галеонов, шедших с юга, замешкалась, их капитаны не ожидали от корсаров подобного безрассудства. В подзорную трубу Олег разглядел названия кораблей: «Сантана Майор» и «Сан-Пабло».

На «Сантана Майор» опомнились первыми и стали разворачивать галеон. «Сан-Пабло», повёрнутый к «Фениксу» левым бортом, неожиданно окутался облаком порохового дыма. Прокатился гром залпа.

— Недолёт,— спокойно сказал Пончик.

Ядра, словно слушаясь канонира Пончева, попадали в волны в добром кабельтове¹ от корабля, подняв фонтаны брызг и пены.

— Понч! Заряжай пушки — и отвязывай те, что по правому борту! Как только ударишь всем левым, тут же меняешь орудия на правые!

— А мы что, правым бортом разворачиваться не будем?

— Некогда!

— Сделаем, капитан!

Оба галеона с жёлто-пурпурными стягами Испании развернулись и, подгоняемые попутным ветром, двинулись к «Фениксу», забирая немного к югу.

Олег прикинул, что им суждено встретиться с испанцами совсем недалеко от берега. Что ж... Организуем тёплую встречу.

«Сантана Майор» заметно опережал «Сан-Пабло».

Вот и замечательно — этот ходкий галеон прикроет корсаров от огня своего соседа!

Горячие кастильские парни рвутся в бой не думая. Ну так вам и надо...

— Понч! Картечью заряжал?

— А как же! Каждое третье орудие.

— Ага... Засадишь по «Сантана Майор» ядрами, потом пройдёшься по палубе картечью. Приказа открывать огонь не жди, как увидишь, что пора, так и палишь!

— Понял! Угу...

— Мушкетёры! Это самое... Готовимся!

— Завсегда! — рявкнули мушкетёры.

¹ *Кабельтов* — одна десятая морской мили, 185,2 метра.

Пролог

Оглянувшись, Сухов заметил Гли-Гли, выглядывавшую из каюты. Олег погрозил девушке пальцем, а та показала ему язык.

Но скрылась-таки.

— Огонь! — провопил Понч.

Галеон вздрогнул, тяжкий грохот ударил по ушам. Всклубился дым, совершенно скрывая неприятеля, и тут же прогремел второй залп.

Ядра крушили нос «Сантана Майор», сбили бушприт вместе с блинда-реем, проломили борт, порвали снасти и фок. А потом по палубе прошла картечь.

Низко рывкнул ответный залп. Слава Богу, испанские канониры дело своё знали плоховато, большее число ядер угодило в море или просвистало поверху, раз или два оставив дыры в парусах «Феникса».

Сейчас бы «Сантана Майор» уступить место «Сан-Пабло», но куда там...

А разворачиваться другим бортом испанцы не станут — пока завершат разворот, корсары уйдут с линии огня.

Было видно и невооружённым глазом, как испанские пушки стараются побыстрее зарядить свои орудия, да только дело это долгое и нудное. А вот у корсаров оно получится!

Хотя бы потому, что ни одному капитану и в голову не придёт перекачать пушки от одного борта к другому. Так же нельзя! Оставить борт незащищённым?!

Но Капитану Эшу закон не писан.

— Огонь!

Не ожидавшие залпа испанцы нисколько не прятались, зная прекрасно, сколько времени уходит на перезарядку.

И они наивно полагали, что это самое время у них есть.

Испанцы ошибались...

Ядра прошли по палубе, сметая канониров и прочую команду, отсекая фок-мачту, рухнувшую за борт и верхушкой зацепившую борт «Сан-Пабло».

«Вооружённые силы противника» бросились распутовывать снасти, рубить, растаскивать — и угодили под свинцовый дождь. Канониры ударили картечью, а мушкетёры добавили.

— Шлюпки готовы!

— Всё готово, капитан!

— Понч!

— Заряжаем, заряжаем...

Берег Эспаньолы надвинулся вплотную, раскрыл зев синей лагуны, отороченной зарослями.

— Паруса долой! Якоря спустить!

Корсары живо вскарабкались на мачты, убирая грот, фок, марсели и прочие ветрила.

С высоты было хорошо видно, что «Сантана Майор» пострадала изрядно — вся палуба была усеяна мёртвыми телами и обломками. Пара пушек была перевёрнута, на квартердеке прыгал, неистовствуя, капитан, но ничего, кроме полусотни моряков с мушкетами, он выставить не мог.

Канониры с нижней палубы испанского корабля наверняка заряжали пушки, их залп по «Фениксу», практически в упор, мог бы наделать бед, да только «Сантана Майор» была уже плохо управляема.

«Сан-Пабло», освободившись от чужой мачты, плавно огибал мешавшего соседа, вот уже и нос показался из-за кормы «Сантана Майор»...

Глава 1,
*в которой Олег Сухов не знает,
куда деньги девать,
а король возводит его в командоры*

Новый Свет, апрель 1629 года

Ветер задувал с юга. Он то свежел, то стихал, понуждая паруса морщиться, словно в недовольстве.

Галеон «Феникс» бодро рассекал бирюзовые воды Новобагамского канала, который лет через триста назовут Флоридским проливом.

Берега «Цветущего»¹ полуострова тянулись тёмной полосой по левому борту.

Багамский архипелаг, пластавшийся где-то на востоке, оставался незрим. Ну, чем дальше от тамошних рифов и мелководья, тем лучше для кораблей и полезней для здоровья.

Багамы называли ещё Лукайскими островами, то бишь Рифовыми².

¹ Название «Флорида» переводится как «Цветущая (земля)». Автор обращает внимание читателей, что сноски — здесь и далее по тексту — для тех, кто любит детали. Если же все эти нудные примечания мешают, то не обращайтесь на них внимания и читайте на здоровье, не отвлекаясь!

² От исп. *Lucayos* — рифы, подводные камни.

Когда-то они были заселены индейцами-лукаянами, но испанцам хватило жизни одного поколения, чтобы всех их обратить в невольников и вывезти на рудники Эспаньолы.

Так что нынешние Багамы представляли собой пустынные и безлюдные пространства.

Да и Флорида, хоть и цветущая, испанцев тоже влекла не слишком — пляжи, пусть даже и роскошнейшие, да заболоченное царство аллигаторов явно не могли хранить в себе вожделенное золото.

Всё что могли дать здешние места — это рабов. Раз уж нет самородков в охотничьих угодьях индейцев тимукуа, майаими, калуса и прочих, пускай тогда вкалывают на мексиканских шахтах, где драгметалл ещё не перевёлся. Логично?..

Конкистадоры, вроде де Сото или Кабеса де Ваки, пытались на сих берегах застолбить места для колоний, основать селения, но окреп и выстоял лишь один форт Сан-Августин на северо-востоке Флориды.

Французы-гугеноты, кстати, тоже подсустились и возвели неподалёку свой Фор-Каролин, чуть ли не раньше испанцев.

Спрашивается: могли ли гордые идальго стерпеть присутствие чужаков? Ответ отрицательный.

Первый губернатор Испанской Флориды, надменный кабальеро Педро де Менендес де Авилес, выслуживший титул аделантадо, то бишь первопроходца, живо захватил крепость и вырезал «пришельцев-еретиков», а Фор-Каролин переименовал в Форт Сан-Матео. «Да здравствует король!»¹

¹ Испанский клич.

Глава 1

Два года спустя французский корсар Доминик де Гург взял Сан-Августин штурмом и вырезал всех испанцев...

...Размышляя об этих сравнительно недавних событиях, Олег Сухов благодушествовал.

Скоро уж два года минет с того самого дня, как вся их компания угодила в семнадцатое столетие, и ничего, живы пока.

Добились больших успехов в боевой и политической подготовке. Рост благосостояния трудящихся тоже заметен...

Иногда Олег памятью возвращался в позапрошрое лето, когда он кинулся спасать Витьку и угодил в «мушкетёрские времена». Шпаги, дуэли, кардинал Ришелье...

Правильно ли он тогда поступил? Вот в чём вопрос. Нет, спасти товарища — это даже не обсуждается, тут без вариантов. Просто надо было так шугануть Ярика с Пончем, чтобы хоть они-то за ним не бросились. Хм. М-да... Зашугаешь их, пожалуй...

С другой-то стороны, ему даже приятно было, что друзья стали свидетелями его очередного возвышения.

Получить плащ мушкетёра из рук самого короля, его величества Людовика XIII,— это надо суметь! Он сумел.

А как он соблазнил герцогиню де Шеврез, затеяв невиданную ею любовную игру — помыв пышногрудую Мари в ванне с горячей водой, да с мылом? Право, есть что вспомнить!

Да и что за интерес предаваться терзаниям Руматы Эсторского на свидании с доной Оканой?

Ну с интимом он и без друзей управился...

А кто его с Яриком из самой Бастилии вытащил? Пончик с Акимовым! Что бы он делал без друзей... Один за всех и все за одного!

Олег усмехнулся, подставляя лицо свежему ветру. Благодать...

Он поступал вопреки «заветам» Дюма-отца: не строил козни его высокопреосвященству, а взялся помогать кардиналу, подвизаясь на поприще шпионажа и драк. И правильно сделал.

Поимка секретного агента герцога Бекингема, подрывная работа в Лондоне, осада Ла-Рошели — «Всё для фронта, всё для победы!».

Быть может, Ришелье и его желание стать корсаром его величества воспринял как продолжение своей политики? А что?

Это ведь монсеньор заложит первые корабли королевского флота, да и заморские колонии — тоже его рук дело.

А тут проверенный — и доверенный! — шевалье сам вызвался пиратствовать под флагом Франции, всячески вредя заносчивым испанцам. Как не порадеть за своего человечка? ¹

«А ничего так, раскрутился!» — подумал Сухов, с удовольствием оглядывая оба своих галеона. Навёл шороху!

На весь Испанский Мэйн прославился. Кто не знает Капитана Эша, как прозвали Олега индейцы? В какой таверне Картахены, Маракайбо или Санто-Доминго не трепяты об удачах Олега де Монтиньи?

¹ Обо всех этих и прочих событиях повествуется в романе «Мушкетёр».

Глава 1

О том, как Капитан Эш угнал из Акапулько «манильский галеон» и снял с него всё золото-серебро. О том, как жестоко он отомстил за смерть и муки своих людей, перевешав карателей, а главного инквизитора Мехико спалив на костре. О том, как с адмиралом Питером Хейном ограбил «Серебряный флот».¹

«Мегазвезда!» — иронически усмехнулся Сухов и вздохнул.

Ещё немного, ещё чуть-чуть, и они вернутся в родимый XXI век.

Самое главное, платиновые зеркала, у них есть — эти штуки нужны для Т-стабилизатора, — и мобильники свои они не посеяли, будет из чего процессор сварганить, и золото-серебро водится, чтобы всё это слинковать. Хронотехника, не хухры-мухры.

Осталось изумруды добыть, да покрупнее — камни нужны для лазеров.

И тогда Витька Акимов сядет, состряпает из всех этих «запчастей» свою мудрёную установку, да и откроет межвременной портал. И «попаданцы» вернутся домой. А пока...

А пока они следуют на север, к берегам Новой Голландии, в порт Нового Амстердама, коему в будущем суждено стать Нью-Йорком.

Сухов потянулся, помахал руками, разминаясь, и снова опёрся о перила, ограждавшие верх кварталдека².

Апрель на дворе, а тепло. Солнце ласковое, водичка — голубее неба, ветерок поддаёт с юго-запада. Хорошо!

¹ А об этих — в романе «Капитан».

² *Кварталдек* — кормовая надстройка. Голландцы именовали это место шканцами.

Да и вообще, последние полгода мирно пролетели, прошли, проплыли. И им всегда сопутствовала удача.

Олег хмыкнул, рулевой вздрогнул, и капитан махнул ему успокаивающе — продолжай, мол, в том же духе, это я так, про себя...

...Ещё до того, как «Феникс» и «Симург» присоединились к эскадре генерал-адмирала Питера Хейна и напали на испанский «Серебряный флот» у берегов Кубы, они так «ювелиркой» огрузились¹, что оба корабля просели чуть ли не до пушечных портов.

По идее, им надо было не под крылышко «дяди Пети» направляться, а в обратную сторону поспешать, в Картахену какую-нибудь наведаться или в Пуэрто-Бельо.

Необязательно даже грабить испанские галеоны, изумруды можно было и купить, благо денег у них — ну просто завались!

Десяток сундуков с одними серебряными песо, а это за сотню пудов! Давно пора было обменять весь этот драгоценный балласт на векселя — сдать «наличку» банкирам, и пусть у них голова болит. А то мало ли...

Пустьят корабль на дно, и что тогда делать будешь?

С собою-то много монет не захватишь, на дно утащат.

А той осенью вся команда разбогатела, даже юнге сотню гульденов отвалили.

Так было за что! Не шхунку задрипанную на абордаж взяли — целый «Нуэва Эспаньола флота» оприходовали!²

Вот уж приз, так приз.

¹ Огрузиться — принять балласт для остойчивости.

² Об этом — в романе «Капитан».

Добычу генерал-адмирал Хейн поделил честно.

Корсарам Капитана Эша не только звонкая монета перепала, но и груз ценный — кошениль, сарсапарилья, ваниль, индиго, табак, какао, серая амбра, жемчуг, китайский шёлк, шкуры крокодилы...

Полные трюмы этого добра, и куда его девать?

Порт-Ройал ещё не построили, рано, да и сама Ямайка пока что испанской короне принадлежит. На Тортуге тоже некуда приткнуться — голый берег.

И куда ж бедному корсару податься?

Пришлось до Старого Света переть.

По этому самому Новобагамскому каналу на север поднялись, гонимые Гольфстримом, и пересекли Атлантику.

Бури их, слава Богу, не трепали, и штиль не мучил. В Гавр-де-Грас «прибыли по расписанию».

Ну, пока домовитый Мулат Диего с купцами торговался, колониальные товары предлагая по сходной цене, Сухов в Париж подался, дабы лично преподнести королю Франции тяжеленные сундуки с положенной монарху десятиной.

Людовик XIII столь впечатлён был, что расчувствовался и чуть было не произвёл Олега де Монтиньи в адмиралы. Сухов вежливо отказался от подобной чести. Король умилился подобной скромности и велел почтить Олега званием командора. Тем более что это его величеству ничего не стоило — подмахнул офицерский патент, и всего делов. Ни единого су не истратив...

«Экономика должна быть экономной».

Кардинал Ришелье оказался щедрей монарха — его высокопреосвященство распорядился выдать на оба галеона Капитана Эша новенькие паруса, канаты, ядра

и порох. Воду и припасы на дорогу тоже погрузили за казённый счёт.

Да и с «кадрами» помогли — человек двадцать королевских мушкетёров и гвардейцев кардинала соблазнились испанским золотом и выразили горячее желание подняться на борт «Феникса» и «Симурга».

Среди них были и старые знакомцы Сухова, включая шевалье Франсуа де Жюссака д'Амблевиля, сьерра¹ Сен-Прёй, прославленного фехтовальщика, оборонявшего Иль-де-Ре, а испанцами прозванного Хуанито — Железная Голова; гасконца Жака Ротонди де Бикарра, племянника маршала де Марийака, и brave англичанина Нолана Чантри, гвардейца кардинала.

Добытое серебро отяжелило французские банки, зато галеонам сразу полегчало.

И снова в путь! Из Гавра двинули к берегам Африки, оттуда к островам Зелёного Мыса.

Вышел положенный срок, и из-за горизонта показались Наветренные острова, что разгораживали океан и Карибское море.

Первым делом оба галеона нанесли визит вежливости на остров Сент-Кристофер, где вроде бы мирно сосуществовали английские и французские колонисты. Куда там!

Сэр Томас Уорнер, главноначальствующий над англичанами, умотал в Лондон, оставив поселение на сына своего, Эдварда, человека скользкого и гнилого, и на некоего Аштона.

На соседнем острове Нэвис, заручившись патентом его владельца, графа Карлайла, основал колонию ка-

¹ Вернее будет «сьёр», ну да ладно...

питан Хилтон, Энтони Хилтон. Полторы сотни переселенцев избрали его своим губернатором.

Всё бы хорошо, но Аштон оказался кровным врагом Хилтона — и нанял убийцу.

Незадачливому губернатору Нэвиса едва удалось спастись — он спрятался на корабле и поспешно отплыл в Лондон, бросив колонию на брата Джона и капитана Валетта.

А Эдвард Уорнер всё больше нагнел.

Сперва он запретил Пьеру Белену д'Эснамбюку, основателю и предводителю колонии Сен-Кристоф, строить укрепления на севере острова, в Пуан-де-Сабле, а потом и вовсе захватил часть французских владений.

Командор де Монтиньи вмешиваться не стал, тем более что сам монсеньор, которому нажаловались колонисты, обещал «сделать выводы и принять меры», проще говоря — послать корабли с пушками.

Но Олегу стало ясно — пиратской базой Сент-Кристофер не бывать, уж очень всё шатко.

И Сухов, понукаемый его корсарами, занялся любимым делом — морским разбоем.

Для начала они взяли на abordаж большой испанский навио¹ и потопили его, разжившись грузом крокодильих шкур.

После нагрянули на жемчужовые промыслы Рио-дела-Ача и экспроприировали с сотню прекрасных перлов, за каждый из которых в Европе выложат по пятьсот, а то и по тысяче песо, не торгуясь.

¹ *Навио* — испанское название (португальцы говорили «нао») торгового корабля, как правило, вооружённого.

Рассерженные испанцы выслали корабли на защиту, да только корсары Капитана Эша не стали с ними связываться — обстреляв, ушли в открытое море.

Но в прятки играть не стали — сначала напали на Монтего, что на Ямайке, взяли с перепуганных алькальдов¹ выкуп, а потом заявили в кубинский Пуэрто-дель-Принсипе. И тоже «сняли сливки».

В итоге трюмы снова забиты так, что впору прыгать на крышках люков, а то не закрываются...

Зайдя в бухту Гонав, что на западе Эспаньола, Олег собрал всех офицеров и делегатов от команд галеонов.

Судили они, рядили и постановили идти в Новый Амстердам.

Там, на берегах Гудзона, поселились голландцы, вроде как союзники. Вот им и сбудем товар!

Нельзя сказать, что Сухов так уж расстраивался из-за вынужденного рейса — опять поход за изумрудами сорвался!

Наоборот, интересно было.

Просто глянуть на те берега, что прорастут небоскрёбами века спустя. Посмотреть, с чего всё начиналось. Любопытно же!

С другой стороны, задержка на полгода...

Это ж сколько уже они своих не видали, мать моя...

Ну да совесть тоже надо иметь! Ведь все эти люди, что обихаживают пушки на его кораблях, дряят палубу, ходят на абордаж, — они ему разве чужие?

Что, вот так вот взять всё и бросить? Хапнуть изумруды и помахать ручкой?

¹ *Алькальд* — глава местной администрации, начальник порта и пр.

Глава 1

Пока, дескать, пацаны, корсарьте дальше! Физкульт-привет!

Не по-людски как-то...

— Капитан! — окликнул его Мулат Диего. — «Симург» показался!

— Ну наконец-то... — проворчал Олег, доставая подзорную трубу. — Где шлялись столько...

Хитрое стекло приблизило к глазам маленький красный кораблик.

— Догоняют! — крикнул Быков с палубы.

Ярослав, в одних штанах и шляпе, тягал со всеми вместе снасти, брасопя паруса¹.

— До-гоняют... — пропыхтел Пончик, с Яром на пару сгонявший жирок. — У-гу...

— Дого-онят... — успокоенно затянул Сухов, складывая трубу. — Куда денутся...

Подумав, что с утра не видал Акимова, Олег усмехнулся — Витька сейчас наверняка у себя в каютке, с хорошенькой Гли-Гли наедине. А уж чем могут заниматься молодожёны, хоть весь день напролёт, дело известное...

Хм. Вообще-то, чета Акимовых уже полгода в законном браке, седьмой «медовый месяц» пошёл...

Сухов вздохнул — немного завистливо.

Гли-Гли, которую Виктор всё чаще звал Галей, была из племени карибов, а эти туземцы, хоть и слыли людоедами, больше походили на статных сородичей с севера, тех же сиу, чем на южноамериканских индейцев, шарившихся по амазонской сельве, щуплых, мелковатых — и загодя проигрывавших конкурсы красоты.

¹ *Брасопить* — поворачивать реи в ту или другую сторону с помощью брасов.

Вот и Акимову досталась настоящая скво — «двоковыпуклая», как выразился Шурик.

Признаться, Витиных друзей радовало его увлечение — в кои веки у хронофизика личная жизнь складываться начала.

А то ведь никакого просвета! Из студентов в аспирантуру, потом в младшие научные сотрудники.

Кандидатскую защитил, завлабом стал, а девушки? А девушки — потом...

Ну вот и выправилась линия жизни у человека.

— Диего! — крикнул Сухов. — Это самое... Грот долой! А то наши до вечера догонять будут...

— Да, капитан!

Среди матросов, кинувшихся исполнять капитанский приказ, выделялись своими габаритами двое — белый Малыш Роже, развесёлый парижанин, а в абордажном бою — лютая убойная сила, и чернокожий Шанго, суровый гигант, самый настоящий африканский принц — отпрыск негритянского короля.

Олеговы губы дрогнули в иронической улыбочке — только Пончику кажется, будто все эти люди с глазами убийц, сорвиголовы-головорезы, подчиняются ему легко и просто, как трусоватые новобранцы опытному вояке. Ничего подобного.

Просто Шурка, немного наивный, далёкий от армейщины интеллигент, не замечал тайной, подспудной войны за души этих пиратов, которую вёл Сухов, пока не обуздал вольницу.

Вон, неумелый, но хваткий, вцепился за шкот¹ Жерар Туссен де Вилье, барон де Сен-Клер. Этот мелко-

¹ *Шкот* — снасть бегучего такелажа, предназначенная для растягивания нижних (шкотовых) углов паруса по рею.

Глава 1

поместный слушает его приказы, воспринимая Олега как командора.

Даже де Жюссаку, неисправимому дуэлянту, ведома дисциплина.

А как быть с Пьером Длинным, с Ксавье Горбуном, с Чаком Железная Рука?

Народец сей — бунтари по натуре, их не приручишь, пока сами не проникнутся к тебе уважением, не уразумеют, что они — простые волки в стае, а ты — во-жак.

И если капитан сказал: «Сделай это!» — то ты хоть в лепёшку расшибись, но сделай. Иначе тебе так худо придётся, что лучше даже не представлять...

Уменьшив парусность, «Феникс» утишил разбег.

Волны, бившиеся о форштевень, уже не расходились пышными «усами» бурунов.

— Так держать, — сказал командор.

Глава 2, *в которой Олег гуляет по Бродвею*

Ночь решили переждать на мысе Канаверал. Его ещё называли мысом Течений — на здешние берега частенько выносило обломки кораблей, потерпевших крушение, или моряков, спасавших свои души.

Корабли бросили якоря в устье Банановой реки, а их команды с удовольствием покинули палубы ради тверди, неколебимой волнами.

Сам мыс «Зарослей сахарного тростника»¹ выдавался в океан как выступ небольшой низменности.

Банановая река отделяла его от другого острова, позже названного Меррит, а ещё дальше протекала Индейская река — узкий пролив вдоль матёрого берега.

Плоский и заболоченный, Канаверал навевал степное уныние.

Ровная степь или бескрайние торфяные болота неизбежно умаляют человека, не прикрывая холмами или перелесками громадность окружающего мира.

¹ Так с испанского переводится «Канаверал».

Если перед вами распахивается необъятный простор, то он навеивает мысли о ничтожности людского бытия, о мимолётности жизни, а стало быть, и о тщете всего сущего.

Правда, незаметно было, что корсары поддавались первобытной тоске,— весело гогоча, они запаливали костры и грели в котлах воду.

Шекер-ага только команды раздавал — окорок сюда, крупу туда, посолить, поперчить, диким лучком сдобрить...

— Нолан! Дровишек подкинь!

— Ты куда?

— Сейчас сушняку наломаю!

— Да вон плавнику набери.

— И то верно...

— Моя собирать травка...

— Что за травка?

— Дикий лук.

— Кидай!

— Мясо куском. И туда вон добавь!

— Запах-то какой, мать моя...

Знатный выйдет ужин!

Сухов пристроился у бревна, выброшенного бурей на берег. Вода с песком обкорнала ствол, обкатала и выбелила.

Подошёл Быков, молча показал бутылку с вином: будешь?

Олег помотал головой. Яр отпил и устроился рядом.

Третьим приблизился Виктор, выглядевший умиротворённо, как хозяйский кот, без спросу отведавший сметанки.

— Исполнил ли ты свой долг? — строго спросил его Быков.

— Какой? — насторожился Акимов.

— Как это — какой? Супружеский, естес-сно!

— Да ну тебя! — отмахнулся учёный, заметно буря.

Ярослав рассмеялся. Приложившись к бутылке, отпил изрядно, вытер губы обратной стороной ладони и сделал широкий жест рукою, сжимавшей заветный сосуд:

— Мы тут с батей как-то проплывали, когда в Майами шли на яхте. Четыре дня ждали, когда шаттл стартует,— то дождь янкесам мешал, то ветер. Но посмотрели всё-таки, как эта «Коламбия» вверх поднимается. Или то «Эндевор» был? Не помню уже. Вот где грому! А дымище! С скромный такой вулканчик получился.

— Ерунда все эти «Эндеворы» с «Коламбиями»,— небрежно отмахнулся Виктор.— Старт всегда впечатляет, конечно же, но когда взлетает наш «Протон» или «Союз»... Шикарно! Я там служил, на Байконуре.

— Так ты у нас ещё и ракетчик?

— Ага!

— Завидую,— вздохнул Быков и отхлебнул, «заливая горе».

— Нашёл чему! Я-то ракетчик без ракеты, а ты яхтсмен с яхтой. Есть разница, олигаршонок ты наш?

— Есть маленько... Хо-хо!

— Вот они где! — послышался голос четвёртого «попанданца», и Шурик оседлал бревно.— Пр-рывет, командор!

— Здорово...

— Жить, как говорится, хорошо! — выразился Пончев.

— А хорошо жить ещё лучше,— подхватил Быков.— Весьма свежая мысль.

— В исполнении Вицина с Никулиным, конечно же,— вставил Виктор,— она звучит как-то более... хм... более жизнеутверждающе, что ли.

— Не придирайся,— миролюбиво сказал Пончик.— Как здоровье супруги?

— Не жаловалась,— буркнул Акимов, подозрительно поглядывая на Александра, известного своим коварством.

Пончев кивнул и спросил с совершенно невинным выражением:

— А когда мы, наконец, соберёмся *туда*, ты её *здесь* оставишь?

Лицо у Виктора дрогнуло.

— Нет,— резко ответил он,— мы, конечно же, уйдём вместе!

Олег почувствовал прилив раздражения.

Почему он всегда должен сохранять баланс отношений в кругу друзей? То миришь их, то наказываешь, на путь истинный наставляешь... А оно ему надо?

Причём Шурик, зараза, чаще всего оказывается нарушителем хрупкого спокойствия их четвёрки и «благоволения во целовецех». Неужели так трудно сдерживать свои порывы?

— По-онч,— мягко проговорил Сухов,— язычок прикуси. Ладно?

— Да я ничего такого,— стал оправдываться Шурка,— я просто так...

— Командор,— насмешливо сказал Ярослав,— тебе не кажется, что мы давненько никого не килевали¹?

¹ *Килевание* — вид наказания на парусном корабле. Провинившегося привязывали канатами за руки и ноги и протаскивали под днищем корабля. Бывало, что делалось это без особой спешки, и воздуха в лёгких не хватало. К тому же наказуемый тёрся спиной о днище, заросшее острыми ракушками.

— Да я ж просто...— заныл Пончев, не слишком-то, впрочем, и напугавшийся.

Быков повернулся к Акимову и пояснил:

— Это он тебе завидует! Твоя-то Галочка — вон она, отсюда видать, а его-то Геллочка ох как далеко.

Теперь уже сам Пончик надулся.

— Ничего я не завидую,— пробурчал он.

Олег выдержал паузу, дожидаясь, пока эмоции улягутся, и сказал:

— Вы мне частенько пацанят напоминаете. Сначала болтаете что попало, а после ещё и петушитесь. Это, кстати, и к тебе, Яр, относится.

— А я внимаю,— преданно вытаращился Быков.

— Не внимать надо, а думать.

— О чём?

— О том хотя бы, что нас в этом мире всего четверо, и помощи нам ждать неоткуда. Это самое... Если мы сами друг за дружку не постоим, больше никто за нас не вступится. Девиз «Один за всех и все за одного!» мы уже озвучивали, и с большим пафосом. Самая малость осталась — следовать ему.

— Я понял,— вздохнул Шурик.— Угу...

— Проникся! — с чувством сказал Яр.

Сухов насмешливо фыркнул.

— Ты им веришь? — поинтересовался он у Виктора.

— Ну как тебе сказать...— затруднился тот.

— И я того же мнения.

— Да мы по правде! — возмутился Пончик.

— Ну, ежели так, бегом к нашему коку — возьмёте себе по порции и нам с Витьком притащите.

— Угнетатель! — с удовольствием заклеил Олега Быков.

Глава 2

— Эксплуататор,— пригвоздил капитана Шурик.— Угу... Развёл тут дедовщину...

— Топай-топай давай...

Проводив парочку глазами, Акимов сказал неуверенно:

— А ты их... не слишком?

Сухов хмыкнул.

— Да им надо постоянно втык давать! Хотя бы через день, а то разбалуются.

— А я знаешь что подумал? — улыбнулся Виктор.— Может, думаю, не случайно это? Ну что и ты, и Шурка, и Ярик своих жён в прошлом нашли?

— Случайного, если подумать, вообще нет. А жёнушки наши... Да! Средневековые все, феминизмами не испорченные, на чистых продуктах взращенные. Посмотреть приятно! А когда насмотришься вдоволь, так и тянет поосязать!

— Ха-ха-ха! Шикарно!

Появившийся Пончик, со скорбным выражением лица, принёс две порции. Одну отложив для себя, любимого, вторую подал Олегу:

— Извольте отведать!

— А хлеб где?

— Блин, забыл!

И бедный «угнетённый» почесал за лепёшками...

...После сытного ужина все, кроме вахтенных и дозорных, приняли горизонтальное положение.

Сумерки сгустились до прозрачной густой синевы, предвещавшей черноту ночи. На тёмно-индиговом фоне чётко вырисовывались мачты галеонов. В перекрестьях реев, словно топовые огни, занимались первые звёзды.

Тишина стояла полнейшая, только потрескивал огонь в догорающих кострах, да неумолчно шумел прибой, нагоняя волну за волной в извечном ритме, как он бился об эти берега миллионы лет назад, как будет биться четыре столетия спустя.

Олег вздохнул и закрыл глаза. Утро вечера мудренее...

...Весь путь до Нового Амстердама галеоны одоле-ли всего за три недели — подсобил Гольфстрим. Ко-рабли будто сносило по течению.

— Мы как-то с батей в регате участвовали, — мед-ленно проговорил Быков, осматривая лесистый и пус-тынный Лонг-Айленд, — и где-то здесь должны были финишировать...

— Небоскрёбов не видать? — усмехнулся Сухов.

— Ёш-моё... Да вообще ничего не видать!

Олег, по случаю прибытия, вырядился в чёрный кам-зол, расшитый серебряными позументами, с кружев-ным воротником и манжетами. Короткие штаны того же «радикально чёрного» цвета он заправил в ботфор-ты, а голову прикрыл шляпой с плюмажем из страуси-ных перьев. Разумеется, тоже чёрной.

Строгое изящество капитанского наряда, безо вся-ких модных бантиков и прочих финтифлюшек, немно-го нарушал сам Олег — его обветренное лицо, осмуг-лённое солнцем, перстень с огромным бриллиантом и раззолоченный эфес шпаги выбивались из стиля, более подходящего какой-нибудь бледной немочи, вроде ханжи-пуританина, иссохшего в молитвах.

Офицеры тоже «прибарахлились», да и матросы на-дели «парадку» — не в тряпье же охмурять здешних красоток?

Когда «Феникс» вошёл в залив, которому в будущем дадут название Нью-Йоркского, открылся Манхэттен, его южная часть. Здесь лес был сведён начисто.

К самому берегу выходили бревенчатые домики, за ними угадывался форт с четырёх каменных бастионах.

Выше всех поднимала главу церковь, похожая на пару зданий с высокими острыми крышами, слипшихся боками, а за окраиной плавно вращались крылья ветряной мельницы.

Губернатор Новых Нидерландов всего три года назад выкупил остров у племени манахатта, а уже столько успели понастроить! Молодцы голландцы. Работяжки.

А что это такое на берегу выстроено, где толпа? Лебёдки грузовые? Молодцы, однако!

— Убрать блинд! — разнёсся зычный голос Мулата Диго. — Травить грота-гика-шкот! Убрать грот!

Ближе к берегу выяснилось, что на пристани, буквально в пяти шагах от бревенчатого причала, голландцы вовсе не лебёдки смастерили, а виселицы — крепкие, надёжные, весьма основательные сооружения.

И в данный момент их использовали строго по назначению — на эшафот поднималась пара молодых парней.

Сложив связанные руки за спиной, они понуро одолевали последние в своей жизни ступеньки.

Их сопровождали трое или четверо в тёмных накидках, похожие на колдунов в своих широкополых шляпах.

Мрачная процедура нарушилась из-за прибытия галеонов. Два громадных корабля не вписывались в окружающую действительность, они были слишком велики и для причала, и для самого городишки.

Дозорные форта тревогу не поднимали — флаги Франции, поднятые на мачтах «Симурга» и «Феникса», убедили местных в миролюбии неожиданных пришельцев.

А вот толпа, собравшаяся поглядеть на казнь, изрядно волновалась и шумела. Самые осторожные и вовсе покинули берег, а то как бы чего не вышло. Остальные нервничали — здесь, в глуши, на краю света, прибытие любого корабля становилось великим событием. А уж двух сразу, да не купеческих пинасов, а здоровенных боевых галеонов... Разговоры об этом продлятся до самой зимы.

Приговорённые к повешению тоже пялились на корабли.

Убрав паруса, галеоны медленно дрейфовали, пока их огромные якоря не вцепились в дно залива. Шлюпки, спущенные с обоих кораблей, погребли к земле.

Первыми на берег сошли мушкетёры во главе с Анри Матье, графом де Лоном.

Невозмутимые, все как один в блестящих кирасах и гребенчатых шлемах-морионах, они построились, представляя новенькие мушкеты к ноге.

— Типа почётный караул! — задавленно прокомментировал Яр.

Капитан Эш усмехнулся только.

Непринуждённо ступив на бревенчатую пристань, он слегка поклонился «встречающим» и сказал:

— Надеюсь, кто-либо из присутствующих говорит по-французски?

— Я говорю!

Из толпы вышел невысокий, но весьма упитанный человек лет пятидесяти, в камзоле из коричневой тафты.

Поклонившись, он представился:

— Я наречён Виллемом Верхюлстом, недавно назначен вторым директором Вест-Индской компании.

— Очень приятно, минхер Верхюлст. Меня зовут Олегар де Монтиньи. Командор, капитан и всё такое. Это самое... Не далее полугода назад я бился с испанцами под командованием генерал-адмирала Хейна.

Толпа оживлённо задвигалась — «свои»!

— Мы прибыли с хорошим товаром,— деловито продолжил Олег.— Надеюсь, я смогу сбыть его вам, минхерц?

— О да, да! — воскликнул Верхюлст.

— Индиго, кошениль, серая амбра, ваниль...— принялся небрежно перечислять Олег.

— Да... Да...— повторял голландец, словно в забытьи.— Вот только звонкой монеты у меня... не так чтобы очень...

— Можно и векселями,— дозволил Сухов великодушно.

Тут из толпы решительно вышел человек без шляпы, но в кожаной охотничьей рубаше явно индейского пошива.

Его простое, скуластое лицо сразу привлекало прямым и честным взглядом.

— Меня зовут Крейн ван Лоббрехт,— отрекомендовался он на языке Рабле и Мольера,— я инженер, который строил тутошний форт, хоть некоторые и подзабыли это. Мой дядя связан с крупными банкирами Роттердама и с удовольствием выпишет вам векселя на любую сумму!

— Отлично! — довольно сказал Сухов.

— Вряд ли господин ван Лоббрехт может представлять здесь всю общину Нового Амстердама,— про-

скрипел вдруг неприятный голос.— Он стал куда ближе к местным дикарям!

Из тени эшафота показался худой, сторбленный, но весьма бодрый старикан зловещей наружности — нос крючком, лысый череп в веснушках, ушки остренькие, как у эльфа, губы в нитку, а глаза так и горят недобрым пламенем.

— А это кто такой? — задрал бровь Олег.

— Господин Албертус ван Хоорн,— боязливо проговорил Верхюлст.

Ван Хоорн улыбнулся, словно Кощей Бессмертный, заполучивший-таки Василису Прекрасную. Ему были приятны и страх, и почтение.

— Господин ван Хоорн является главою Нового Амстердама? — холодно проговорил Сухов, не глядя на Албертуса.

— Нет...— замялся второй директор Вест-Индской компании.— Он... он — святой...

Олег пренебрежительно усмехнулся.

Вот уж кого он терпеть не мог, так это всякого рода изуверов и прочих хитро... мм... задых, примазавшихся к религии и паразитирующих на вере людской.

Правда, Сухов был человек ответственный, и трезвые добропорядочные мысли его тоже посетили.

О том, к примеру, что не стоило бы восстанавливать против себя град сей, связываясь со «святым».

Но всё же корсар победил в Олеге политика.

— Никогда не поверю,— сказал он, усмехаясь,— что Господь дивен в таком-то святом! И не дело паствы объявлять чью-либо святость, даже если некий прохода того добивается. Истинно святой человек скромн по доброй натуре своей и наверняка воспротивился

бы столь лестной оценке собственных деяний. А вот вашему ван Хоорну по сердцу хвала пришлась, ибо гордыня правит мужем сим и тщеславие ненасытное! Так разве от Бога плевела сии злонравные, душу на погибель обрекающие?

Толпа проявила смятение, а ван Хоорн злобно возговорил, тыча в Сухова клюкой:

— Изыди! Изыди, отродье сатанинское!

— Принесите святой воды,— поморщился Олег,— и побрызгайте на этого кощуна! А то что-то серой пованивает.

Обведя толпу ледяным взглядом, он посмотрел на растерянного Верхюлста.

— Так мы договорились насчёт товаров? — спросил Сухов спокойно.

— А-да,— выговорил Виллем, облизывая пересохшие губы. Было видно, что ему очень, как дети говорят, сильно-пресильно не хочется идти против ван Хоорна, но жадность победила страх.

— А мой дядя, если надо, примет ваше серебро,— решительно заявил Крейн.

— Прекрасно,— кивнул Олег и лишь теперь посмотрел на пару несчастных, топтавшихся на эшафоте.— Это самое... Можно узнать, в чём провинились молодые люди?

Лицо у Верхюлста снова стало несчастным.

— Они обвиняются в колдовстве...— неуверенно промямлил он.

— Вот как?

— Чушь всё это! — яростно воспротивился один из осуждённых, беловолосый и синеглазый, как хрестоматийный добрый молодец. Видимо, воспрял духом после перепалки ван Хоорна с де Монтиньи.

— А вот и не чушь! — заорали из толпы. — Из-за вас, бесов, моя корова сдохла!

— А мы-то тут при чём?! — возмутился другой приговорённый, с чёрными волосами, длинными и прямыми, как у индейца. — Нас с братом месяц не было в городе! Охотники мы, меха промышляли!

— Повесить их! — возопил ван Хоорн, краснея от ярости и колотя клюкой. — Немедленно!

«Стражи порядка» кинулись исполнять приказ «святого», но были остановлены резким голосом Сухова:

— Стоять! Нолан, Яр, Франсуа!

Повинуясь жесту капитана, Чантри, Быков и де Жюссак взлетели на эшафот, небрежно оттесняя палачей, и, разрезав путы на обоих «колдунах», свели тех вниз.

— Как ты смеешь вмешиваться в Божий суд? — взревел ван Хоорн, бледнея, отчего краснота пошла по лицу его пятнами.

— Заткнись, — посоветовал Олег и повернулся к братьям-охотникам: — Звать вас как, колдуны?

— Не колдуны мы... — забубнил блондин.

— Да это он колдун! — озлился брюнет, кивая на ван Хоорна. — Когда ему Марта отказала, он тут всех застрашал, наговорил всякого, что и ведьма она, и то, и сё. А эти дурачки напугались и сожгли Марту!

— А мы ни сном ни духом! — с жаром сказал светлый и перекрестился. — И в Господа нашего Иисуса Христа верим, и никакой волшбой в жизни не занимались! Поклёп это!

— Это я виноват, — признался тёмный. — Проговорился, дурак, грозить стал этому упырю старому, что о

его делишках тёмных расскажу. Ушли мы с братом в лес, да и забыли обо всём, а на днях вернулись — и нас сразу в колодки! А теперь — вон...— Он неловко кивнул на виселицу.

— Суду всё ясно,— усмехнулся Сухов.— Как вас звать хоть?

— Я — Клаас,— сказал брюнет.

— А меня Янсом зовут,— молвил блондин.

— Будем знакомы,— скупой улыбнулся Олег.— Судя по всему, жизни вам тут не дадут. Уходите лучше в леса, земля велика. Или, если хотите, могу взять вас в команду.

— Хотим! — дуэтом воскликнули братья.

— Вы приняты.

— Взять его! — каркнул ван Хоорн, словно повторяя за Суховым, и указывая на командора.

Толпа угрожающе качнулась, но мушкетёры не сплеховали — всё такие же бесстрастные, они вскинули мушкеты, готовясь дать залп.

Местные разом отпрянули.

Олег приблизился к Албертусу и оглядел его, словно уродца в кунсткамере.

— Не так давно я сжёг на костре главного инквизитора Мехико,— проговорил он доверительно.— Стоит мне только пальцами щёлкнуть — вот так! — и мои люди мигом вздёрнут твою «святую» тушку, благо петельки готовы.

— Лучше бы тебе, чужак,— проскрежетал ван Хоорн,— не стоять у меня на пути!

Не отвечая «святому», словно потеряв к нему всякий интерес, Сухов повернулся к толпе, с усмешкою обозревая насупленные, озлобленные, равнодушные,

тупые или осмысленные, страшась или радуясь лица.

— Господин ван Лоббрехт,— медленно проговорил он,— переведите этим людям то, что я скажу. Это самое... Мы пробудем в Новом Амстердаме недолго — сделаем свои дела и уйдём. А вы останетесь. На этих двух кораблях, что прикрывают мне спину, под сотню пушек, они заряжены. Достаточно командовать: «Огонь!» — и от вашего городишки один форт останется. Но я не буду отдавать такой команды.— Снова обведя присутствующих взглядом холодных глаз, словно желая удостовериться в том, что его слова оценены по достоинству, капитан продолжил: — Хватит одной меткой пули или крепкой верёвки, чтобы покончить с этим сморчком,— Олег указал на ван Хорна,— но и это не моё дело. Вы уж сами как-нибудь сделайте выбор: молиться ли Богу или поклоняться слуге дьявола.

— Он — святой! — крикнули из толпы.

— Да неужто? — комически изумился Сухов.— А кто видел чудеса им явленные?

— Он спас мою внучку! — с жаром сказал рыжий дедок, сказал на приличном французском.— Святой Албертус исцелил её!

— Да ничем она не болела, твоя внучка! — парировал Янс.— Просто обожралась, и всё!

По толпе прошли смешки.

— А от индейцев нас кто спас? — не сдавался рыжий старец.— Забыли, что ли? Прошлым летом их сюда добрая тысяча нагрянула! А Албертус один вышел им навстречу, вознёс молитву, и все дикари убоялись! Бегом отступили! Так-то!

— Не так! — гаркнул Клаас. — Ваш «святой» сам подговорил вождя мохауков Уинчину привести своих воинов под стены города, чтоб попугал тут всех, изображая, будто вот-вот нападёт! Индейцы всё сыграли в точности, как бродячие артисты, а за это ван Хоорн отблагодарил их — сунул Уинчине пять старых мушкетов!

Тут уж заорали все хором, и кулаками замахали, и к ножам потянулись.

Спор едва не перешёл в потасовку — поверившие словам Клааса отвечивали первые тумаки тем, кто ещё не утратил веру в старого кумира. Те не оставались в долгу.

Крейн сиял, как новенький гульден, Виллем утирал пот, а полдесятка здоровяков во всём чёрном, без следов мыслительной деятельности на гладких лбах, живенько обступили Албертуса и увели нечестивого «святого», уберегая от расправы.

Быков, с интересом наблюдавший за развитием сюжета, фыркнул насмешливо:

— Спектакль окончен!

— Занавес! — поддакнул Пончик. — Угу...

Как показали дальнейшие события, они оба ошибались...

...Невесть когда гуроны или какое иное племя проложило с юга на север Манхэттена широкую тропу Виквасгек.

Она вилась меж холмов, шла лесом и мимо болот.

Питер Минёйт, тот самый губернатор, что выкупил остров за шестьдесят гульденов, назвал эту индейскую дорогу «Широким путём». Гораздо позже англичане

перевели это название на свой язык, и стал Виквастек Бродвеем.

Правда, в пределах Нового Амстердама «Широкий путь» именовался ещё пышнее — Хеерестраат, то бишь «Улица лордов».

Была улица эта хоть и широка, но кривовата и ямиста.

В сухую погоду колёса телег и лошадиные копыта поднимали на Хеерестраат пыль, а в дожди развозили слякоть.

— Всё равно,— упорствовал Яр,— Бродвей же!

— Да,— серьёзно кивнул Пончик,— очень похоже. Олег только улыбнулся.

Главную улицу Нового Амстердама обступали два ряда домов, сложенных из брёвен и крытых камышом да соломой. Только у храма Божьего, видневшегося в узком проулке, была добротная тесовая крыша.

Хеерестраат выглядела пустынной и безлюдной — все поселенцы были при деле, работали с утра до вечера, иначе тут не выживешь. Забавно, но редкие встречные, завидя корсаров, спешили убраться подальше, а уж если не получалось, то поджимали губы, старательно делая вид, что незнакомы.

За те два дня, что галеоны простояли на рейде, единственный человек поблагодарил Сухова за то, что командор не побоялся бросить вызов ван Хоорну.

Им оказался священник местной церкви, человек богобоязненный, кроткий и смиренный. Даже чересчур.

Видимо, ничего, кроме усердных молитв, не мог противопоставить «святому Албертусу», а тот поменьку-потихоньку обрабатывал «общественное мнение», ловил души и множил верноподданных из местного населения.

— Господин! — окликнул Олега робкий женский голос. — Господин!

Сухов оглянулся. Его догоняла пожилая женщина в длинном тёмном платье, в кружевном чепце, опиравшаяся на сучковатую палку.

— Меня зовут Констанс Линге, — сказала она, задыхаясь, — я счастливая мать Янса и Клааса. Спасибо вам огромное, что уберегли моих мальчиков, не отдали ироду этому!

Констанс всхлипнула.

— Терпеть не могу изуверов, госпожа Линге, — мягко проговорил Олег, — и мне самому приятно вынимать людей из петли, особенно если они того не заслужили.

— Только бойтесь ван Хоорна! — озаботилась госпожа Линге. — Это страшный человек! Никто не знает, кто он и откуда, да только у него повсюду свои люди, и лазутчиков полно — и здесь, и южнее, в Джеймстауне, и в Плимуте, и на французской стороне, в Квебеке и Порт-Ройале¹. Берегитесь его! Этот человек способен свратить и белого, и краснокожего, он способен на всё!

— А мы всегда начеку, госпожа Линге! — ухмыльнулся Быков. — Иначе нельзя!

Расставшись с осчастливленной матерью, друзья зашагали дальше, добравшись до окраины, где был выставлен частокол из заострённых брёвен, врытых в землю.

¹ *Джеймстаун* — первый город, основанный англичанами в колонии Виргиния. *Плимут* заложили пуритане неподалёку от современного Бостона. *Квебек* и *Порт-Ройал* (Пор-Руаяль) — французские поселения в Канаде.

— Теперь можешь пройтись поперёк Бродвея! — хихикнул Шурик. — Это Уолл-стрит ¹!

— Очень похоже! — фыркнул Яр. — Ну что, нагулялись? А, командор?

Сухов кивнул.

— Добычу мы сдали, — проговорил он лениво, — векселя на руках, можно и обратно, в тёплые моря. Хотя нет, сначала заглянем в Джеймстаун, всё равно по дороге. Мы не весь товар сбыли, у местных торгашей налички не хватило.

— Заглянем! — беспечно сказал Быков. — Заодно мяском свежим запасёмся.

— Тогда — все на борт.

Однако просто так взять и вернуться не получилось.

Когда Олег повернул к пристани, из переулков вышли пятеро в самом расцвете сил, одетые без изысков — в чёрные штаны и куртки. Шляпы их тоже были того же мрачного цвета, и даже рубахи.

На первый взгляд, эти верзилы только что оторвались от трудов праведных, вот только их мускулистые руки сжимали не топоры лесорубов и не кузнечные молоты, а тесаки и шпаги.

Сухов замедлил шаг и сказал негромко:

— Сначала пистолеты. Вить, твой с краю...

— ...Потом — мой, — перебил его кровожадный Пончик. — Угу...

— ...А я займусь парочкой слева, — договорил Олег.

— Сзади ещё четверо, — беззаботно произнёс Быков.

¹ Современная Уолл-стрит была проложена на месте рубленной из дерева крепостной стены, защищавшей Новый Амстердам от набегов индейцев.

— Кстати, да. Но у них тоже нет огнестрелов, одни острые и колющие предметы.

— Нет, ну почему...— заспорил Шурик.— У них ещё тупые предметы есть. Головы.

— Цыц,— сказал Сухов.— Танцуем. Первый выстрел — мой. Джентльмены желают нас проводить? — возвысил он голос.

Его английский кое-кому из встречавших оказался ясен, но юмор был не понят.

Пятёрка здоровяков в чёрном, одинаковых, как бобы в стручке, очень похоже насупилась и двинулась навстречу.

Ещё четверо таких же, физически крепких и неотягощённых интеллектом, в чёрных одеждах, подошли к корсарам с тыла, тоже перегораживая Хеерестраат.

— Стоять! — резко сказал Олег, но его приказ не возымел действия.— Ну не хотите по-хорошему, будем по-плохому.

С этими словами он выхватил «флинтлок» и выстрелил.

Тяжёлая пуля пробила грудь второму с края, снося его и бросая в пыль.

Пистолеты друзей ударили залпом. Своего Акимов убил наповал, а вот Шурка лишь ранил «следующего в очереди».

Быков и вовсе промазал, но нисколько не смутился промахом — ухмыльнулся, подмигнул бледнеющему супротивнику и выхватил палаш.

Сухов наблюдал за происходящим краем глаза, уделяя второго из парочки. Тот сражался нехило, так и

кроил воздух чем-то вроде здоровенного фальшиона¹, весившего не меньше мясницкого топора.

Олег, отбивая его наскоки, смещался влево, чтобы не подставить спину напавшим с тыла. Один из них, видимо самый азартный, скакнул к Сухову, и тот совершил молниеносный выпад, накалывая торопыгу, как на вертел.

Пинком отбросив умиравшего, Олег уделил всё внимание умельцу с тесаком. Тот, надо полагать, умаялся махать тяжёлой железякой, что и следовало доказать.

Мах — и острая сталь палаша рассекла умельцу брюшко.

Мигом уронив фальшион, пострадавший ухватил обеими руками валившиеся кишки, тараща глаза и от боли, и от ужаса.

— Не-ет! — прохрипел он умоляюще.

— Да, милый, да! — ласково пропел Олег, обрывая его мучения.

К этой секунде Яр уже добил своего «визави» и развернулся кругом, уделывая ещё одного любителя накидываться всей толпой.

Ну с этим у Быкова не будет проблем...

Зато двое «тыловигов» здорово теснили Акимова с Пончем. Сухов бросился на выручку.

Не заморачиваясь расшаркиваниями, он всадил клинок в спину, просаживая печень тому из напавших, у кого шея почти отсутствовала, а обвисшие поля шляпы ложились на плечи.

В живых остался один голомозый — без шляпы, сверкавший обширной плешью.

¹ *Фальшион* — тесак с расширяющимся к острию клинком односторонней заточки.

Запаниковав, он легко дался Виктору с Шуркой.

— Готов! — выдохнул Пончик.

Олег внимательно огляделся.

— Где-то тут был твой раненый...

Обнаружив искомого, уползавшего с дороги, Сухов поставил ему ногу на грудь и прижал к земле.

— Не торопись, выползень, — сказал он. — Лучше поболтаем немного. Кто вас послал?

— Я... Я... — залепетал раненый. — Мне нельзя...

— А мне — можно, — холодно улыбнулся командор. — Скажешь — и ползи дальше. Промолчишь — останешься здесь. — Он приставил кончик окровавленного лезвия к шее «выползня». — Ну? Будешь остывать вместе со всеми?

— Нет! — выдохнул тот. — Не... надо! Я... Я скажу. Это... Это фон Горн нас... послал!

— Ах, фон Горн... Он же ван Хоорн. Мм?

— Да-да! У него... много обличий. Он... не святой, он оборотень! Господи, помилуй мя, грешного!

— Не скули, — брезгливо сказал Олег, убирая ботфорт и аккуратно обтирая палаш о куртку «выползня». — Последний вопрос. Ты сказал: «Он нас послал». Кто слал, мы выяснили. А нас — это кого?

— «Чернецов»...

— Ага... А я уж было подумал, что это вы меня пародируете. Ладно... — Сухов разогнулся и бросил: — Живи.

Тут слышался шум и топот. Олег сперва напрягся, кладя руку на рукоять палаша, но тут же расслабился — по Хеерестраат неслись его верные корсары, готовые порвать на ветошь всех обитателей Новой Голландии.

— Капитан! — воскликнул Кэриб Уорнер (куда ж без него?) и замолк, тараща глаза на мертвецов.

— Мы тут немножко повздорили, — с лёгкой улыбкой сказал Олег.

Оглядев «поле боя», он перевёл взгляд на своих людей и проговорил, добавляя металлу в голос:

— Эту пададь науськал местный святоша, который то ли фон Горн, то ли ван Хоорн. Найдите мне его!

Корсары шумною толпою бросились в порт, передали приказ капитана, и вот уже сотня народу — решительных, отчаянных и хорошо вооружённых головорезов — отправилась на поиски Албертуса ван Хоорна.

Они врывались в дома, молча осматривались, не замечая цепенеющих хозяев, даже мимо церкви не прошли, заявили и в форт — тамошний командир решил уже было сдаваться, однако пронесло.

Часа через два Мулат Диего докладывал с запинкой Сухову:

— Всё осмотрели, капитан! Нигде его нету! Мы и за городом искали, наткнулись на старого индейца, а он и говорит: ушёл, дескать, Человек-с-тысячью-имён! Собрал десяток своих чёрных и ушёл...

— Человек-с-тысячью-имён? — поднял бровь Олег. — Хм... Похоже. Ладно, даст Бог, встретимся.

Оглядев свою команду, он скомандовал:

— Все на борт!

Глава 3, *в которой Олег встречает старого знакомого*

Новый Свет, Виргиния

Будущие американцы станут утверждать, что первую высадку на территории их Штатов осуществили переселенцы из Англии.

Весною 1607 года те высадились в устье Чесапикского залива, у реки, названной ими в честь короля — Джеймс¹.

На этой же реке возвели и Форт-Джеймс, положивший начало городишке Джеймстауну.

Но не им принадлежит первенство в освоении Новой Англии. А кому?

Слышны уверения, будто колония Виргиния ведёт свою летопись с рыцаря и пирата Уолтера Рэйли, фаворита Елизаветы I, «королевы-девственницы».

На балах королева пускалась в первый танец с Рэйли, на охоте позволяла сэру Уолтеру скакать по правую руку от себя.

¹ *Джеймс* — английское произношение имени Иаков (Яков). В данном случае речь о Якове I.

Он стал капитаном личной гвардии королевы, адмиралом Дэвона и Корнуолла.

Заметим в скобках, что, стоило царственной особе дознаться, будто бы её фрейлина забеременела от Рэйли (коему платонической любви стало не хватать), как её благоволение мигом обернулось яростью.

Нет, «изменник» не лишился ни чинов, ни богатств своих.

Хуже — его отлучили от двора. Стареющая королева отказала Рэйли от дома...

Оба сильно переживали разрыв, и Уолтер решил забыть в море — он отправился к берегам Нового Света и основал там колонию, названную Виргинией — в честь Елизаветы¹.

Правда, у первых переселенцев руки росли из... одного места.

На землях, обильных дичью, они едва не перемерли с голоду, иные даже до людоедства докатывались.

Надо ли говорить, что, когда мимо проплывали галеоны Фрэнсиса Дрейка, колонисты бегом устремились на их палубы, спеша вернуться домой, в Англию.

Следующая страница виргинской летописи и вовсе мрачна — больше сотни колонистов «второго призыва» отстроили селение Роанок — и пропали. Исчезли все до единого. Куда? Тайна...

Но всё же не англичане первыми из европейцев «наследили» на берегах Чесапика — лет за двадцать до них сюда вышли конкистадоры неугомонного де Сото.

¹ *Virginia* — «девственная».

Попытались было устроить в этих местах миссию иезуитов, туземцы тех попов перебили, вот испанцы и покинули пределы будущей Виргинии.

Чесапик (по-индейски это значит «Могучая река, богатая моллюсками») является обширным заливом, напоминающем фьорд, только без высоких гор.

По сути это устье реки Саскауэханны, раздавшейся за счёт океанских вод.

От самого берега и дальше на запад, до Голубых гор, землю Виргинии покрывали дремучие леса, давным-давно исхоженные индейцами — пекотами, шауни, мохеганами, сенеками, чероки.

Первым белым человеком, посетившим виргинские дебри, стал англичанин с простоватым именем Джон Смит, но вот судьба этого капитана далеко не заурядна.

Двадцати лет от роду, он сражался с турками, был ранен в полудикой Валахии и продан в рабство крымским татарам.

Знатный осман Богал-паша купил его в услужение — для своей невесты-гречанки, и зря.

«Томившаяся нежно» девица влюбилась в капитана Смита.

Потом, правда, натешившись вволю, отправила невольника брату в Азов. Убив своего нового хозяина, Джон бежал к донским казакам и долгим кружным путём воротился в Англию.

Это Смит позаимствовал казацкие частоколы-палисады, оградившие посёлки колонистов от индейцев, он же «внедрил» тёплую русскую избу, названную поселенцами «лонг кэбин».

Впрочем, самую широкую известность капитану принесло знакомство с Матоакой, дочерью вождя Вахунсунакока.

Эту резвую скво европейцы знают под именем Покахонтас.

Джон Смит — тот ещё враль! — вдохновенно рассказал, как он попал в плен к индейцам, где его едва не пристукнули дубинкой, но отрочица Покахонтас прикрыла-де голову бледнолицего своей.

Ну так или иначе, а капитан спасся, краснокожие из селения Веравокомоно стали приторговывать с бледнолицыми, спасая тех от голода, и Джеймстаун малость окреп.

Сама Покахонтас сначала вышла замуж за соплеменника Косаума, а потом, когда её похитили белые и обратили в свою веру, окрестив Ребеккой, обвенчалась с Джоном Ролфом, чуть ли не первым плантатором, возделывавшим в Виргинии табак.

Восемь лет белые «джентльмены-неудачники» прожили в мире с индейцами.

Построили селение Хенрико на той же реке, что и Джеймстаун, только выше по течению. Основали Норфолк, Портсмут, Хэмптон и Ньюпорт-Ньюс.

Но тут Вахунсунакок, больше известный как Поухатан, помер. Новый вождь Опеканканох, дядя Покахонтас, повёл индейцев воевать белых, стонявших краснокожих с их земель, и перебил больше трёх сотен народу и без того немногочисленного.

Потом случилось поветрие, многие жители Джеймстауна скончались от неведомой хвори, а зимой начался голод.

Ко времени описываемых событий Виргинию заселяло около тысячи ирландцев и англичан — фрименов, более-менее состоятельных, у которых были деньги на дорогу к берегам Нового Света, да сервентов — бося-

ков, доставленных на берега Чесапика в долг и обязанных лет семь отрабатывать «плату за проезд».

Фримены заводили табачные плантации, а сервенты жили в «общих домах», работали где скажут, вкалывали по-чёрному за харчи.

Кое-кто из них осмеливался-таки охотиться в лесах, хоть они и считались королевскими владениями.

Самые отважные уходили дальше — на Дикий Запад, до Голубых гор, переваливали их, добираясь до полноводной реки, ирокезами зовомой Огайо.

Граница освоенных земель — знаменитый фронтир — медленно сдвигалась от Большой Солёной воды к Великим Равнинам...

«Феникс» плавно вошёл в Чесапикский залив, склоняясь к устью реки Джеймс.

Ветерок натягивал запахи прели и хвои, порою — дровяного дыма. То ли костры жгли, то ли печь растапливали.

Частенько вонь перебивал аромат цветов — шёл месяц май.

Сразу было видно, что основатели Джеймстауна происходили из обедневших или разорившихся джентльменов, наивно полагавших, что в Америке легко поправить дела — тут же золото под ногами валяется, а бобры сами сдают свои шкурки.

Каким же надо было быть безруким и безголовым, чтобы заложить город среди болот, плодивших лихорадку и прочие прелести! Сырые, топкие низменности по обоим берегам реки заросли густым лесом из чёрных камедных деревьев, кипарисов, лавра-сассафраса

и можжевельника, отпустивших «бороды» испанского мха и оплётённых лозами дикого винограда, вперемешку с подлеском — миртом, жимолостью и тростником.

Лишь кое-где попадались клочки твёрдой земли, прочая суша не заслуживала подобного названия, поскольку сочилась влагой и вся была изрезана протоками, покрыта лужами, издававшими гнилостный запах.

— Представляю,— пробурчал Пончик,— сколько здесь комарья летом... Угу.

— Малярийного, конечно же,— поддакнул Акимов.

— Не могли уже места найти, что ли? На тысячи миль сплошная терра инкогнита, а они к болоту пристроились! Ни ума, ни фантазии... Угу.

Нолан Чантри хмыкнул.

— А люди не думают, что им тут жить и жить,— проговорил он с усмешкой.— Вон, пока Плимут основали, сколько лагерей перепробовали!

Высадились на мысу, пожили-пожили, поняли, что нелучшее место, давай переселяться. А что, разве нельзя было сначала всё разведать толком, выбрать, где удобнее всего и людям, и кораблям?

— Да и наши тоже, в Новом Амстердаме,— осмелился Янс вставить словечко,— сперва на Нотен-Эйлант строиться начали — это островок мелкий, чуток к востоку от Манхэттена. Всё как-то впопыхах, а куда спешить-то было? Мы тогда с Клаасом совсем мальчишки были, и то знали места получше. Да только кто ж детей слушать будет?

— Любят люди дурную работу,— сказал Быков.

Олег не принял участия в дискуссии, он любовался Гли-Гли, прогуливавшейся по палубе.

Индианка была не просто хорошенькой девушкой, ей было дано великолепное изящество — каждый её шаг, наклон, изгиб сильного тела отличались грациозностью, а походка, в особенности когда Гли-Гли замечала, что на неё смотрят, принимала подчас характер эротического танца.

— Любуешься? — шепнул Ярослав.

Сухов кивнул:

— Есть на что посмотреть со вкусом.

— А ты смотри на местные достопримечательности, охальник!

— Молчал бы уж, отшельник выискался... Брал бы пример с Пончика. Образчик верности! Не то что мы...

Быков хихикнул, и Олег посмотрел на него с подозрением.

— Два дня мы стояли на Гудзоне, — негромко проговорил Яр, — но Шурка нашёл-таки молоденькую вдовушку!

— Вот оно что... И не сказал же ничего, стервец!

— Ты что! Спроси его — молчать будет как партизан. Лицемер ещё тот. Ко всему прочему, Понч опасается, что про его амурсы Гелла дознается... Да нет, я его понимаю прекрасно — куда здоровому мужику без женщины? Целый год сексом не заниматься — это, знаешь... Да где год — два почти! Тут у всякого крыша поедет...

— Всё равно, тихушник наш Понч.

— Что есть, то есть! А ты в курсе, что за живность в тихом омуте. О, кажется, прибываем!

Показался Джеймстаун. Городишко располагался на небольшой возвышенности и представлял собой не слишком впечатлявший форт, обнесённый частоколом,

да ряд домишек вдоль единственной улочки, выходившей к пристани.

— Да он даже меньше Нового Амстердама! — разочарованно сказал Быков.

— Надо полагать, они расселились, — проговорил Акимов. — Плантаторы, конечно же, прописались поближе к посадкам табака.

— Наверное, — согласился Сухов.

Оглянувшись за корму, он посмотрел на красный галеон, медленно подтягивавшийся следом за чёрным.

Корабли подходили к причалу со скоростью ползущего человека — река тут отличалась глубиной. Вот они прижались бортом к позеленевшим брёвнам, сминая кранцы, и матросы ловко перебросили швартовые концы местным, ожидавшим на пристани. Те мигом намотали лохматые канаты на деревянные столбы, врытые в землю, такие толстые, что напоминали пни вековых деревьев.

Да и дома в посёлке тоже впечатляли — срубленные из стволов дерева в обхват, они выглядели непоколебимо, мощно.

А скольких трудов стоило повалить эти деревья, приволочь, возвести стены, венец за венцом! Зато тепло и пуля не возьмёт.

Да и не всякое ядро пробьёт. Такому дому только огонь и страшен.

Обитатели сих могучих жилищ уже спешили к пристани, самые робкие держались в отдалении, хотя и их разбирало любопытство — гости всегда приносили с собою новости.

— Диего! — позвал Олег. — Это самое... Будь другом, договорись насчёт груза. Ладно? Надоела мне уже эта купля-продажа.

— Сделаем, капитан! — бодро ответил Мулат. — Табачники местные с деньгой, а тратить негде. Поможем!

Сухов сошёл на пристань, и собравшаяся толпа почтительно расступилась, пропуская командора.

Учтиво раскланиваясь с дамами, Олег прошествовал по улице, оглядывая довольно-таки унылые виды.

В колонии всего не хватало, и даже поставить приличный забор было просто не из чего, приходилось обходиться изгородями, а двери сколачивать из грубых досок-лесин и вешать их на кожаные петли — кованых навесов ещё «не завезли».

Остановившись напротив очередного «общего дома» — обычного приземистого барака, Сухов понаблюдал за работой местного плотника: любопытным инструментом фроу, похожим на гнущее долото, и киянкой тот разделявал ствол дерева — колол дранку для кровель.

Олег оторвался от созерцания производственного процесса и перевёл взгляд на лес за рекой.

Ближе к берегу заметны были порубки, а дальше деревья стеною вставали, уходя к западу, поднимаясь на холмы и спускаясь в сырые низины, до самых Голубых гор.

Командор вздохнул. Его тянул этот нехоженный простор, влекла огромная страна, не тронутая тлетворным дыханием цивилизации. Там, за далёкими горами, текли чистые реки, кои, ежели и были перегорожены, то лишь бобровыми плотинами.

А воздух тамошний был прозрачен и свеж, не испоганенный ничем, кроме дыма походного костра.

Правда, в любой момент могла просвистеть индейская стрела, обрывая жизнь романтику, не приспособ-

ленному к первобытному строю, и всё ради того, чтобы его скальп украсил вигвам молодого ирокеза или гурона, желающего стать великим воином.

Сухов усмехнулся. Каждый понимает «великую американскую мечту» по-своему...

Он уже повернулся, чтобы идти обратно, как вдруг расслышал топот, а в следующую секунду из-за «общего дома» выбежал Акимов.

Углядел Олега и выдохнул:

— Галя пропала!

Бесцеремонно растолкав зевак, столпившихся на пристани, Сухов поднялся на палубу.

— Диего! — рявкнул он. — Живо десять человек на ту сторону этого хренового городишки, десять на ту! Надо опросить местных, не видел ли кто молодой девушки-индианки в европейском платье. Найдут кого, пусть волокут на корабль и всё визнают. Живо!

— Слушаю!

— Моллар! Сбегай к здешнему руководству, кто тут у них — губернатор? Пусть тоже ищут! Это самое... Намекни, что станется с Джеймстауном, если меня из себя вывести!

— Понял! — ухмыльнулся капитан «Симурга». — Бегу!

— Командор!

Олег обернулся на зов. К нему подскочил Хиали и указал на берег:

— Мы находить молодой моряк, звать Гвилим. Его пытать и душить.

Сухов опять вернулся с корабля на сушу.

Пара индейцев-карибов расступилась. На расстеленном плаще лежал Гвилим Чэнси. Тело Гвилима Чэнси.

Олег покачал головой — он и видел-то этого Гвилима мельком, хотя каждого из команды знал в лицо, положение обязывало.

Рядом присел на корточки Нолан Чантри, коснулся мёртвого.

— Убили совсем недавно,— сделал он вывод.— И пытали не слишком старательно. Наверное, он быстро всё выложил.

— Насчёт Гли-Гли?

— Думаю, да. Уж больно два происшествия по времени совпадают. Хотя, конечно, всё это так — думки вслух.

— Ла-адно... Диего, если что, я на той окраине, что выше по течению.

— Понял, капитан!

— Понч! Витька! Пошли со мной...

— Идём!

— Яр где?

— Вооружается!

— Янс и ты, Клаас, вы тоже со мной. Шанго, Хиали, Жак, ты, барон, и ты, граф. Пойдёмте!

Принц-ассанте, индеец и три мушкетёра дружно отправились за своим командором.

Встречные жители старались не попадаться им на пути — как увидят, так и спешат шмыгнуть в переулки.

— Не волнуйся, Витёк,— ворчал Сухов, энергично шагая,— найдём мы твою Галю.

— Я верю, конечно же,— вздохнул Акимов.— Как-то нелогично всё! С чего вдруг её надо было похищать?

Кому? Зачем? Нет, я понимаю, конечно же, что здесь с женщинами напряжёнка, но уж очень всё быстро! И часа ещё не прошло! Вы как хотите, а тут всё подстроено. Не верю я в случайности, не бывает их!

Олег увидал, что к ним несётся, ног не жалея, их юнга, Кэриб Уорнер.

— Капитан! — завопил он. — Нашёл!

— Нашёл?! — подскочил Виктор. — Где она? Где? Галя жива?

— Я не... девушку нашёл, — еле выговорил юнга, отпыхиваясь и поглядывая виновато, — а тех, кто её похитил!

— Показывай! — велел Сухов.

Кэриб взял с места, все понеслись следом.

Добежав до маленькой пристани, скрытой в тени раскидистых деревьев, юнга остановился.

Корявые мостки давали приют парочке индейских каноэ, по достоинству оценённых бледнолицыми, а рядом, на пеньке, восседал пожилой «начальник порта», весьма довольный жизнью и собой.

— Вот он видел! — указал на него Кэриб.

— Рассказывай, — велел Олег.

Старичок ласково улыбнулся и сказал:

— Что вы ко мне пристали с расспросами? Вам надо, вы и ищите!

Палаш едва слышно ширкнул, покидая ножны, блеснул лезвием и упёрся остриём в шею лодочника.

— Мне надо, — очень мягко выговорил Сухов, — я и ищу. Если ты сейчас же не заговоришь, будешь греться не на солнышке, а в аду. Говори!

— Да что вы, в самом деле... — заныл старик, вытягивая шею. — Ну проходили тут трое молодых людей,

Глава 3

тащили с собой индианку. Молодая, ничего так себе, в синем платье с кружевами...

— Она! — взволновался Акимов. — Это была она!

— Куда её потащили? — продолжил допрос Олег.

— Ну лодка тут была... Большая, одного тутошнего плантатора. И люди его...

— Куда они поплыли?

— Ну вверх, конечно. На плантацию, наверное...

— Что за плантатор?

— Хороший человек, богатый... Из немцев он. Всегда на церковь жертвует, помогает, не скупится...

— Звать как?

— Натаниэль я, Хромым меня кличут...

— Да на кой чёрт ты мне сдался! Плантатора как зовут?

— А-а... Альберт фон Горн.

— Ах, вот оно что... — протянул Сухов. — Вот откуда ушки-то растут!

— Думаешь, это тот самый? — усомнился Понч. — Где Новый Амстердам и где Джеймстаун? Угу...

— Ха! — хмыкнул Клаас. — Да у ван Хоорна везде и стол, и дом! Только в Плимуте он сэр Элберт Хорн, а в Гаване — дон Альберто де Корон. Ну сам в Вест-Индии я не был, знающие люди рассказывали...

— Всё ясно.

Вернув на место палаш, Олег сунул перепуганному Натаниэлю пару серебряных песо и сказал:

— Если что новое узнаешь или старое вспомнишь — передашь на корабль.

— Вот так бы с самого начала... — взбодрился Хромым.

— Что?

— Я говорю, премного благодарны!

— Кэриб, ты у нас самый молодой, дуй на борт, передай Диего, чтобы спускал пару вельботов. Надо будет нанести визит хорошему человеку Альберту фон Горну. Клаас и ты, Шанго, задержитесь, расспросите у нашего друга Ната дорогу к плантации.

— Слушаю!

И опять Сухов вернулся на корабль, но теперь у него была ясная цель.

Оставалось сгрузить в шлюпки «средства» её достижения и отправляться выручать Гли-Гли.

Мельком ему вспомнились прелести индианки, но он отогнал от себя пленительные видения. Вот уж о чём не стоит упоминать при Акимове...

А на пристани начиналось немалое шумство.

Большая толпа джеймстаунцев, некоторые в сильном подпитии, бушевала на узкой площади между рекой и приземистыми, словно выросшими в землю пакгаузами.

Тут были и фримены, узнаваемые по чистой, справной одежке, и сервенты, мужики и женщины — первые орали надсадно, ругались, а вторые вопили, переходя на визг.

— Тебе это не напоминает массовку? — громко сказал Быков, высвобождая из ножен абордажную саблю.

— Напоминает, — кивнул Олег. — Крику много, но как-то без чувства.

— Мало репетировали!

— Кстати, да. А вон и ассистенты режиссёра!

Сухов подбородком указал на шустрых малых, упакованных в чёрные костюмы. Они сновали в толпе, подзуживая людей.

— «Чернецы»!

Олег неторопливо вынул из-за кушака пистолет, направил его дулом вверх и выпалил в воздух.

Грохот выстрела будто выключил звук у безобразной постановки.

— Разойдись! — гаркнул Сухов. — Диего! Зарядить номера семь, восемь и девять картечью!

— Слушаю, капитан! — бодро прокричал Мулат.

— Приготовиться к залпу по команде!

— Готово, капитан!

Толпа разом отхлынула, передние толкали задних, кто-то упал, кого-то придавили к стенке пакгауза, и вот вся людская масса, забыв про всякое разумение, подчиняясь позыву плоти, рванула с места, освобождая пристань. И тишина...

— Придурки... — буркнул Олег, энергично шагая к трапу.

Навстречу ему сбежал Жак де Террид.

— Господин командор, — сказал он, — я тут пораспрашивал... Плантадоры в «общих домах» не живут. Они строят настоящие форты, иначе тут нельзя — индейцы. Может, стоит захватить пару пушчонок? Хотя бы фальконетов?

— Дело говоришь, — кивнул Олег. — Диего, вели спустить пару средних кулеврин¹.

¹ *Кулеврина* — артиллерийское орудие. Средняя кулеврина весила 24 пуда (ок. 400 кг), имела калибр 2,5 дюйма (ок. 50 мм) и стреляла ядрами весом 2,5 фунта (ок. 1,5 кг).

— Да, капитан!

— Ну, если там форт, то нам и лестницы не помешают. Сообразишь, Диего?

— А то!

— Остаёшься за меня.

— Слушаю!

— Мы вперёд двинем, а вы следом — река судоходная. Риск, может, и благородное дело, но зря лихачить вредно для здоровья.

— Да подождали бы, капитан, вместе бы и двинули!

— Времени нет, Диего. Давай... Моллар! Отчаливай и жди в Чесапике!

— Да, капитан! Здесь ловить нечего!

Сухов спустился в вельбот и помог смайнать увесистую пушку. Хоть и мелкокалиберная, весила она изрядно.

— Трави помалу! Ещё!

— Тяжёленькая...

— Ха! Сказал тоже! Да её вчетвером только так вытянешь!

— На лафет, на лафет клади! О-па! Легла!

— Понч, ядра!

— Принимаю, принимаю...

— Порох!

Загрузив два вельбота с обоих галеонов, спасательная команда отправилась в путь.

Кроме Олега и его друзей, троих мушкетёров и «американцев» — Нолана, Клааса и Янса, в поход отправились Франсуа де Жюссак, Шанго, Хиали и Кэриб Уорнер.

В общем-то, юнгу никто не собирался брать, просто в последние минуты погрузки он незаметно переместился на вельбот и не отвечивал.

Когда же подняли паруса и шлюпки потихоньку стали одолевать течение, удаляясь от пристани, было не до того, а потом...

А что потом? Ну не возвращаться же только для того, чтобы высадить паршивца?

— Клаас, ты хорошо запомнил, куда нам путь держать?

— Да, господин командор! До урочища Сломанного Копья, потом ещё немного, мимо Гладкого острова — и сразу будет виден форт. Да вы не беспокойтесь, места эти я знаю немного, бывал здесь с отцом пару раз. Давно, правда...

— Ну и то хлеб.

Где там было урочище и кто ломал копия, Сухов так и не понял, но остров он опознал — вытянутый клочок земли посреди реки, идеально ровный, заросший травой так, что больше напоминал газон. Словно кто постриг его.

Будь он в Англии или во Франции, можно было предположить, что это коровы сюда наведываются, но здесь, в Виргинии, даже лошадь была редкостью.

Скотоводческие ранчо и перегоны скота, ковбои и конокрады — всё это было впереди, Америка только начиналась.

— Паруса долой,— приказал Олег.— Не будем зря светиться. Вёсла на воду!

Течение было слабое, так что вельботы несколько не сбавили в скорости. Может, даже и выиграли чуток.

— Олегар...— сказал де Жюссак, привставая.— Вот та высота, видишь?

— Вижу-вижу,— прищурился Сухов, разглядывая невысокий холмик напротив форта.

Макушка холма заросла дубняком, а «смотрела» та возвышенность как раз на угол крепости.

Хотя крепостью это сооружение назвать язык не поворачивался. Обширный двор окружал частокол высотой футов в пятнадцать-шестнадцать ¹.

Сколько внутри находилось блокаузов и прочих сооружений, с реки видно не было, зато различались четыре фальконета ², установленных на вертлюги ³.

Ворота были заперты, и форт казался нежилым, брошенным.

Ан нет, вон чья-то голова показалась над оградой...

Верхушки брёвен, из которых был собран палисад, не были выровнены в одну линию, а торчали на разной высоте.

И это являлось умным решением — так глазу штурмующего было труднее различить осаждённого, если тот вдруг высунется между заострённых стволов, чтобы, к примеру, глянуть, не взбирается ли кто на стену.

Или пальнуть. Или треснуть, как следует, прикладом. Умно.

— К берегу!

— Как же это они упустили,— прокряхтел барон де Сен-Клер, ворочая веслом,— что высота напротив — господствующая? Даже деревья не вырубili...

— А зачем? — пожал плечами Быков.— Форт строили как защиту от индейцев, а у краснокожих не то что пушки, мушкеты — большая редкость.

¹ Примерно 5 метров.

² *Фальконет* — мелкокалиберная пушка, стрелявшая ядрами в 1—3 фунта весом (0,5—1,5 кг).

³ *Вертлюг* (или *вертлюга*) — поворотная опора.

Глава 3

— Вообще-то, верно...

— Высаживаемся! Сейчас будет самое интересное.

— Что именно? — не понял Шурик.

— Пушки в гору потащим! Взялись!

Выволоочь кулеврины на берег было тяжело, но с этим справились.

А потом началось «веселье» — надо было вчетвером приподнять на канатах пушку, просеменить, сколько дышалки хватит, и опустить груз на землю. Отдышаться и снова вперёд. Вверх...

Подменяясь, всё-таки выволокли кулеврины на макушку холма. Установили, укрепили.

— Понч, заряжай.

Шурик, валявшийся на травке, раскинув руки и ноги, пробормотал:

— Не кантовать... Меня. Угу...

— Подъём, царёк полей! Артиллерия ждёт твоего нежного внимания.

— Ох-хо-хо...

— И не кряхти, как старый дед.

— Ничего не старый. Мне, может, нравится кряхтеть!

— Заряжай давай... Так, товарищи, кто пойдёт парламентёром?

— Я пойду, конечно же! — решительно заявил Акимов.

— Флаг тебе в руки,— пробормотал Яр,— и барабан на шею.

— Нет,— мотнул головой Олег.— Жак? Как ты насчёт прогуляться?

— Да ради бога! Только дайте мне чего-нибудь белого, на палку привязать.

Сухов скинул свой камзол и снял рубашку.

— Держи.

— Жалко...

— Случись бой, а он непременно случится, чует моё сердце, от неё всё равно клочья останутся. Пусть лучше послужит благому делу.

— Ну я пошёл тогда.

— Скажешь, что форт окружён и под прицелом орудий. Выдадут девушку добром, отделаются выкупом. Не выдадут — раскатаем по брёвнышку. Сигналом, чтобы открывать огонь из пушек, будет твой флаг — опустишь его, и мы пальнём. Понял?

— Понял!

— Действуй.

— А мы Галю не заденем? — встревожился Виктор.

— Во двор ядра не полетят, — авторитетно заявил Пончик, — мы по стеночке...

— Пугануть их надо, Вить, чтоб проняло до самых печёнок. А штурмовать придётся в «ручном режиме». Лестницы принесли?

— Тут они, — прогудел Шанго. — Только не знаю, выдержит ли такая меня...

— А мы тебе две лестницы приставим, — серьёзно сказал Шурик. — На одну будешь левой ногой становиться, а на другую — правой.

Африканец хотел рассердиться, но на Пончика он злиться не умел.

— Скажешь тоже... — буркнул чёрный принц.

— Анри, — распорядился Сухов, — берёшь с собою троих с мушкетами, будете прикрывать Жака со спины. Мы ударим отсюда.

— Понял, господин командор.

— Понч, готовсь.

Глава 3

— Всегда готовсь!

Олег испытывал в эти минуты болезненное нетерпение, ему хотелось побыстрее расквитаться с Горном, или с Хоорном, или как его там, и вернуться, и пусть Витька встретиться с любимой, и всё будет хорошо, и они, наконец, покинут эту дурацкую Новую Англию, зачаток будущих Штатов.

Их поход он воспринимал как прогулку, как досадную неизбежность и злился на себя, что вовремя не повесил недоделанного «святого».

Вскоре Сухову пришлось изменить своё мнение — прогулка выдалась долгой...

Глава 4, *в которой Олег устремляется к далёким Голубым горам*

О легу с высоты было хорошо видно, как де Террид не спеша приближается к форту. К резиденции Альберта фон Горна вела от самого берега утоптанная дорожка, можно было и причал разглядеть, у которого еле-еле покачивалась пара плоскодонок.

Жаль, что ворота с высоты виднелись наискосок, ядром не выбьешь.

Неожиданно над оградой возник крепкий малый с мушкетом.

«Чернец»!

Он что-то крикнул Жаку и сразу же выстрелил ему под ноги.

Де Террид заорал, видимо не желая особого блага стрелку, и замахал белым флагом.

Стрелок скрылся, но вскоре возник снова, да не один.

Этот второй, в широкополой чёрной шляпе, завопил что-то противным, визгливым голосом и сделал недвусмысленный жест: убирайся прочь!

Ну было бы сказано...

Мушкетёр пожал плечами, развернулся и потопал, резко опуская белый флаг.

— Огонь,— спокойно скомандовал Сухов.

Кулеврина тут же бабахнула, грохотом пугая птиц,— целая туча пичуг поднялась в небо из окрестных зарослей.

Ядро вломилось точно — в угол ограды, сваливая во двор фальконет вместе с вертлюгой.

— Это самое... Всади им туда же!

— Есть, товарищ командор!

— Мушкетёры... Огонь!

Над оградой замелькали головы «чернецов» в шляпах, выглядывая и пропадая, как поплавки.

Залп из мушкетов дал неплохой итог — как минимум двум «поплавкам» резко поплохело.

Грохнула вторая кулеврина. Ядро рассадило два столба, смыкавших северную стену и восточную, выходящую к реке. Образовалась изрядная щель — нога пролезет.

— Понч, заряжай! И всё по тому же месту!

— Слушаюсь!

Ударил пар мушкетов из крепости.

Им тут же ответили Шанго и Хиали, засевшие недалеко от «огневой точки».

— Ладно, хватит,— сказал Олег, скидывая шляпу.

Напялив на голое тело перевязь с парой пистолетов-пуфферов, он взял в руку третий, излюбленный свой «флинтлок», и махнул им в сторону форта:

— На штурм! Шанго, хватай лестницу. Франсуа, а ты — вторую. Понч с Витькой прикрывают. Мушкетёры!

— Прикроем, господин командор! — отозвался Жак.

— Цел?

— Как непочатая бутылка!

— Ну всё, мы пошли. За мной!

По склону холма Сухов сбежал в низинку, откуда махом одолел невысокий вал.

Сзади прогремел выстрел из мушкета — надо полагать, кто-то высунулся из-за ограды.

Шанго с ходу приставил лестницу, и Олег взбежал по ней наверх, перепрыгивая на узкую галерею, окаймлявшую всю ограду, лишь у ворот она разрывалась.

Пустого пространства внутри форта практически не было — несколько блокгаузов, рубленных из брёвен, задними стенками примыкали к частоколу, четыре приземистых сооружения, по виду склады, стояли в ряд, рядом с ними — два жилых дома, общий и хозяйский. Толстый брус-засов запирает ворота.

Буквально в пяти шагах от Сухова приседал на четвереньки защитник форта, весьма упитанный и с мушкетом¹ в руках.

Он резко вскинул своё оружие, но Олег опередил его, расходуя заряд «флинтлока».

Защитника отбросило на тесовую крышу склада.

Сухов глянул вниз. Настил галереи был поднят футов на десять от земли, утоптанной в пыль.

Оттуда на галерею вела пара лестниц.

¹ *Мушкетон* — более короткое ружье, в сравнении с мушкетом, с характерным расширением дула — чтобы было легче заряжать, особенно сидя в седле (мушкетон чаще всего использовали кавалеристы).

Сунув опустошённый «флинтлок» за пояс, Олег спустился по ближайшей из них вниз.

Следом за ним, подломив пару перекладин, съехал Шанго.

— Дрянные у них лестницы! — сказал он в раздражении.

— И не говори... Блокгауз!

Они выстрелили одновременно, стремясь попасть в бойницу, из которой показалось дуло мушкета.

Повезло ли им, осталось неизвестным, но мушкет выстрелил мимо, попав в створку ворот.

Ствол так и торчал в амбразуре — то ли стрелку было лень перезаряжать оружие, то ли времени не было, то ли Сухов не зря истратил один из пuffersов.

— Яр, к блокгаузу!

Быков промчался по галерее и прыгнул на крышу склада, куда давеча сверзился убитый Олегом «защитник».

Подобрав мушкетон, Яр стал на колени и выстрелил по видимой им цели.

Как выяснилось вскоре, удачно — мужик с пистолетом выпал из-за угла «общего дома» и растянулся в пыли.

Быков с Суховым оказались возле него одновременно.

— Ладно,— сказал Ярослав,— так и быть, пистолет твой!

— Чистим блокгауз, щедрый ты наш!

Подобрав трофейный пистолет, Олег бросился к дверям блокгауза.

— Шанго! Открывай ворота! Я прикрою!

Не отвечая, негр взял с места громадными скачками.

Одним мощным движением вынув тяжёлый брус из ушек, чёрный гигант перебросил его через себя и отворил ворота.

Запоздалый выстрел ударил из дверей «общего дома», откуда выглянул молодой мужчина с мушкетом.

К счастью, он промахнулся, а вот Сухов — нет.

Увесистая пулька ударила «чернеца» в грудь, снося с ног.

— Готов!

Паче чаяния, толстая дверь в блокгауз была не заперта.

Ворвавшись внутрь, Олег никого не увидел.

Поднявшись по скрипучей лестнице на второй этаж, ему пришлось констатировать смерть единственного оборонца.

— Франсуа, в общий дом!

В это время двор наполнился людьми Сухова, они разбежались в разные стороны, врываясь в дома, занимая склады.

Ещё пять минут — и форт пал.

Изо всех защитников крепости фон Горна уцелели трое — молодые, сильные, упёртые.

Набывчившись, они смотрели на Олега исподлобья.

— Где девушка? — холодно спросил Сухов.

Один из пленных, с круглой, остриженной головой, ухмыльнулся.

— Поздно вы пожаловали, господа пираты! — проговорил он с издёвкой. — Вы ещё только отплывали от ваших кораблей, а к нам уже кинулся верный человек и всё обсказал как есть! Ушёл святой отец и девку с собой увёл!

— Куда ушёл?

— Да пошёл ты...

Олег поднял пистолет и выстрелил.

Круглоголового отбросило в пыль с развороченными рёбрами.

Сухов спокойно сунул обратно разряженный пuffer и вынул второй.

— Так куда ушёл Горн? — по-прежнему холодно спросил он, наводя пистолет на следующего в очереди.

— Они... в леса ушли, — ответил следующий, отчаянно рыжий и конопатый, — туда, к горам. Вождь племени онондовага — кровный брат святому отцу...

— Отцу Альберту?

— Да-да.

— Ты сказал — онон...

— Онондовага. Их ещё называют сенеками, они ирокезы. Вождя зовут Хайовентха, сын Джепонакана. Он года два жил с белой женщиной, так что наш язык ему знаком...

— Так я не понял, они сенеки или ирокезы?

— Ирокезы — не племя, ирокезы — это союз племён. Там у них, кроме сенек, ещё тускароры, мохоки и онайда. Ирокезы постоянно воюют с гурунами, а гуруны дают жизни ирокезам...

Он смолк, следя за тем, как Олег вытаскивает нож. Сухов перехватил клиночек и подал его:

— Рисуй карту.

Рыжий осторожно принял нож, оглянулся и, шагнув к двери, стал чертить ножом на потемневших досках:

— Лучше всего не лесом двигать, а вернуться в залив — и вот сюда, вверх по Потوماку. Пройдёте рекою лиг¹ десять, окажетесь возле деревень индейских. Краснокожие там более-менее мирные, мы с ними приторговываем. Ещё лиг на пять выше по реке будут водопады. Дальше по тропе...

¹ *Лига* = 3 мили = 4828 м.

Внимательно выслушав, Олег кивнул, отобрал нож и сказал:

— Свободен.

Третий пленный, с длинными волосами, слипшимися в сосульки, усмехнулся разбитыми губами, отчего на них выступили красные капли.

— Свободный предатель! — выговорил он, как выплюнул.

— А я вашему «святому отцу» в верности не клялся, — невозмутимо ответил конопатый. — Охота вам к его ручке прикладываться да лобзать с умилением — давайте! А меня увольте. Я — фримен!

Третий сначала отвернулся, а затем дерзко глянул на Сухова.

— Ты — тот самый Олегар де Монтиньи, пиратский командор? — спросил он со смешным высокомерием.

— Угадал, — спокойно ответил Олег.

— Не стоило тебе искать отступника, отец Альберт сам велел передать тебе письмо. Оно у меня за пазухой.

— Так чего ты молчал? — резонно спросил Сухов.

Сунув руку длинноволосому «чернецу» за пазуху, он выудил послание, свёрнутое в трубочку.

Ничего нового из него Олег не узнал.

Герр Альберт фон Горн в изысканных выражениях предлагал «командору де Монтиньи» следовать за ним к Голубым горам, в становище вождя Хайовентхи.

И даже карта прилагалась, тщательно вычерченная пером.

— Я так понимаю, — хмыкнул Яр, — что этот кощун нас туда заманивает.

— Правильно понимаешь, — кивнул Сухов, сворачивая письмо. — Замысел довольно причудлив, хотя по

сути прост: если нас по дороге пекоты с делаварами не ухайдокают, так от ирокезов мы уже точно не вырвемся.

— Вырвемся! — прогудел Шанго.

— Но он-то этого не знает, — улыбнулся Олег.

Покрутившись по форту, заглянув на склады, он отпер дверь местного арсенала.

— Понч! Проследи, чтобы все набрали пороху. Тут его в достатке. И где-то я ещё видел копчёное мясо и солонину. Угостимся от щедрот, запасёмся на дорожку!

Оружия в арсенале было немного — мушкетов пяток да пистолетов с десятков.

Но Сухов приказал прибрать все огнестрелы — если не удастся вернуть Гли-Гли с бою, то можно и выкупить.

А за ружья индейцы хоть мать родную сменяют.

Олег хмыкнул, углядев на стене парочку здоровенных английских луков. Замечательно...

Сняв лук с крючьев, он покачал его в руке, проверяя баланс. Нормальненько.

И сработано неплохо, сразу видно — знающий человек делал. Упругую кибить — среднюю часть лука — здорово укрепляли наклеенные сухожилия.

Рога — концы лука — были укреплены костью. А тетива?

И тетива под стать — жильная. Согнув лук обеими руками, упирая его рогом в землю, капитан нацепил тетиву и осторожно разжал. Тугой какой...

Вынув из висевшего на стене колчана длинную стрелу с кованым наконечником, Сухов вышел во двор.

— Хм! — громко усомнился Анри Матье. — Господин командор, вы полагаете, что лук грознее мушкета?

Олег улыбнулся:

— Рири, сколько раз ты сможешь выстрелить из мушкета за минуту?

— Ну... как? Раз и смогу. Обычно минуты полторы уходит на перезарядку.

— Во-от... А я за минуту, не торопясь, прицельно, выпущу стрел тридцать. Смекаешь? И в дождь смогу, когда мушкетёр отдыхает. Ну и самое главное — лук бесшумен.

Сухов натянул лук на монгольский лад, как привык — большим пальцем правой руки удерживая тетиву, а левую выпрямив, сгибая кибить.

За полсотни шагов от него торчал флагшток. Стрела вошла в жердину, затрепетав оперением.

— Шикарно! — оценил Акимов.

— А то...

Поглядывая вокруг, Олег зашёл в хозяйский дом. Тут он и обнаружил, что искал, — подходящую одежду. Целый гардероб, на любой размер, из отлично выделанной оленьей кожи.

Сначала Сухов примерил штаны с бахромой, вшитой по швам, — работа наверняка индейская, но крой — европейский.

Краснокожие ходят голозадыми — на каждую ногу натягивают легинсы-гисеха, как бы отдельные штанины, а сверху у них набедренная повязка. А тут портки как портки.

Сверху Олег накинул рубаху охотничью, длинную, замшевую, и тоже с бахромой — это не для красоты, а чтобы сохло быстрее после дождя.

Сукно в лесу недолго прослужит, к тому же кожаная одёжка не шуршит, а это в краю индейцев важнее важного.

О-о, мокасины! Шикарно, как Витька говорит.

В ботфортах по лесу без шума не пройдёшь, а так и ноге легче, и каждый сучок через подошву ощутишь.

Олег тут же и переобулся в индейские «эйхтакваовех», что пришили по ноге.

И ухмыльнулся — волосы у него длинные, ниже плеч, если в косы заплести — Чингачгук выйдет. И лицо загорелое...

Пончик это тоже подметил и хихикнул.

— В твои волосы так и просится орлиное перо, краснокожий брат мой,— сказал он.— Хау!

— Сейчас я кому-то перо в задницу вставляю...

— Фи, как грубо! — покривился Шурка, но предусмотрительно отшагнул.

— Всё забрали? — спросил Сухов.

— Всё! — заорали корсары.

— Тогда вперёд, и с песней!

В этот самый момент из-за леса показалась громада «Феникса».

На море галеон смотрелся как обычный корабль, но на реке, не шибко широкой кстати, впечатлял.

— Вовремя они! — хихикнул Кэриб.

— Угу,— буркнул Пончик.— Будет кому пушки грузить!

Вниз по течению спустились на борту «Феникса».

Миновав Джеймстаун, вышли в залив и двинулись к Потомаку. Два вельбота качались за кормой, на привязи.

В Чесапике к «Фениксу» присоединился «Симург».

Галеоны, почти не подгоняемые хоть и попутным, но слабым ветром, еле двигались, и Сухов приказал «поисковой команде» занять места в вельботах.

Корсары живо спустились по верёвочным трапам, подняли паруса и вооружились вёслами.

— Это самое... Вёсла на воду!

И поплыли... В гости к ирокезам.

Олег усмехнулся, восседая на месте кормщика и сжимая рукою румпель — их всего тринадцать. «Чёртова дюжина».

Когда-то, в бытность варягом, он тоже бился с воюгами — один из тринадцати побратимов.

Ивор Пожиратель Смерти, Малютка Свен, Стегги Метатель Колец, Турбьёрн Железнобокий...

Господи, как всё это странно!

Ведь они тоже бьются сейчас где-то во глубине веков, у начала времён. Колошматят хазар, побивают нурманнов, жизни дают ромеям и прочим сарацинам.

Может, даже и он с ними, Олег Полутроль, сражается плечом к плечу каких-нибудь семьсот лет назад? Может такое быть?

Станный вопрос... Ты уже был там, Олег Романыч, в раннем Средневековье, пожил изрядно, послужил князьям, королям, конунгам да императорам, и кровушки пролил, и добычи огрёб, и славы.

Просто это в голове не укладывается, как можно быть сразу в нескольких местах одновременно. Да нет...

Именно что в нескольких местах сразу находиться невозможно, а вот в нескольких временах — сколько угодно.

И чему тут удивляться? Кто-нибудь может представить себе, что такое пространство?

Придумки ОТО (или СТО?) отбросим, уж слишком всё просто у Эйнштейна, математично, а мир-то физичен.

Не удастся вам, господа физики, запихнуть бесконечную Вселенную в три координаты.

Это всё так, геометрия, пустопорожняя абстракция.

Пространство-то искривляется, а это одной метрикой не объяснишь.

Но, раз уж мы даже в пространстве ничего не смыслим, стоит ли поражаться тому, что время для нас непредставимо?

Даже косная материя ставит нас в тупик!

Казалось бы, уж куда наглядней, а вот поди ж ты...

Объявили сначала атом неделимым и успокоились — нашли фундаментальную частицу, кирпичик всего мироздания! Ага... Раскололи тот атом, как орех, и посыпались ядрышки — электроны, протоны с нейтронами, а там и мезоны пошли...

Попытались всё устаканить, обозвали частицы элементарными. Когда число этих «первозданных элементов» перевалило за сотню, поняли, что до кирпичиков ещё не добрались.

Тогда измыслили кварки — и держатся пока за них.

Всё, дескать, доскреблись мы до самого доньшка! Кварк, он точечный и неделимый. Ага...

Самые азартные физики уже и название придумали для частиц, из которых может состоять кварк,— преоны. Так и доберутся до нуль-мира...

Легко ли всё это представить? Вместить в тупую головушку смертного? Хотя...

У Акимова есть шанс разобраться в устоях мироздания, а вот ему это вряд ли светит. Ничего, переживём как-нибудь...

— Потомак! — закричал Нолан, указывая на широкое устье слева по борту.

— Взялись! — скомандовал Олег.

Гребцы налегли на вёсла, и вельботы неторопливо вошли в реку. Ветер поддувал вполне попутный, хоть и слабоватый, так что погрести придётся основательно. По обоим берегам Потомака тянулись лесные заросли, но называть их дебрями как-то язык не поворачивался.

Суровые, угрюмые леса растут куда дальше к северу, а здесь только вездесущая сосна мелькает.

По берегу ивы пышные растут да ольха. А подальше от реки бук поднимается да тополь с берёзой, тюльпановое дерево, хемлок и каштан. Юг.

Чем дальше на запад, вверх по течению, тем уже делался Потомак. Хотя речушкой его не назовёшь — судоходный был поток, и галеоны поднимутся лиг на десять или около того.

К вечеру из этих десяти гребцы едва одолели пять.

— Это сколько же в вёрстах будет? — простонал Быков, уступая место Акимову.

— Вёрст двадцать пять, конечно же, — прикинул учёный.

— Ёш-моё! Вот несёмся...

Сухов, нагрёбшись, снова сел на место кормщика, посматривая вокруг.

Индейцев он не слишком опасался.

Заполучить стрелу из зарослей, конечно, можно было, но какой воин станет зря тратить боеприпас?

Убьёт или ранит — и приманит целый отряд бледнолицых с «громовыми палками»! А оно ему надо?

Краснокожему, особенно молодому воину, нужна слава, стало быть, скальп, снятый с противника.

Вот, мол, видали? Завалил белого бугая!

А если ещё и трофеем разживётся, совсем хорошо.

Об этом и размышлял Олег, выбирая место для ночлега. Причаливать к берегу было неохота, хотя что ж делать-то?

Не на воде же ночевать. А остров почему-то не попадается.

Да и толку с того острова... Не Сибирь, чай.

Потомак переплыть — минутное дело. И вот они — здрасте.

«Кто крайний за скальпами? Я за вами буду...»

— К берегу,— приказал Сухов.— Это самое... Вон туда, где скала.

Место для лагеря было неплохим, но и не идеальным.

Лишь с одной стороны, справа, его прикрывал невысокий утёс. И то хлеб... «Надёжный тыл превыше всего». Кто сказал? Клаузевиц.

Слева протекала река, здесь, к мощным корням древних ив и были причалены вельботы.

А с других направлений произрастала дубрава — фигурные листья сплошь покрывали землю под деревьями, и шуршали они под ногою так, что только глухой не услышит.

Олег велел для пущей надёжности сухих веток наломать да раскидать вокруг. Пусть враг только сунется, схлопочет по полной.

Правда, привлекать к себе внимание не стоило, поэтому костёр запалили «индейский», как говаривали местные,— такой маленький, что и под шляпой уместился бы.

Но и его огня хватило, чтобы поджарить бекон да заварить кофе.

Сухов, правда, больше чай уважал, да вот не то время выбрал — Европа только-только к шоколаду привыкала да к кофию.

На Руси чаи дули уже, но сгонять в Москву-матушку заварки ради как-то не тянуло.

— Двое бдят до полуночи,— негромко распорядился Олег.— По одному от вельбота.

— Позвольте мне, капитан,— взволнованно сказал Кэриб,— я первым буду!

— Ладно, уговорил,— улыбнулся Сухов.— Скажешь, когда дядя индеец будет тебя скальпировать. Мы его поругаем тогда.

— Капита-ан...— обиженно затянул Уорнер.

— Цыц. Марш на пост. В полночь меня разбудишь.

— Ага!

Олег и сам проснулся незадолго до полуночного часа. Тьма-тьмущая...

Ветерок слабо шевелил ветви деревьев, где-то далеко-далеко заухала сова, плеснула рыба в реке.

Но ни одного постороннего звука Сухов не различил.

В принципе, народу хватало, чтобы нести вахты и без него, но ему было нужно посидеть в ночном дозоре, оживить свои былые умения, подувядшие во время плаваний.

На море опасность приходит издалека, её видно в подзорную трубу, будь то рифы или неприятельский корабль. А вот в лесу...

Тут ты один на один с природой, враг способен подкрасться вплотную и оказаться так близко, что ты ощутишь его дыхание.

Темнота скрывает тебя от недоброго взгляда, так ведь и у противника твоего — ночь.

Глава 4

Кто первый из вас увидит цель, кто изготовится к прыжку или удару, опережая другого, тот и выйдет победителем.

А «другой» отправится в Места Вечной Охоты...

Послышался шорох, и Олег мягко, опираясь на руки и пальцы ног, сместился в сторону.

— Капитан...

— Я здесь, Кэриб. Ложись.

— Ага...

Сухов, ступая по камням, сошёл к реке и омыл лицо. Освежился, и сразу в голове прояснилось.

Одно было хорошо в семнадцатом столетии — чистота вод и воздуха.

Последний был до того прозрачен, что даже в безлунную ночь хватало света звёзд — смутно, но видно.

А воду можно было спокойно черпать из реки и пить.

Хотя всё же лучше родник поискать. Надёжней как-то...

Олег осторожно привалился спиной к скале.

Да нет, не холодил камень, нагрелся за день и отдаёт тепло.

Вот и славно... А это кто? Точно не индеец...

— Витька, ты?

— Я, конечно же...

— Чего не спишь?

— Да не спится чего-то...

Акимов шагнул, вытягивая руку, коснулся скалы и присел на травку. Долго молчал, а потом сказал глуховато:

— Это я виноват, конечно же, что Галя пропала...

— Здра-асте, приехали! Ты-то здесь с какого боку?

— Я должен был её защитить! И не смог...

— Вить, промыть бы тебе мозги хорошенько, вот только не знаю как. Пойми, мы почти не в силах спасти своих любимых. Я тебя прекрасно понимаю и, случись что с Алёной, точно так же буду казниться да терзаться. Но ты же учёный, где твоя логика? Как бы ты смог уберечь Гли-Гли? Это самое... Вот представь себе, что ты владеешь замком и, дабы защитить жену, прячешь её в подземелье, в каменном мешке. Надёжно, да? А тут — раз! — и землетрясение. И что ты будешь делать, когда супругу завалит камнями? Тут уж исключительно твоя вина!

— Да нет, я понимаю, конечно же... Но всё равно...

Ведя беседу, Олег продолжал чутко прислушиваться да приглядываться.

— Надо, Витька, быть немного фаталистом,— сказал он, обшаривая взглядом реку.— Вон как наш осман. Шекер-ага всегда безмятежен. Чуть что — «кисмет»! Это по-турецки «судьба» значит. Убили друга? Кисмет. А вот ты уцелел! Кисмет. Стало быть, Фортунка, зараза этакая, повернулась к приятелю твоему задницей, а тебе личико открыла. Повезло. Судьба!

— Если Галю убьют, я... Я не знаю, что сделаю!

— Вить,— серьёзно сказал Сухов,— если бы этот чёртов оборотень хотел убить твою женщину, он бы сделал это сразу. Но зачем ему кровь Гли-Гли? Если хочешь знать, то вина за похищение твоей жены полностью лежит на мне.

— Привет! Ты-то здесь при чём?

— Привет, Витя. Если бы ты не увлекался так страданиями, а поразмыслил, то пришёл бы точно к таким

же выводам. Ему нужен я, Витька! Этот Албертус, который Альберт и так далее, столько тут корпел, столько сил вложил, дабы его боялись и уважали, чуть ли не на всём Восточном побережье, и вдруг является какой-то пират и на всех его трудах ставит большой жирный крест!

В принципе, всё ещё поправимо, если Хорну-Хоорну-Горну-Корону удастся меня уничтожить. Не лично Олегар де Монтиньи, а Капитана Эша.

— А это что, разные люди?

Сухов сначала прислушался, различая ночные шорохи, потом кивнул.

— А вот представь себе! Олегар — это всего лишь провинциальный выскочка, мушкетёр и дуэлянт. А Капитан Эш — это имя. Тут не просто человек, а целая команда! И самая сладкая мечта у Альберта, нашего Горна, — это потопить оба галеона, а всех корсаров либо на каторгу отправить, либо повесить. И, пока эта мечта не сбудется, покоя «святому оборотню» не видать.

— Так, а зачем же тогда Галю было похищать?

— А кого ещё? Меня? Это хлопотно. А так он и меня заполучит, и ещё целый отряд в придачу. «Чернецы» его — это так, шестёрки, а не бойцы. А вот ирокезы — совсем другое дело. Не убьёт Горн твою Галю. Да и я ему живьём нужен — как ключик к нашим сундукам хотя бы. Горну нужно меня заполучить, сломать — и пользоваться. Чтобы я, скажем, отдал ребятам на «Фениксе» иудин приказ. Пойдут они, ради моего спасения, на ту же Эспаньолу, а там их уже будут ждать. Корабли на дно, команду — на виселицы...

— Чтобы ты отдал такой приказ...

— Не веришь? Правильно делаешь. Но Горн-то по себе о людях судит. Так что пусть помечтает, как мной манипулировать станет...

— Рациональное зерно в ваших рассуждениях, командор, присутствует, конечно же, но... Согласись, что мы не знаем точно, что Горн задумал. Твоя версия логична, но ведь возможны варианты...

— Вывод какой, знаешь? Иди спи и не парься!

Проводив взглядом смутно видневшуюся фигуру Акимова, Сухов кивнул своим мыслям. Утро вечера мудренее...

Глава 5, *в которой Олез встаёт на тропу войны*

1

Гли-Гли покачивалась верхом на коне, но править этим удивительным животным не могла — её руки были привязаны к луке седла, а сама лошадь шла в поводу за вороним мустангом.

За сто с лишним лет испанского владычества хватало конкистадоров, «поймавших» стрелу или томагавк.

Их оседланные лошади долго мыкались, пока, наконец, не лопались подпруги, и пустые сёдла не слетали в траву.

Вольные скакуны быстро дичали, привыкая обходиться без человека, сбивались в табуны — и носились по прерии, радуясь жизни, плодясь и размножаясь.

Индейцы отлавливали их, приручая заново, и уже не было для воина большего почёта, чем гордо восседать верхом.

А уж если в руках у воина находилось «колдовское железо» бледнолицых, с их сильной магией свинца и пороха, то к нему приходило истинное величие.

Сиу, обитатели прерий — и обладатели лошадей, — сразу обрели необыкновенную подвижность, а нашествия от случая к случаю стали регулярными набегами.

Обо всём этом Гли-Гли поведал всадник, каждое утро седлавший вороного.

Белые его звали по-разному — то Албертус, то Элберт, то Альберто, — а индейцы относились к нему со страхом и почтением, именуя Человеком-с-тысячью-имён или Бледным Вендиго, то есть оборотнем.

Говорят, вендиго — высокие, похожие на человека, худущие, но ненасытные людоеды с безгубым ртом и острыми зубами.

Колдуны или шаманы могут стать вендиго, если отведают человеческой плоти. Тогда они обретают великую силу.

Эти чудовища очень любят выслеживать людей и просто наслаждаются такой охотой.

Они очень быстры, и одинокий путник просто не замечает вендиго — бег оборотня сливается для него в мельтешение.

И, лишь когда вендиго издаст тихий рёв — от удовольствия — человек в страхе побежит прочь.

Вот тогда-то монстр и нападёт, и вцепится, и выпьет кровь...

Гли-Гли усмехнулась: всё верно, Албертус весьма похож на упыря. Вот только она не из тех боязливых индейцев, кто в страхе склоняется перед Бледным Вендиго. Бледная немочь — вот он кто!

Капитан Эш гораздо сильнее этого плешивого выродка...

— Приехали, красавица, — сказал ван Хоорн, обращившись. — Это деревня моего краснокожего брата

Глава 5

Хайовентхи. Здесь я оставляю тебя. Вождь отдаст тебя в жёны своему лучшему воину, а его вигвам украсится скальпами и твоего непутёвого муженька, и этого наглеца-пирата, выбравшего для одежд тот же цвет, что и мои «чернецы»...

Индианка не выдержала и весело расхохоталась.

Албертус с негодованием воззрился на неё, и Гли-Гли сдержала смех, прыскавая в сторону.

— Что тебя так рассмешило? — раздражённо спросил ван Хоорн.

— О-ох...— простонала девушка.— Ты глупый, совсем глупый! Да, мой муж — плохой воин, но он очень добрый и очень умный, умнее всех шаманов. А Олегар... Ох... Когда командор поймает тебя, глупый, он вырежет из твоей морщинистой кожи ремешки, сплетёт из них верёвку и повесит тебя на ней! А ты глуп, совсем глуп! Ты, как тот маленький мальчик, что хочет своим игрушечным копьём сразиться с истинным бойцом. Это смешно, и я смеюсь! Олегар — великий воин, он вступал в битву с могущественными врагами и сживал их со свету. Индейцы почитают его и зовут Длинным Ножом. Тебе ли равняться с ним? Олегар не станет воевать с твоими «чернецами», он просто убьёт их всех, и даже не запыхается. Ты хитёр, как лис, кровожаден, как ласка, и скользок, как глина в дождь, но это тебе не поможет. Уже ничто тебя не спасёт, глупый! Ты бросил вызов Длинному Ножу, значит, ты умрёшь. Хау!

— Моя дорогая,— заскрежетал Албертус, дёргая ртом,— ты не знаешь, кто я и чего стою...

Гли-Гли не ответила. Есть ли смысл тратить слова на совсем глупого?

Ежели Бледный Вендиго не понимает, что сам себе подписал смертный приговор, то пускай помечется перед казнью...

Это его не спасёт.

После продолжительного молчания ван Хоорн сказал, как ни в чём не бывало:

— Не думай, будто я затеял твоё похищение исключительно для того, чтобы насолить... э-э... Длинному Ножу. Мне было по дороге, вот я и решил тебя прихватить, до кучи. Дай, думаю, поиграю на нервах у этого хлыща! Я собрался в Новую Испанию. Корабля у меня нет, зато есть каноэ. По Великой реке я спущусь вниз, встречу с этими напыщенными идальго, мы сядем рядом, поговорим ладком... Обсудим, как нам лучше будет прищучить Капитана Эша!

— Зачем ты говоришь мне об этом? — прищурилась индианка.

— Хочу, чтобы ты прониклась серьёзностью моих намерений, детка. Чтоб не считала совсем глупым, а поняла, какие силы я способен привести в действие. Когда этот твой Олегар покинет Чесапик, куда он двинется? На Сент-Кристофер? Или ещё куда?

— Может, туда,— пожала плечами Гли-Гли,— может, на Тортугу. Днища галеонов сильно обросли, их нужно... как это моряки говорят?

— Кренговать?

— Вот-вот. А потом... Море велико, и кораблей испанских в нём много!

О планах командора, замыслившего поход за изумрудами, девушка благоразумно промолчала.

— Забавно...— затянула она.— Мне показалось, тебе хочется, чтобы я передала твои слова Капитану Эшу.

Значит ли это, что ты не веришь, будто этот твой краснокожий брат сумеет пленить Длинного Ножа?

Ван Хоорн ухмыльнулся, покачиваясь в седле.

— Моя дорогая,— промурлыкал он,— я был бы сильно огорчён, если бы Хайовентхе удалось снять скальп с Олэгара де Монтиньи! Сказать, почему? Потому что я хочу это сделать сам!

— Совсем глупый...— вздохнула Гли-Гли.

Смеркалось, когда Албертус ван Хоорн достиг деревни Хайовентхи.

Сам он ехал верхом, и Гли-Гли тоже, привязанная к седлу, а «чернецы» топали пешочком — лошадей на всех не хватало.

Ничего, мальчики у него крепкие, дорогу осилили. Хайовентха сам вышел встречать Бледного Вендиго. Дети и женщины попрятались, да и мужчины старались не попадаться ван Хоорну на глаза.

Албертус усмехнулся. Боятся, значит, уважают.

— Приветствую тебя, краснокожий брат мой! — торжественно провозгласил он.

Вождь онондовага, неплохо знавший язык «ингизов», тепло принял его и спросил, поглядывая на Гли-Гли:

— Это твоя скво?

— Нет, я украл её. И хочу, чтобы она пожила у тебя, мой брат. Можешь отдать её своему воину, если хочешь. Но помни: за нею непременно явится один человек. Он храбр и очень опасен, и он враг мне. У этого человека есть две большие пироги, которые плавают по бескрайней Солёной воде, одна чёрная, а другая красная...

— Длинный Нож! — вырвалось у Хайовентхи. — Мой народ слышал о нём. Он великий воин.

— Тогда твоему народу следует знать, — раздражённо сказал ван Хоорн, — что у этого великого воина имеются сотни «громовых палок»! И если ты, мой брат, пленишь этого... Длинного Ножа, то сможешь потребовать любой выкуп. Столько ружей, сколько у тебя пальцев на руках и ногах!

Вождя это впечатлило.

— Если мой брат убьёт Длинного Ножа, — понизил Албертус голос, — он совершит подвиг. Если он пленит его и заставит заплатить за себя мушкетами, то воины Хайовентхи совершат много славных подвигов, а его вождя будут бояться все — от Большой Солёной воды до Великой реки! Туда, кстати, я и направляюсь. Спустишь по ней до испанских владений...

Ван Хоорн, сощурившись, глянул в сторону запада, где чернел горный хребет, застыл солнце, почти уже закатившееся. Только облака над вершинами пламенили багрянцем.

Великая река... Так называли её чиппева. Миси-зииби.

Вождь Нанабожо будет ждать его на притоке Великой реки, Огайо. Так его называли ирокезы, а если перевести слово «Охайо», то получится всё та же «Великая река»...

Ничего удивительного, тут всё такое — величественное.

И реки, и горы, и леса, и земля.

Тупые и недалёкие колонисты даже не представляют себе, какие колоссальные пространства тянутся за порогами их убогих хижин, за их жалкими наделами.

Переселенцев ещё совсем мало, но они прибывают и прибывают — французы, голландцы, англичане...

Эти людишки, гордо зовущие себя фрименами, полагают в безграничной наивности своей, что пересекли океан в поисках земли, и всё, что им надо, это новые и новые акры.

Нет, милые, больше всего вы нуждаетесь в умелом правлении!

В меру милостивом, но неизменно твёрдом.

Да если бы ваши усилия направлял умный и властный человек, уже всё Восточное побережье процветало бы!

Но нет, вы тащите на американские берега старые замашки, старые табу, старые догмы.

«Вам нужен я! — подумал Албертус.— Я, и никто другой!»

Просто некому больше объединить здешних католиков и протестантов, монархистов и республиканцев, всю эту дикую, сварливую, несдержанную толпу, исторгнутую Старым Светом.

Пускай короли по-прежнему мнят себя властителями тутошних земель, ему это не помешает. Он сплотит всех колонистов, а те поневоле, сами того не понимая, будут проникаться к нему всё большим и большим расположением.

И однажды, когда он решит, что время пришло, на этих берегах возникнет новая империя. С ним во главе, естественно.

Ван Хоорн судорожно вздохнул. Он и сам знать не знал, ведать не ведал, откуда у него этот таинственный дар убеждения.

Возможно, некий заряд животного магнетизма позволял ему внушать ближним его идеи, его мнения и цели.

Так было с самого детства, когда он впервые заметил: его горячие слова проникают людям в самое сердце.

це, и те верят им, воспринимая желания маленького Альберта как свои собственные, идут за ним, как за мессией, и только что «Осанна!» не восклицают.

Не все, правда, одинаково податливы.

Люди думающие, волевые натуры подчиняются далеко не сразу. Этим нужно «обрабатывать» долго, искусно применяя слово, жест, выражение лица, взгляд, зато какое это удовольствие — поставить таких людей в строй своих соратников!

Его знают в Квебеке и Плимуте, Джеймстауне и Сан-Августине.

В туземных селениях ирокезов и гуронов.

Знают как пастыря или колдуна, лекаря или воителя.

Он всё больше и больше набирает вес в здешнем лоскутном обществе, становится важным и нужным человеком.

Самые смелые его хотения постепенно обретают плоть...

И тут появляется этот чёртов командор и всё портит!

Ах, если бы его можно было просто убить...

Да нет, как раз убить-то его можно, Олегар смертен, как все.

Но гибель Длинного Ножа не принесёт пользы, сперва этого зарвавшегося командора должно постигнуть бесчестье и позор, его нужно раздавить, размазать, растереть, смешать с дерьмом так, чтобы все отвернулись от него, потешаясь или брезгливо кривясь. Только тогда он одержит победу над Олегаром де Монтиньи!..

...— За этим хребтом — земли коварных мингов¹, — напомнил Хайовентха.

¹ *Минги* — презрительное прозвище гуронов.

Албертус визгливо рассмеялся:

— Краснокожий брат мой, уверяю тебя — я коварнее всех мингов, вместе взятых! Я устроюсь на ночлег, а рано утром покину тебя. Лошадей я оставляю тебе, они мне будут не нужны. Но взамен ты дашь мне четыре лёгких каноэ из берёзовой коры.

— Хау! — сказал вождь. — Да будет так.

Ранним утром, когда солнце едва засвечивало на восходе, внося серые тона в черно-синюю палитру ночи, маленький отряд «чернецов» покинул пределы селения, и Хайовентха вздохнул с облегчением.

Втайне гордясь побратимством с таким человеком, каким был его гость, вождь побаивался Бледного Вендиго.

Слишком уж сильна его магия, и была она темна, как одежды воинов Человека-с-тысячью-имён.

Хайовентха нахмурился. Человек этот ушёл, а коварство его осталось...

Вождь решительно пошагал к «длинному дому», где жила старая Ватанэй.

Гли-Гли уже не спала.

Девушка сидела на коленях, на расстеленной медвежьей шкуре.

Её глаза были закрыты, она будто молилась или призывала духов.

— Гли-Гли? — окликнул девушку Хайовентха. — Ты здесь?

— Да, вождь, — молвила та, открывая глаза.

— Ты хорошо знаешь Длинного Ножа?

— Я спала с ним, — гордо заявила Гли-Гли, — и была его.

— Была?

— Ныне я — скво его друга.

— Длинный Нож придёт за тобой?

Девушка удивлённо посмотрела на ирокеза.

— Обязательно. Длинный Нож никогда не бросает своих.

— Даже если это смертельно опасно?

Лёгкая улыбка скользнула по губам Гли-Гли.

— Длинный Нож никого не боится. Он великий воин. У него были очень могущественные враги, но только вороны знают, где теперь их останки.

— И ты ступала на его большие пироги?

— Очень большие! На одной из них сорок пушек, на другой — пятьдесят.

— Пушек?

— Пушка... Она, как «громовая палка», только большая-пребольшая. Когда она стреляет, гремит гром, а пули у неё — с твою голову. Пары выстрелов будет достаточно, чтобы разнести весь этот дом.

— Значит, одной такой пироги хватит, чтобы разнести всю мою деревню?

— Большая пирога не сможет приплыть сюда.

— Я понял...

— Вождь, скажи, зачем ты, благородный воин, дружишь с подлым и неверным Бледным Вендиго?

— У него сильная магия...

— Когда Длинный Нож решит убить Человека-с-тысячью-имён, никакая магическая сила не спасёт его. Смерть Бледного Вендиго будет долгой и мучительной, он будет плакать, выть и визжать от боли, ибо нет в его сердце мужества.

Хайовентха долго молчал, потом встал и ушёл.

Даже если в словах этой красивой и смелой скво скрыта истина, воину не следует доверять суждениям подруг.

Вождь явился в дом Аххисенейдея, храброго воина и удачливого охотника, и сел к огню. Обе скво почтительно удалились.

— Слушаю тебя, о вождь,— почтительно обратился Аххисенейдей.

— Бледный Вендиго посетил нас. Он оставил тут похищенную скво.

Ирокез склонил голову в знак того, что ему ведомо сие.

— За нею следом идёт великий воин. Имя его известно тебе — это Длинный Нож.

Ирокез подобрался, пытливо глядя в глаза вождю.

— Убей его. Если ты победишь Длинного Ножа, у наших костров будут петь песни в твою честь. Если победит он, это будет славная битва и славная смерть.

Смутная улыбка на миг оживила каменное лицо Аххисенейдея.

— Да, вождь,— вымолвил он довольно,— это будет славная смерть!

2

На второй день вельботы добрались до того самого места, где лет через двести начнут строить Вашингтон.

Пока что справа по борту виднелась травянистая равнинка, вспыженная кое-где возвышенностями.

Люди здесь жили — маленькая индейская деревушка занимала место между холмами и рекой.

Десяток или больше вигвамов, огороженных частоколом,— вот и весь «Вашингтон, Ди-Си».

К полудню третьего дня отряд вышел к «Великим водопадам». Всё, путь по реке здесь заканчивался. Теперь натруженные вёслами руки будут отдыхать, работать станут ноги.

Нагрузились все изрядно: каждый нёс по паре мушкетов — один свой, другой из «обменного фонда».

А ещё припасы всякие, в том числе и боевые. Но ничего, своя ноша не тянет.

Шлюпки хорошенько припрятали, следы замели ветками, да ещё и сверху пылью присыпали, да листьями. И пошли...

За неделю отшагали немало, сверяясь с картой, «любезно предоставленной» ван Хоорном.

Албертус всё беспокоился, как бы его враги не заблудились, и оставлял по дороге подсказки — то пирамидку из камней выложит да глыбку приставит с того боку, куда двигаться надобно, то в расщелину скалы блестящий кусок кварца сунет, чтоб блестел и внимание привлекал, то просто зарубку на дереве оставит.

Так и шли.

Пару раз завалили оленя, однажды вышли на бизонов — в горах их было немного, зато все покрупнее тех, что бродят по прериям, сбиваясь в миллионные стада.

Одного хорошего бычка хватило на всех, ещё и мяса накопили в дорогу.

Местность от приморских низин повышалась, переходя в плато, а после и к горам вышла.

Высотой Блу-Ридж, то бишь Голубые горы, впечатляли не слишком, но суровостью, мощью от них таки веяло.

Южная растительность осталась в долинах, хвойные породы всё больше обступали путников. Да и дышалось тут куда легче, чем на уровне моря, в болотистых низменностях.

До пункта назначения оставалось совсем немного.

Чем ближе к становищу Хайовентхи, тем зорче делался Олег — ходил скрадом, отмечал каждый подозрительный звук, щурился на колыхание ветки, настораживался, если птицы впереди вдруг переставали петь, — вдруг, заметили кого?

И не медведя местного, а индейцев в боевой раскраске?

И однажды встреча такая произошла...

... Утро началось как всегда.

Кэриб разворошил пепел вечернего костра, раздул угли, подбросил сухого хвороста. Жарить ничего не стали, подогрели только воду для остатков кофе.

Позавтракали мясом — полоски буйволятины жевались с трудом, ну да в горах трактиров не держат.

Собрались, осмотрелись, кострище привалили дёрном, подрезанным на том самом месте с вечера.

Конечно, опытный следопыт всё увидит, но мимоходом ничего не разглядеть.

Перевалив седловину, отряд спустился с горы к высоким холмам, покрытым лесом, хотя и обширных прогалов, заросших травой, человеку по пояс, тоже хватало.

Сухов взошёл на небольшой пригорок, утыканный шестью истрёпанными ветром соснами, — и едва не схлопотал стрелу. Давний навык спас его — дёрнувшись в сторону, Олег пропустил оперенную хворостину мимо.

— Падай!

Никто не промешкал, все живо залегли.

— Может, кто из белых охотится? — понадеялся Пончик.

— Наконечник не железный, — рассудил Сухов. — Да и что тут делать белому? Надо быть дураками, вроде нас, чтобы полезть в самое логово ирокезов! Ну мы-то дураки умные...

— Твои слова, — ухмыльнулся Быков, — да золотом по мрамору!

— Цыц!

— Вон они! — выдохнул Кэриб.

Из-за высоких кустов, в сотне метров от пригорка, высочили трое краснокожих.

Они щеголяли в одних набедренных повязках, а лица и грудь были размалёваны красками. Мелькнув, индейцы скрылись в траве, словно и не было их.

— Ирокезы на тропе войны! — сообщил Акимов. — Шикарно!

— Я бы сказал, фигово, — проворчал Пончик. — Угу...

— А я бы сказал — фигня! — с великолепным пренебрежением высказался Яр.

— Знать бы сколько их... Так. Мушкетёры! Залегаете с той стороны и вот здесь. Франсуа! Отползай к тому валуну, занимай позицию слева от него, а ты, Вить, справа...

Расставив всех, Олег устроился за пнём-выворотнем, разложил перед собой лук, мушкет и пару пистолетов.

— Всегда мечтал вступить в бой со свирепыми дикарями, — проговорил Анри Матье.

Барон де Сен-Клер хмыкнул:

— Твоя мечта сбылась!

— Цыц! — сказал Сухов.

В полном молчании отряд провёл минут пять.

Всё замерло вокруг — ветка не дрогнет, травинка не шелохнётся.

Ушли индейцы? Как же, жди...

Пичуги затихли, ни одна не цвирикнет.

Краснокожие бросились в атаку разом, со всех сторон.

Грохнул нестройный залп из мушкетов, и все ирокезы пропали будто. Когда рассеялся плотный пороховой дым, в траве лежало два мёртвых тела.

Но оставалось ещё с полтора десятка живых.

— Я насчитал шестнадцать! — отрывисто сказал Быков, быстро перезаряжая мушкет. — Ёш-моё...

— А по-моему, четырнадцать. Угу...

— Не то вы считаете, конечно же, — заявил Акимов. — Индейцев тут десятка полтора, и все они скопом приблизились к нам шагов на пять! Шикарно!

Неожиданно из-за куста, который, казалось, и ребёнок не спрячет, выглянул индеец.

Причёски «ирокез», которой прославились панки, он не носил — голова краснокожего была гладко обрита, одна лишь «скальповая прядь» держалась на затылке, длинная и заплетённая в узел, из которого торчали орлиные перья.

Личико у воина и без того не отличалось кротостью, а круги вокруг глаз, наведённые сажей, добавляли лютости.

Чёрные черты на щеках означали, что индеец убил пару-тройку врагов.

Красные линии на шее давали понять, что он участвовал в битвах, а пятна того же цвета на теле показывали места ранений от стрел.

Ветеран, блин...

Но самым удивительным было оружие ирокеза — увесистая аркебуза.

Выстрелила она с пушечным грохотом, а раскалённый свинцовый шарик едва не лишил графа де Лона головы — Анри резко уклонился в сторону, и пуля пробороzdила кору сосны.

Но мушкетёр не уберётся — напоролся на стрелу.

Даже кремневому наконечнику хватило убойной силы, чтобы вонзиться в грудь.

— Анри! — вскричал Жак и сам пострадал — меткая стрела просадила ему руку.

— Понч!

— Олег,— плаксиво отозвался Шурик,— я уже ничего не могу! Прямо в сердце!

— Т-тысяча чертей! Б...ство какое!

А индейцы, словно вдохновившись, бросились в атаку.

Пробежав пару шагов, они упали в траву — в одно время с выстрелами мушкетов.

Кого-то из наступавших пули задели-таки, но понять, насколько, было нелегко — ни одного мертвяка не видать.

Даже те двое, что пали ещё до смерти Анри, исчезли — одноплеменники незаметно убрали трупы.

Каждый бугорок, каждый кустик, ложбинка, пучок травы помогал им укрыться.

— Мушкетёры! Огонь!

Осаждённые выстрелили все, залпом, целясь туда, где, по их прикидкам, скрывался враг. Это помогло — индейцы отступили. Ползком или большими скачками, они использовали то короткое время, которое требовалось бледнолицым для перезарядки.

— Опытные, твари,— пробурчал Быков.

— Ты вон туда глянь,— сказал Олег.

— Ах ты...

По долине поднимался ещё один отряд ирокезов — восемь или девять воинов шли цепочкой, ступая след в след.

— Эти не просто так отступили, они соединятся с подкреплением и обложат нас по полной!

Сухов отложил заряженный мушкет и потянулся к луку.

— Ты куда? — вскинулся Пончик.

— В тыл врага,— серьёзно ответил Олег.— Это самое... Если будем здесь отсиживаться, они нас перебьют поодиночке. Или набросятся всем скопом. А оно нам надо?

— Я иди с тобой,— сказал Хиали, тоже вооружаясь луком.

— Хорошо,— согласился Сухов,— захвати ещё один нож, будешь снимать скальпы.

Смуглое лицо кариба осветилось зловещей ухмылкой.

— Всё, мы пошли. Хиали, уходишь к той скале со своей стороны, я — со своей. Там и встретимся. Понч, вон мой мушкет, он заряжен.

— Угу... Только ты недолго!

— Вернёмся засветло.

С этими словами Олег повесил лук на спину и нырнул в кусты. Поросль была не слишком густой и высокой, но более-менее прикрывавшей неглубокую ложбину, зигзагом спускавшуюся с пригорка вниз.

Сухов не полз, как червяк, он скорее изображал ящерицу — стелясь по-над землёй, Олег опирался на руки и ноги, не выдавая себя ни единым шорохом.

Склон под ним выровнялся, вокруг поднялась высокая трава, и стало полегче.

Присев, Сухов снял с шеи платок и обвязал его вокруг головы. Стояла теплынь, а повязка впитает пот на лбу — зудящие капельки не стекут, щекоча и беспокоя.

Прислушавшись, командор продолжил своё медленное продвижение, пока его нос не учуял горьковатый запах. Пахло раздавленной травой, прогорклым жиром и гарью костра.

Осторожно раздвинув стебли, он увидел мёртвого индейца.

Не успели, значит, унести. Вот и славно...

Копьём ирокеза Олег побрезговал, а вот краска в мешочке, что висел у краснокожего на поясе, ему пригодилась.

Вот эта, чёрная,— из сажки от сожжённой травы и медвежьего жира.

Колупнув двумя пальцами, Сухов провёл широкие косые полосы на лице, намазал тыльную сторону ладоней. Сойдёт...

Затем, достав нож, он аккуратно надрезал кружок на голове индейца, обводя остриём его косу, ухватился за неё покрепче, упёрся ногами в плечи мертвяка и потянул.

Скальп отделился с неприятным звуком — чпок!

Повесив скальп на пояс, командор двинулся к скале.

Он не стал ничего объяснять корсарам, даже Пончу с Яром. Зачем?

Сейчас в его сердце угнездилась холодная ярость.

Сами ирокезы называют себя «ходеношони».

«Ироку», то бишь «настоящими гадюками», их прозвали соседние племена. И Сухов был с ними совершенно согласен.

Он шёл мстить «настоящим гадюкам» за Анри, друга, товарища, побратима.

Не оттого лишь, что должен был это сделать в целях тактики и стратегии, а потому, что жертва имеет право на справедливость.

«Око за око, зуб за зуб» — не его метод. Враги убили сотоварища? Значит, они умрут. Все!

Возле скалы, где Олег ожидал встретить Хиали, уже сидел индеец. Настороженный, он медленно, едва заметно водил головой, обозревая окрестности.

Неожиданно за его спиной возник кариб, и Сухов решил ему помочь — он привстал, показываясь ирокезскому «часовому» на глаза.

Тот вздрогнул, хватаясь за копьё, но Хиали был быстрее, его нож вонзился индейцу в шею — и умрёшь, и не пикнешь.

Ирокез дёрнулся, и душа покинула мёртвое тело.

Кариб посмотрел на Олега, и тот продемонстрировал ему снятый скальп. Хиали хищно улыбнулся и мигом проделал нехитрый приём.

Вот и ещё один страшный, зато почётный трофей...

Сухов показал карибу знаками — двигаемся по окружности, убивая всех индейцев, встретимся с той стороны осаждённого пригорка, где растёт большая сосна с раздвоившимся стволом.

Хиали кивнул и исчез в кустах — канул, как дым, был — и нету.

Олег выдвинулся в свою сторону, кружа посолонь.

Второй индеец, им встреченный, тоже был дозорным — молодой воин лежал, укрываясь за пнём, не двигаясь, как мёртвый.

Командор помог ему определиться — пырнул ножом в бок, наваливаясь и тыча краснокожего мордой в землю.

Тот лишь мыкнул невнятно и поник.

Прибавив к своей коллекции второй скальп, Олег прополз пару шагов вперёд и понял, кому потребовалось выставлять дозор. Дальше находилась низина, не слишком глубокая, но достаточная, чтобы скрыть троих ирокезов, севших в кружок, — один из них, тот самый аркебузир, что-то тихонько повествовал, помогая себе руками, двое остальных внимательно его слушали.

Трава на краю хорошо скрывала Сухова, да и краснокожие были довольно беспечны — видимо, не принимали белых всерьёз.

Ну-ну...

Олег очень медленно, нежно даже, снял с плеча лук, достал стрелу...

Поколебавшись, он вернул её обратно, решив воспользоваться колчаном убитого часового — индейцы сразу узнают по оперению свою стрелу и будут хоть недолгое время в непонятках, кто ж это такой меткий.

Натянув лук, Сухов выпустил стрелу по аркебузиру, целясь тому в грудь. Сердце за сердце.

Индеец, схлопотав стрелу, выгнулся и беззвучно опрокинулся на спину.

Двое «слушателей» среагировали мгновенно — упали и откатились, подхватывая копьё. Один из них, тот, что был помоложе, «поймал» стрелу животом и упал, кусая губы, чтобы не крикнуть от боли на глазах у врага.

Второй, постарше, извернулся и метнул копьё в командора.

Метнул сильно, умело, да только бывший варяг и нукер переиграл ирокеза — схватившись за прилетевшее копьё, Сухов метнул его обратно.

Улепётывавшему индейцу его же оружие просадило спину и вышло в районе пупа.

Бесшумно перекатившись, Олег оказался в низине. Дорезав раненого младшего, он занялся сбором трофеев.

Палицы и луки, даже аркебуза мало его интересовали — он снимал скальпы.

Потом, правда, обнаружил щит, плетённый из лозы, а под ним томагавк с редким в этих местах стальным лезвием и с шипом на обушке. Пригодится...

Забрав скальпы и прихватив топорик, Сухов выбрался из низинки, попадая в рощу молодых сосенок.

Тут-то его и встретили двое ирокезов.

Оба спокойно шагали, видимо направляясь в низину, и вдруг — бледнолицый!

Раскрашенные хари разом исказились гневом — шагавший впереди, с бритой головой, посреди которой оставалась полоска волос, на шее переходившая в косу, скакнул к Олегу, стремительно нанося удар копьём.

Схватившись за древко, Сухов ударил индейца ногой в колено, а в его товарища метнул томагавк.

Топорик засел в худой груди, «настоящая гадюка» рухнул на землю, а вот копьеносец оказался куда более живуч.

Бросив своё копьё, он отскочил на одной ноге (видать, командор здорово ему повредил коленную чашечку) и выхватил здоровенный нож.

Похоже было, что сделали его из обломанного меча, испанского, не иначе.

Причём, как выяснилось вскоре, ирокез очень хорошо умел им пользоваться. Ощерясь, он полоснул своим клинком, едва не оттяпав Сухову конечность.

У Олега мелькнула мысль нагнуться за копьём, но тут же и пропала — пока он его поднимет, пока развернёт, краснокожая бестия ухайдокает «поднимальщика». Опытный, сволочь...

Сухов закружил на узкой тропе, отводя и отбивая ножом выпады ирокеза.

Палаш бы сюда... Обойдёмся.

В очередном броске индеец распорол Олегу рубаху, лезвие коснулось тела, пуская кровь, зато и сам раскрылся.

Суховский нож вошёл ирокезу в бок.

Тот содрогнулся, но сдаваться всё равно не желал.

Отпрянув, теряя силы — кровь била струйками, — краснокожий вяло взмахнул ножом, но уберечь жизнь уже не мог.

Олег всадил ему клинок в печень и провернул.

Готов. Ещё пара скальпов...

Отдышавшись — умотал, чертяка... — Сухов двинулся дальше.

Впереди мелькнула полуголая фигура с красными и чёрными полосками, диагоналями да крестами на теле.

Командор взялся за лук, но передумал — далеко вато.

Стрела может угодить в живую мишень, да, но и в стволе дерева способна застрять не хуже. А это нам ни к чему.

Если ирокезы прознают, что он вышел на «тропу войны», они окружат его всей толпой, и тогда ему придётся худо.

Глава 5

Всё ж таки индейцы очень опасные противники, умелые, храбрые и стойкие.

Как навалятся на него вчетвером, отмахается ли? Бог весть...

А он на тот свет не торопится, ему и на этом неплохо живётся.

Ружейный залп застал его в зарослях жимолости, где уже успел потоптаться медведь. Рановато ещё ягодой лакомиться...

Выглянув между двух стволов сосен, Сухов высмотрел лишь реденькие клубы дыма, относимые ветром.

Индейцы пошли «на приступ». Ну-ну...

Флаг вам в руки и барабан на шею.

Со всей осторожностью, выйдя краснокожим в тыл, он углядел лишь троих из наступавших.

Ирокезы обладали невероятным умением маскироваться, сливаться с травой, с кустами, даже с голой землёй.

Но отсюда, со спины, их было видно очень даже хорошо.

С толком, с чувством, с расстановкой Олег расстрелял обнаруженную им троицу, но за скальпами не поспешил.

Можно было угодить под обстрел и заполучить пулю от своих.

Сухов осторожно отступил к деревьям — и на него повеяло «ветерком смерти», аж волосы на шее встопорщились.

Приседая, Олег ушёл в сторону и лишь тогда развернулся.

Индеец, бесшумно спрыгнувший с дерева, напал на него с ножом. Оба упали и покатались по траве.

Краснокожий, как и все его одноплеменники, не выделялся мускулистостью, а фигуру его вряд ли можно было назвать атлетической — поджарый, узкоплечий, но жилистый, индеец брал не животной силой, а ловкостью, изворотливостью, напором.

Нож свой Сухов потерял, вернее, ирокез его выбил, но и сам остался без «железа».

В очередной раз оказавшись под смрадной тушкой, командор ударил индейца по ушам ладонями.

Тот малость «поплыл», и Сухов сбросил с себя «настоящую гадюку». Тут же, с упором на руку, двинул «краснокожего брата» пяткой.

Индеец будто и не заметил весьма чувствительных ударов — упав на спину, он тотчас же вскочил и бросился на Олега.

Движение оказалось столь молниеносно, что Сухов «зевнул» — и крепкие пальцы ирокеза сжали его горло.

Командору удалось согнуть колено, поднатужиться и сбросить приставучего вражину, но тот не унимался.

Катнувшись к оброненному ножу, индеец схватил его и снова накинудся на белого, коего никак не удавалось одолеть.

Наверное, он спешил разделаться с проклятым «белым волком», а торопливость в таких делах нелучший метод.

Иначе говоря, Сухову удалось перехватить его правую руку, наносившую удар, заломать её, куда надо, и нож воткнулся своему хозяину в шею.

Ирокез сильно вздрогнул, раскрывая чёрные глаза так, что те здорово округлились — куда и лёгкая раскосость девалась.

— Пипец это называется,— прошептал Олег.

Индеец снова содрогнулся, и взгляд его, ещё недавно живой, цепкий, остекленел. Всё. Спёкся.

Отпыхиваясь и матерясь — про себя, про себя, — Сухов подобрал свой лук и колчан со стрелами. Нашёлся и нож.

Снова ударили мушкеты.

Из кустов, шагах в двадцати выше по склону, выкатился индеец, раненный в руку.

Распластавшись по травке, он пополз в сторону Олега.

Тот его и приголубил — стрелой. Длинная, она вошла ирокезу под ключицу, вонзаясь в тулово наполовину.

Индеец, как полз, так и ткнулся лицом в траву.

Поколебавшись, оглядевшись внимательно, Сухов не стал освобождать себя от грязной работы — поползав, он снял целый набор скальпов.

Вернувшись и подняв лук, Олег усмехнулся: несколько орлиных перьев (индейцы их называли «ку») за совершённые подвиги он уже заслужил.

Чувствуя, что жажда крови утолена, Сухов отправился дальше. Уже не мстить, а просто уничтожить врага.

У той самой сосны с раздвоившимся стволом он и увидал Хиали, только пленного.

Кариб стоял, привязанный спиной к дереву, и смотрел прямо перед собой. Олега он заметил сразу, но и вида не подал. Лицо его оставалось совершенно бесстрастным.

Перед карибом стояли трое ирокезов и совещались о чём-то.

Стояли они в полный рост, защищённые от шальной пули небольшим холмиком. Все трое были вооружены и, надо полагать, готовы были применить своё оружие.

Поэтому изображать смелого, но глупого героя Сухов не стал.

Скрывшись в траве, он пустился в обход, пластаясь по траве, да так медленно, что злаки просто не могли шелестеть.

Ирокезы, будто сговорившись о чём-то, торжественно уселись и запели песню.

Уж о чём они там голосили, Олегу неведомо было, но индейский вокал очень его порадовал — под шумок он пополз быстрее и вскоре оказался по ту сторону вильчатой сосны.

— Хиали, не шевелись,— шепнул он, разрезая кожаные ремешки, которыми были стянуты запястья кариба.

Тот, почувствовав свободу рук, лишь разжал пару раз занемевшие пальцы. Вложив в правую руку Хиали свой нож, Олег замер, ибо кариб запел сам.

— Эти трое ублюдков,— старательно выводил он на плохоньком французском,— сходиться во мнении! Они отводить меня к себе в деревню и привязать к столбу пыток! Их привёл сюда великий воин Аххисе-нейдей, чтобы снимать твой скальп. Вот, первый из них вставать и идти ко мне. В его руках нож и томагавк, он кивать мне с одобрением... Я его убивать!

Сухов живо, прячась за толстым стволом, зарядил лук.

Рука Хиали сжала рукоятку ножа — и резким движением ударила. Слыша стон, Олег сделал шаг, выходя из-за дерева и натягивая лук.

Подошедший к карибу уже падал к ногам Хиали, два сотоварища павшего в это время офигевали.

Один из них сидел, другой вставал.

Не дожидаясь, пока встававший займёт вертикальное положение, Сухов спустил тетиву. Попал.

Сидевший подскочил и дал дёру.

Кариб подхватил томагавк и швырнул его вдогонку.

Топорик и стрела попали в цель одновременно.

— Спасибо, командор,— сказал Хиали серьёзно.

— Не за что,— ответил Олег.— Скальпов много снял?

— Меньше, чем ты. Вон они. Ирокезы хотят убивать меня, но потом видеть скальпы и стали спорить.

— Они чтут мужественных воинов. Я затем и собираю эту гадость,— Сухов потряс связкой свежих скальпов.— Пригодятся.

— У эти индейцы есть лошади.

— Да-а?! Много?

— Два кони... Два коня. Там.

— Отлично! А хозяев у этих коней много осталось?

— Мало,— улыбнулся кариб.— Три... Трое. Они ползать... ползти вверх.

— Тогда постереги коняшек, а я за этими... ползунами.

Сдёрнув с головы свой платок, Олег выпрямился и помахал им.

С пригорка тут же раздалось:

— Ур-ра-а!

Сухов улыбнулся — это наверняка Понч так разоряется.

С высоты человеческого роста ему были хорошо видны спины двух индейских воинов, залёгших на полпути к вожаденной вершине. Третьего не видать. Сбежал?

Или Хиали вёл неверный счёт? Да какая разница...

Натянув тетиву, Олег выстрелил.

Его «мишень» развернулась в самый последний момент, так что стрела впилась не в спину, а в грудь.

Сосед убитого подскочил на месте, как перепуганный кот, и его сразил меткий выстрел из мушкета.

— Попал! — донёсся ликующий голос Акимова. — Шикарно!

— Спускайтесь! — в полный голос крикнул Сухов.

— А индейцы? — осведомился де Жюссак.

— Сегодня не их день.

Корсары спустились к лесу, Жак с Яром несли Анри.

С противоположной стороны приблизился Хиали, ведущий под уздцы двух лошадей, чалую и гнедую с подпалинами.

На чалой наличествовало старое испанское седло, гнедого покрывала индейская попона.

Лошадки дичились немного, но шагали покорно.

Даже запах крови не слишком пугал их.

Привыкли, наверное. С кем поведёшься...

На радостях все стали обниматься, могучий Шанго даже Хиали потискал, хотя ранее посматривал на кариба с недоверием.

Мало ли, индеец всё же. Вдруг к своим перебежит?

— Лопат у нас нет, — сказал Олег глухо, — так что сообразим нашему Анри пирамиду.

Так они и сделали.

Было неловко как-то класть плоские камни на умершего, но что ему-то? Графу де Лону уже не было больно...

К вечеру выросла маленькая пирамида из камней.

Друзья постояли вокруг, помолчали — и двинулись дальше.

Глава 5

Солнце уже село, в горах темнело быстро — долины заливало тенью, предвещающей ночь, и отряд поспешно двинулся по склону, подыскивая место для ночлега.

«Встать на постой» решили в небольшой пещере, куда все не поместились, но площадка перед гротом была достаточно обширна и покрыта травой. Несколько скальных обломков исполняли роль бруствера.

— Лошадок привяжите к кольям, — распорядился Олег, — пускай пасутся. Мы совсем рядом с тем местом, куда нас так упорно зазывал Хорн или Горн. Это самое... Завтра мы выйдем к деревне этого... как его... Хайовентхи.

Когда окажемся на расстоянии прямой видимости, дальше я поеду один. План такой...

Все сгруппировались вокруг капитана, слушая и одобряя, иногда вставляя замечания, прикидывая так и этак.

Кони совсем уж успокоились, с удовольствием хрупя травой. Небо наливалось синевой, ожидая первые звёзды.

Горы высились в торжественной, соборной тишине.

Только где-то далеко-далеко завыл волк, тоскливо жалуясь на неудачную охоту.

У пещеры разгорелся небольшой костёр, невидимый из долины, и тьма вокруг будто сгустилась. А в небе вспыхнула первая звезда.

Глава 6, *в которой Олез выкуривает трубку мира*

1

С лошадьми дело пошло легче — лишние мушкетеры и прочие причиндалы навьючили на животин, а те не возражали.

Корсары шли осторожно, избегая мест, удобных для засад.

Они давно уже находились на индейской территории, но сейчас, практически рядом с деревней Хайо-вентхи, опасность стычки возрастала многократно.

Конечно, в бою они положат немало народу, но и самих их перебьют.

Никакой мушкет не спасёт от десятка выпущенных по тебе стрел, хоть с двух рук пали.

Деревня показалась внезапно — тропа вывела отряд на невысокий перевал, и с него открылось становище.

И не маленькое — десятки «длинных домов» — овачир располагались на плоском холме. Каждую овачиру занимал один род, возглавляемый сашемом — старейшиной.

Становище окружал высокий частокол, за которым пролегали поля, засеянные маисом, и огороды.

Деревня жила своей жизнью и выглядела очень мирной — скво, сидя на солнышке, под стенами из плетёных прутьев, обмазанных глиной, перебирали травы, мужчины выделывали кожи, обжаривали жёлуди, чинили оружие.

Бледнолицые, хоть и едва закогтились за краешек побережья, уже неслабо влияли на ирокезов.

Индейцам весьма по вкусу пришлись стальные ножи и топоры, ткани и ружья. Все эти сокровища можно было выменять у белых торговцев за шкурки бобра.

Бедных грызунов вскоре полностью истребили на просторах от Большой Солёной воды до озера Онтарио, а потому ирокезы принялись занимать охотничьи угодья соседних племён, разгорались настоящие бобровые войны.

Ну а ежели соседи были неуступчивы, то их истребляли, как могикан. Ну не настоящие ли гадюки?

— Пора, ребятки,— сказал Олег.— Я в гости, а вы занимайте места в партере. Свою трубу я вам оставляю. Смотрите во весь глаз!

Когда я увижу Гли-Гли, то подниму лук — типа, приветствую, а вы замечайте, в каком доме её держат.

Если у меня не получится днём, попробуйте вы — ночью...

— Мы помним про план «Б»,— буркнул Пончик и насупился.

— Повторение — мать учения. И... работаем.

Нагруженные мушкетами, корсары побрели скрадом, выходя на поросший лесом склон, что поднимался совсем близко к ирокезскому селению.

Олег вскочил на чалого, имея с собою лишь нож в чехле, лук да колчан. И полотняную торбу, расшитую сушёными ягодами да иглами дикобраза.

Подбодрив коня пятками, он направился к воротам деревни.

Всякое могло стать с ним, но Олег надеялся на свои навыки да на кой-какие познания о варварах. А варвары везде одинаковы.

Вон те же древние аланы, знать не знающие, что кроме их степи существуют какие-то европы с америками, точно так же, как сиу, украшали поводья своих коней скальпами врагов.

Деревенские не выставляли дозорных, полагаясь на страх, испытываемый чужаками перед своим именем. Ирокезами пугали детей в селениях даже сильных челоуки.

О, заметили!

Индейцы резко оживились, углядев одинокого конника, и высыпали наружу, за ворота.

Потом все так же организованно вернулись, видимо исполняя чье-то ценное указание.

Олег миновал ворота и двинулся по своего рода улице между двух рядов овачир, здорово смахивавших на бараки в каком-нибудь колымском лагпункте. Только крыши были полукруглые, заделанные короу вяза.

Толпа любопытствующих жалась к стенкам, но, как только Сухов проехал к подобию центральной площади, ирокезы потопали следом.

Олег не оборачивался, вид имея непринуждённый, но и неприступный. Лишь один раз к нему подскочил индеец, длинный как жердь, и ухватился за повод.

В руке у Сухова, словно из воздуха, появился нож, чье лезвие было мгновенно приставлено к горлу наглеца.

— Каго! — сказал он с властным превосходством. — Не тронь!¹

Этим Олег почти исчерпал свой словарный запас, но на длинного подействовало.

А вот, кажется, и вождь явился...

Со стороны такой же овачиры, как у всех, величественно двигался индеец средних лет, кряжистый и плотный.

Близость к народу выражалась и в его одежде — вождь носил такие же ноговицы, что и простые воины, а задницу прикрывал повязкой, смахивавшей на мини-юбку, одетую поверх штанов.

Воины, следовавшие за своим вождём, были без рубах, их голые торсы украшали лишь ожерелья из клыков и когтей медведя, а вот у Хайовентхи на плечах лежала накидка из покупного бархата, расшитая бисером и украшенная по краю хвостами горностаев.

Ирокезы из свиты вождя выглядели весьма свирепо и пугающе, они смотрели на Сухова так, будто собирались его съесть, только не знали, с чего начать, с какой стороны обглаживать — с головы или с ног?

Олег вовремя вспомнил, как однажды очутился в окружении монгольских нукеров. Прояви он тогда малодушие — всё, никогда бы ему не стать эльчи, личным посланником самого Батыя. Срубили бы ему голову, и всего делов.

Оглядев жестокие лица краснокожих, Сухов улыбнулся и рассмеялся тихонько. Ей-богу, как дети... Пугают.

¹ Собственно говоря, слово «каго» из словаря племени чиппева (оджибве), соседей ирокезов. Но должны же соседи хоть чуть-чуть понимать друг друга?..

Спешившись, он обратился к вождю, поднимая перед собой правую руку, открывая ладонь — древний символ мира и добрых намерений:

— Приветствую тебя. Я вижу перед собой Хайовентху, великого воина и вождя ходинонхсони¹?

Вождь приосанился, горделивое выражение на его плосковатом лице укрепилось ещё более.

Он медленно проговорил, обращаясь к Сухову:

— Мы удивлены, что белый человек не побоялся явиться к нам. Как твоё имя... и откуда у тебя лошадь храброго воина Аххисенейдея?

Сухов усмехнулся. «Мы, Николай Второй...»

— Бледный Вендиго наверняка передал тебе моё имя, вождь. Я тот, кто пришёл за Гли-Гли.

Ирокезы, знакомые с языком бледнолицых, сделали перевод, и по толпе прошёл ропот.

— А лошадь я отобрал у Аххисенейдея, — неторопливо продолжил Олег, — убив всех. Человек десять или больше, не помню уже.

Едва знатоки передали эти слова толпе, индейцы вскричали как один.

Все разом шагнули к Сухову, угрожая томагавками, копьями, дротиками, резными дубинками. Олег мягко улыбнулся в ответ.

Хайовентха крикнул, поднимая руку, и воины отступили.

— Мы требуем доказательств твоих подвигов, Длинный Нож! — резко сказал вождь.

¹ *Ходинонхсони* — «люди длинного дома», самоназвание ирокезов в наречии сенеков.

— Да ради бога! — фыркнул Сухов. «Длинный Нож... Хм. Неплохо. Это из-за палаша, что ли? Будем считать, Олег Романович, что тебе оказан респект...»

Развязав торбу, он высыпал прямо на землю груды скальпов.

Да-а... Надо было видеть ирокезов в этот момент!

Немая сцена в финале гоголевского «Ревизора» — просто праздник жизни.

Ирокезы стояли как громом поражённые, минута за минутой, и лишь затем кто-то из них крикнул что-то яростное.

— Что ещё? — нетерпеливо спросил Олег.

Хайовентха зловеще улыбнулся.

— Легко казаться воином, имея «колдовское железо»! — проговорил он.

Сухов стянул с плеча лук и вынул нож.

— Вот то оружие, которым я поразил воинов Аххисенейдея! Он напал на меня и убил моего друга. За его смерть я отомстил и Аххисенейдею, и его людям. Я и мой воин Хиали — он убил пятерых, и тоже не касаясь «громовой палки».

Хайовентха помолчал, принимая вид настолько надменный, что становилось понятно — вождь находится в растерянности.

Индейцы с уважением и почтением относятся к мужественным врагам, но этот-то белый...

Когда Хайовентха заговорил, он обращался то к Олегу, то к сашемам, старым, но преисполненным достоинства:

— Мои люди должны убедиться, что железо, поразившее Аххисенейдея, не было волшебным. Лишь после этого мы признаем тебя великим воином, Длинный Нож.

— Я подожду,— сказал Сухов.— А не ответит ли мне вождь, где ныне обретается подлый хорёк, по недоразумению носящий имя Бледного Вендиго?

Хайовентха уловил насмешку и презрение в Олеговых словах и ответил в том смысле, что Бледному Вендиго было недосуг ожидать прихода Длинного Ножа.

Он ушёл сам и увёл своих чёрных воинов.

Олег скривил губы:

— Шогодайя ¹!

Вождь встрепенулся, но ничего не сказал.

— Тогда, может, я зря пришёл? — прохладным голосом спросил Сухов.— И Гли-Гли тоже нет в твоей деревне?

— Скво здесь.

— Покажи мне её.

— Ты нам не веришь?! — вознегодовал Хайовентха.

— Ну ты же не поверил в то, что мои подвиги одержаны в честном бою? — резонно заметил Олег.

Вождь не нашёлся что сказать и только руку вытянул, указывая дорогу.

Идти пришлось недалеко.

Обычный «длинный дом», у входа в который сидели рядом старухи-индианки, имевшие весьма большую власть у ирокезов. Настоящие матриархи.

Хайовентха почтительно испросил у бабусек разрешения, те милостиво кивнули и вывели на свет Гли-Гли, живую и невередимую.

— Это ты! — просияла индианка.— Ты пришёл!

Сухов улыбнулся и вскинул повыше свой лук.

Видно его? Должно быть видно...

¹ Шогодайя — трус.

— Приветствую тебя, Гли-Гли! — сказал он церемонно.

Девушка тоже вернула на лицо чопорное выражение, лишь в глазах её прыгали чертенята.

Хайовентха проводил Олега обратно и ввёл под сень собственного «длинного дома», где горел костёр. Дым вытягивался через дыру в крыше, а вокруг огня лежали медвежьи шкуры.

Вождь сел у костра сам и пригласил Сухова.

В круг у огня попали несколько сашемов, или сахемов, пожилых воинов, победивших немало врагов, а кое-кем из них и отобедавших — в знак почтения.

Скучал Олег недолго. Посланцы вождя на трёх лошадях — больше в деревне не водилось — унеслись в горы и вскоре примчались обратно.

Один из коней вёз на себе печальный груз — мёртвое тело Аххисенейдея.

Женщины тут же подняли вой и крик. Вагономин, вагономин ¹!

Хайовентха молча выслушал торопливый доклад молодого воина и отослал его.

Вполголоса переговорив с сахемами и получив их согласие, вождь велел принести калумет из особого шатра священной трубки.

Это была не знаменитая трубка мира, ибо Хайовентха не вёл войну с племенем Длинного Ножа.

Индейцы выкуривали трубку в честь замирения и успешной торговли или в знак принятия неких судьбоносных решений.

¹ *Вагономин* — крик горя.

Трубку с длинным чубуком, украшенным перьями, вождь лично набил табаком, смешанным с травами.

Втянув в себя дым, он передал трубку Сухову, держа её в обеих руках. Тот почтительно принял калумет, размышляя, не крепок ли индейский табак.

К тому же неясно, что ирокезы добавляют в него...

Но нет, дымок показался ему приятным и сладковатым, как у сигарет «Мальборо».

Выпустив струю к огню, Олег пустил трубку дальше по кругу. Сахемы поглядывали на него одобрительно.

Ритуал не слишком затянулся — выкурили табачок, и всё, обряд окончен.

Молодой воин отнёс трубку обратно в шатёр, а вождь толкнул длинную речь, то и дело переходя с плохо усвоенного «инглиша» на свой родной язык, так что Сухов понимал с пятого на десятое.

Смысл её сводился к тому, что великий воин Аххисенейдей сразился с великим воином по имени Длинный Нож и погиб. Однако трубка выкурена, стало быть, инцидент исчерпан.

Что же касается скво по имени Гли-Гли, то вождь не станет её отдавать Длинному Ножу, поскольку женщина была похищена самим Бледным Вендиго.

Стало быть, это его добыча. Разве можно брать чужое?

Тут вождь малость хитрил, путая обычаи бледнолицых и краснокожих.

Заповеди «Не укради» для индейца не существует.

Напротив, удачливый конокрад и грабитель, тот, кто ворует невест, пользуется почётом — и вниманием девушек.

— Бледный Вендиго не просто вор, — подбирая слова, сказал Олег, — он крадёт у своих, а это позор. Он

украл Гли-Гли, а я пришёл за нею. Когда я найду Бледного Вендиго, я сниму с него скальп, а пока... А пока, о храбрый Хайовентха, давай меняться. Будем меняться? Я отдам за Гли-Гли две «громовые палицы».

Такое щедрое предложение вызвало немалое оживление среди сахемов, и они начали торговаться.

Сошлись на том, что племя вернёт скво Длинному Ножу за пять мушкетов вместе с порохом и пулями.

Сухов же выговорил для себя «аренду» пары лошадей, чтобы довезти до Потомака Гли-Гли и прочее имущество.

Для этого с бледнолицыми отправится молодой воин Унствита — он и приведёт коней обратно.

Обмен состоялся за воротами деревни.

Олег торжественно передал Хайовентхе пять мушкетов, пороховницы и мешочки с пулями.

Подумав, он подарил вождю шестой ствол.

Впечатлённый, Хайовентха отдался, вручив Сухову ту самую трубку мира, ещё попахивавшую выкуреным табаком.

Теперь можно было не беспокоиться за обратную дорогу — никто из индейцев не нападёт на отряд, который находится под священной защитой калумета.

Тем не менее отходили бледнолицые в немалом напряге.

Лишь за перевалом все дали волю чувствам.

Акимов вцепился в Гли-Гли, девушка подлащивалась к нему, посылая жаркие взгляды Олегу. Тот с улыбкой погрозил ей пальцем.

— Шикарно! — сиял Виктор, тиская любимую. — Буду должен, конечно же!

— Ну ты даёшь, командор, — восхитился Пончик. — С настоящими ирокезами! Угу... Пр-ывет, Гли-Гли!

— Длинный Нож! — ухмыльнулся Быков. — Звучит как титул!

— Оле! — пророкотал Шанго. Тут слова у ассанте кончились, и он замотал кучерявой головой.

— С повышением, господин командор! — расплылся барон де Сен-Клер и тут же скуксился, вздохнул. Олег хлопнул его по плечу.

— Мы взяли за смерть Анри хорошую мзду, — сказал он. — Индейцы ещё долго будут петь песни о том бое. Это самое... Давайте-ка шустрее, надоели мне эти тёмные леса да высокие горы!

Усадив Гли-Гли на одного из непарнокопытных, а другого нагрузив оружием, корсары двинулись по тропе на восток.

Индеец, посланный вернуть лошадей, следовал далеко позади, не рискуя приближаться до поры до времени. Ну и ладно.

Сухов глубоко вдохнул. К морю! Наконец-то к морю!

Глава 7, *в которой Олег выходит «на субботник»*

1

Вечером на четвёртый день пути ван Хоорн устроился на ночлег у Нанабожо, вождя «коварных мингов». Ирокезы всегда были на ножах с гуронами и чиппева, те отвечали им той же враждебностью.

Но Бледного Вендиго привечали и там и там.

Налопавшись печёной и варёной оленины, Алберт вышел на берег полноводной Огайо.

Река несла свои тёмные воды, далеко на западе сливая их с Миси-зиби.

Завтра утром он покинет «мингов», и ходкие каноэ унесут его. Белых страшит этот край, страна краснокожих воинов.

Меж тем, при условии, что ты хорошо знаешь индейцев, а они хорошо знают тебя, прожить на этих землях можно легко и без особых забот.

Это притом, что добрая треть его верных «чернецов» — индейцы или метисы.

Лёгкие каноэ понесут его вниз по Великой реке и вынесут к владениям испанцев куда быстрее, чем галены Олэгара де Монтины, идущие против течения.

Длинный Нож...

Цепочка ассоциаций замкнулась в кольцо, назойливо кружась в голове.

Когда ван Хоорн покинул селение Хайовентхи, он не сразу двинулся на запад.

Сутки Альберт провёл в горах, отдыхая и охотясь, и этого времени хватило, чтобы Капитан Эш истребил отряд Аххисенейдея и забрал Гли-Гли. Об этом поведал запыхавшийся индейский мальчишка, которого и поджидал Бледный Вендиго всю ночь и целый день.

Известия не слишком впечатлили ван Хоорна и не принесли огорчения.

Напротив, он был доволен, что его размышления позволили сделать верный вывод: Олегар очень не прост и очень опасен. Наскоком его не извести, даже если за «мокрое дело» возмутся ирокезы.

Что ж, давненько у него не было достойного противника... А победа в этой необъявленной войне не только спасёт его подмоченную репутацию, но вознесёт на пик известности.

Все колонисты, испанцы, индейцы, пираты и даже чернокожие невольники будут передавать из уст в уста ошеломительную весть о победе над грозным корсаром, благоговая перед тем, кто её одержал. Перед ним, Альбертом фон Горном.

Да о такой славе можно только мечтать!

А слава для успеха его великого дела — главное слагаемое.

Какой индеец не склонится перед Бледным Вендиго, одолевшим самого Длинного Ножа?

Кто из белых воспротивится повелителю, потопившему «Феникса» с «Симургом», повесившему Капитана Эша и оприходовавшему пиратские сокровища?

Да никто! И путь к трону будет расчищен...

Фон Горн вздохнул.

Когда он был ребёнком и одолевал школьные премудрости, то учитель, старый священник Йорген Кранц, сказал его матери: «Альбертик вырастет или великим негодяем, или великим человеком!»

Ну негодяя из него не вышло, остаётся заделаться великим человеком...

Миси-зииби поражала ширью — могучий поток плавно катил мутные воды, разделяя далёкие берега.

Порою река обнажала отмели. Некоторые из них держались годами, успевая зарости травой и даже деревьями.

Эти зыбкие островки каждую весну меняли очертания, бывало, что и вовсе пропадали из глаз или делились надвое.

Иногда мимо каноэ проплывали обкорнанные стволы, лишённые сучьев и ветвей, подмытые где-то в верховьях.

А вот по правую руку леса редели, редели, да и все отошли к северу.

С этого берега стелилась плоская, бесконечная равнина, заросшая высокой травой.

Ветер клонил злаки, словно волны подгонял, — широкими разливами колыхались травы, и по этому зелёному морю брели бизоны.

Неисчислимое количество буйволов, горбатых и косматых, мотая лобастыми головами, шло трусцой, и их стадо было необозримо. Миллионы смрадных туш толклись от горизонта до горизонта, над ними стелилась туча пыли, и воздух дрожал от жара могучих тел.

Это буйство жизни поневоле подавляло, внушая великое почтение.

Неделю за неделей сплавлялся Альберт фон Горн, и на всём его пути простирались пустынные земли, непаханные и нехоженые.

В низовьях Миси-зиби разливались и кисли обширные болота, кишасшие аллигаторами.

Испанцы называли Великую реку по-своему — Рио-дель-Эспириту-Санто, «Река Святого Духа».

Но это больно уж отдавало фарисейством. Нельзя же весь божий мир уместить меж страниц Священного Писания!

На правом берегу Рио-дель-Эспириту-Санто имелось крошечное селение, основанное ещё де Сото.

Сложно сказать, везением ли объясняется то, что на всём пути следования фон Горна и его «чернецов» никто не потревожил. Возможно, причина крылась в их знаниях и умениях, в опыте и навыках.

Однако застать испанский галеон в занюханной, богом забытой деревушке было истинной поблажкой Фортуны.

Старый галеон «Пуэрто Кристиано», заглянувший в здешние нездоровые места за грузом крокодилийх шкур, уже поднимал выгоревшие паруса, когда к его выпуклому борту приблизились четыре индейские пироги.

Бледный Вендиго не спеша поднялся на борт, властно отстраняя солдата с ржавой алебардой, и громко спросил на прекрасном испанском:

— Кто капитан этого корабля?

Из дверей кормовой надстройки показался загорелый идальго в костюме из потёртого бархата, не ведавшем стирки, и оглядел незваного гостя.

— Меня зовут Антонио де Окендо,— сказал он с лёгкой надменностью.— Я здесь капитан. С кем имею честь? Фон Горн с достоинством поклонился.

— Дон Альберто де Корон,— представился он.— Могу я узнать, куда следует ваш галеон, сеньор?

— В Гавану, сеньор. Генерал-капитан дон Хуан Фадрике де Толедо-и-Оссорио отдал мне приказ следовать сюда за грузом...

— Вас послал сам Господь! — обрадовался фон Горн.— Дон Хуан в Гаване! Надеюсь, и вся Армада Эспанья с ним?

— Тридцать пять больших галеонов и четырнадцать навио!

— Отлично... Если вы подбросите меня и моих людей до Гаваны, я оплачу ваше гостеприимство, сеньор.

— Друг сеньора Толедо — мой друг,— выпренне ответил де Окендо.— Вы можете располагать мною и мои кораблём, дон Альберто.

Они ещё долго расшаркивались, но дело было сделано.

А ближе к полудню «Пуэрто Кристиано» отчалил и лёг на курс.

Свежим, искристым утром галеон проходил в виду кубинского берега, волнистых холмов с опушью зелени. А вот и Гавана, испанцами названная куда более цветисто — «Ла Вилла де Сан-Кристобаль де ла Хабана».

Взять этот город с моря — трудная, почти невыполнимая задача.

Надо пройти мимо форта Кастильо-дель-Морро — или просто Эль-Морро — с мрачными бастионами и массивными башнями, воздвигнутого на скалистой возвы-

шенности у самого входа в пролив — узкий проход в голубую лагуну, чьи воды омывали набережную Гаваны.

Напротив форта Эль-Морро, с юга, расположился форт Ла-Пунта с батареей, выстроенной в виде полумесяца, а посередке городских набережных была воздвигнута ещё одна крепость, Де ла Реаль-Фуэрца.

На ночь между Эль-Морро и Ла-Пунта натягивали цепь, прикреплённую к брёвнам. «Но пасаран!»

Когда «Пуэрто Кристиано» вошёл в бухту Гаваны, там стоял целый флот. Армада южных морей.

Испанцы собрали её, чтобы примерно наказать голландцев, захвативших португальские колонии в Бразилии¹.

Могучие галеоны, вроде «Сан-Николас де Толентино» или «Нуэстра Сеньора де ла Виктория», бросили якоря рядом с пузатыми навио и маленькими парусно-гребными навиетто.

А вот и огромный флагман армады — «Нуэстра Сеньора дель Пилар-и-Сантьяго».

Его корма была столь обильно украшена резьбой и золотом, что поневоле брало сомнение: а боевой ли это корабль?

Самого генерал-капитана фон Горн обнаружил на берегу.

Дон Хуан Фадрике де Толедо-и-Оссорио надувал щёки в окружении местных алькальдов.

Разглядев приближавшегося к нему Бледного Вендиго, он очень удивился и обрадовался.

— Дон Альберто! — вскричал генерал-капитан. — Вот это да! Сеньоры, позвольте вам представить моего

¹ Напомним, что в то время Португальское королевство принадлежало Испании.

старинного друга, дона Альберто де Корона! Право, нашу встречу стоило бы отметить добрым возлиянием!

— Не откажусь, дон Хуан,— улыбнулся фон Горн,— ибо спешил к вам, мой друг, ради недолгого уединения. Хочу передать важные вести...

Генерал-капитан тут же велел подать барку, в тень навеса на которой спустился сам и пригласил с собой Альберта.

— Откуда вы, друг мой? Я слышал, вы занимались своими делами в Новых Нидерландах. Уж чем вас прельстили эти еретики, не знаю...

— ...Мехами, друг мой,— вставил фон Горн.

— Ха-ха-ха! Тогда мне всё понятно! А что же привело вас в пределы Новой Испании? Кстати, я видел, что сошли вы с борта «Пуэрто Кристиано». Что вы забыли на реке Святого Духа?

— Я спустился по ней от самых гор,— кротко ответил фон Горн.

— О-о! И не боялись кровожадных дикарей?

— Эти дикари, мой друг, как дети. Право, подчинить их куда легче, нежели крещёных белых. Краснокожие коварны и жестоки, но честны. Им неведомо лицемерие. Они убивают потому, что хотят пролить кровь врага, не утверждая, что причиняют смерть для чьего-либо блага.

— Да уж,— насупился дон Хуан.— Выжить в Мадриде куда сложнее, чем в дебрях Нового Света.

— Вы меня хорошо поняли, мой друг...

Поднявшись на палубу флагманской капитаны¹, дон Хуан провёл гостя в свою просторную каюту, чьи

¹ *Капитана* — корабль в составе эскадры, на котором находится флагман (адмирал). Корабль вице-адмирала называется альмирантой.

стены были покрыты гобеленами, дорогая мебель ломилась от золотой и серебряной посуды, а огромное ложе покрывали шелка.

Разлив мадеру, до которой был большой охотник, по бокалам, генерал-капитан поднял свой сосуд.

— Ну, будем здоровы, дон Альберто!

— Будем, дон Хуан.

От долгого воздержания в голове у фон Горна зашумело, и он поспешил изложить свою просьбу:

— Слыхали ли вы о таком враге короля, как командор Олегар де Монтины, он же Капитан Эш?

Дон Хуан побагровел.

— Слыхал ли я! — вскричал он. — Да я собственными руками повесил бы это исчадие ада! Скольких испанцев он лишил жизни! Даже главного инквизитора Мехико, словно в насмешку, Капитан Эш сжёг на костре! А ограбление «Серебряного флота»? А угон манильского галеона? А то, что за казнь своего сообщника он перевешал всю команду корабля, посланного вице-королём, дабы покончить с этим разнузданным пиратом и еретиком?!

Фон Горн покивал согласно.

— Наслышан я, наслышан о его «подвигах»... Более того, сам стал ему врагом и намерен известить это отродье. Вот только у сего отродья два галеона, а у меня всего четыре индейских пироги, да и те я бросил на Рио-дель-Эспириту-Санто...

— Да-а! Моя армада поболе вашей, дон Альберто! Ха-ха!

— Вот поэтому я и здесь! — с силою сказал Бледный Вендиго. — Мне точно известно, что на этой неделе или в начале следующей корабль де Монтины прибудут на Тортугу, где пираты займутся их кренгованием.

Возможно, они двинутся сразу к острову Сент-Кристофер, где у этого пирата ещё одно логово, но, в любом случае, им не миновать Наветренного пролива.

— Ага... — задумался дон Хуан. — В таком случае я направлю к берегам Эспаньолы четыре... нет, пять кораблей, а на Тортугу пошлю соглядатаев. Если Олегар там появится, они успеют предупредить эскадру, и та устроит пиратам пламенную встречу! Если же мы не найдём там этих разбойников... Что ж! Летом я отправлюсь к берегам Бразилии и по дороге не премину заглянуть на Сент-Кристофер!

Фон Горн ощутил довольство собой — всё идёт по плану! Уничтожить своего врага чужими руками — что может быть приятнее? Стоит возблагодарить родителей, передавших ему сей драгоценный дар — убеждать строптивую людскую натуру!

— Да будет так! — торжественно заключил фон Горн.

2

Из весны в лето плыли корабли Капитана Эша.

Позади прохлады Голубых гор и утренние туманы, впереди жара и духота, еле-еле разбавленная дуновениями ветра.

А что делать? Изумруды не водятся там, где свежо.

— Капита-ан! — донёсся крик марсового. — Тортуга прямо по курсу!

— Ага! — сказал Олег довольно.

Вытащив свою «оптику», он глянул на далёкую «пипочку» суши.

Она самая... Тортуга.

Отсюда, с севера, остров и впрямь напоминал черепаху, скрывшуюся под панцирем, в честь которой и был назван.

Всю Тортугу покрывали скалы и леса.

Особенно неприятным был северный берег, не зря окрещённый Железным,— мрачные утёсы, о подножия которых бился прибой, как-то не влекли к себе.

Говорят, где-то там затерялась между скал маленькая бухточка Трезор, где опытный гребец способен пристать в тихую погоду.

Но большим кораблям здесь делать нечего.

Зато на юге острова имелись аж две обширные гавани, удобные для стоянки.

Та, что побольше, располагалась у полузаброшенной рыбацкой деревушки Пуэрто-дель-Рей, а вторую — Кайонскую — следовало искать в миле к западу.

Но как раз её искать и не стоило — мелковата была.

Когда открылся залив у Пуэрто-дель-Рей, Мулат Диего сказал со знанием дела:

— Сюда входят не наобум, а меж двумя песчаными банками. Одна, что во-он там, побольше будет и тянется на восток, к мысу Масон. Тут проход Гран-Пас. А второй, Пти-Пас, с той стороны, между отмелью и берегом. В прилив обе банки покрыты водой, а сейчас как бы отлив начинается... Вон они, проглядывают!

— Вижу... — протянул Сухов. — А рейд здоровый, кораблей двадцать встанет. Это самое... Правь, Диего!

Оба галеона, красный и чёрный, неторопливо вошли в залив.

Убрав паруса, корабли еле двигались, не поднимая волн, почти не колебля прозрачную воду бухты.

— Спустить якоря!

«Феникс» с «Симургом» замерли, натягивая якорные канаты. Прибыли.

В отдалении, на берегу залива, видны были убогие рыбацкие хижины, однако корсаров не тянуло обыскивать селение.

Что там можно было найти, кроме рваных сетей?

Мелькнуло несколько фигур, видимо, обитатели деревушки спешили укрыться на лесистом склоне, от греха подальше.

— Эгей! Кто тут нырятьщики? Осмотреть днище!

— Шон! И ты, Флеган! Плюхайтесь, я за вами!

— Ксав! Эй! Ты хоть бы обувь снял!

— Забыл! Щас я...

Десятка два корсаров нырнули головой вниз — многие ещё были уверены, что прыгать «солдатиком» опасно — вода разрежет пополам...

Олег приник к подзорной трубе, оглядывая не слишком далёкий берег Эспаньолы, — соседний остров лежал милях в пяти к югу, за проливом, кишевшим акулами.

Рядом совсем...

Вот так вот выйти из бухты и держать на ост. И к вечеру, наверное, они окажутся у той самой скалы. Скалы веков...

На всём северном побережье Эспаньолы не сыскать испанцев — не великого ума правители затеяли борьбу с контрабандистами.

Сама-то Испания почти ничего не могла предложить колонистам, а то, что привозили на кораблях из Кадиса, было дорогим и качества скверного.

Этим и пользовались голландцы и французы с англичанами — везли испанцам свой товар. Те его мигом

раскупали, да только как такое стерпеть его величеству и всей своре приживал да зажавшихся купцов?

Вот и решил губернатор Эспаньолы отселить обитателей северных поселений вглубь острова, чтобы некому было покупать!

Из-за этой-то монаршей дурости опустел целый ряд портов — Байяха, Ла-Ягуана, Пуэрто-Плата, Монте-Кристи. Приставай в любом месте, свободно!

И что там делать? Загорать?

Всё равно Акимову потребуется месяц, не меньше, чтобы собрать свою установку. Да и как он её соберёт без изумрудов?

Не будет этих красивых зелёных камней — не выйдет лазеров. Не выйдет лазеров — не получится точно сориентировать канал.

И всё, приплыли.

Сухов вздохнул. Хочется домой...

Соскучился же, наверное! Это сколько уже его не было с Алёной и Натахой? В августе два года будет. С ума сойти...

— Командор! «Симург» чистый! — доложил Моллар, выныривая и отфыркиваясь. — Днище как новенькое! Так только, пара ракушек прицепилась.

— А «Феникс»?

— Зарос изрядно!

— Тогда так. Ты нас не жди, а дуй на Сент-Кристофер. Узнаешь, что там и как, да когда они корабли из Европы ожидают. Мы свой сами кренгуем и следом двинем. Если что, встречаемся на старом месте.

— Гонав?

— Именно.

— Может, мы подождём лучше?

— А смысл?

— Ну мало ли... Испанцы близко...

— От эскадры мы и вдвоём не отобьёмся, а с одним-двумя как-нибудь справимся. Счастливого пути, короче. А водой лучше на Гонаве запастись.

— Ну ладно... Уговорил!

А Олег добавил громкости голосу:

— Эгей, морячки-корсарчики! Сбылась ваша мечта — кренговаться будем!

Команда ухмылялась только: кренгование — та ещё зараза...

Надо было наклонить корабль на борт так, чтобы обнажить днище. Соскрести всю выросшую гадость — и перевалить посудину на другой борт. И опять по новой.

Для этого требовалось найти подходящий заливчик, достаточно мелководный и с отлогой песчаной отмелью.

Место следовало подыскивать с особой тщательностью.

Проводив «Симурга», корсары этим и озаботились.

Старые морские волки знали толк в морских работах, так что поиски были недолги. Вскоре «Феникс» вошёл в уютную бухточку, отвечавшую всем параметрам.

Лучше, конечно, отколупывать ракушки в сухом доке, но такие только в хорошо устроенных портах имеются, а кто же пиратов в такие пустит? Вот «джентльмены удачи» и выкручивались, как могли.

Начался отлив, и тут же закрипели блоки, укреплённые на стволах могучих деревьев, росших на берегу.

Эти чудеса флоры отчего-то звали «индийскими смоковницами» — их густые кроны покрывали столько пространства, что в тени могла отдохнуть вся команда «Феникса», ещё и место бы осталось.

Корсары дружно тянули за канаты, укладывая корабль на бок. Медленно, очень медленно, но галеон кренился, наваливаясь на песок отмели, подминая его.

— Взяли! Ещё ра-аз... Взяли!

— Тяни, Роже!

— Только не порви!

— Не смейся, Джон, и без того ноги трясутся!

— Взяли!

— Крепи!

— Эй, камень из-под борта уберите! Кэриб!

— Щас, щас!

— Взяли-и!

Дозорные заняли места на скалах, а двое матросов вышли на шлюпке в море, высматривать вражеские корабли.

Лишь теперь Олег почувствовал всю опасность кренгования — пока «Феникс» лежит на боку, все они: и капитан, и его команда — совершенно беззащитны. Приходи и бери их голыми руками.

Сухов даже подсадовал на себя: зачем было отпускать Моллара?

Подежурил бы, присмотрел за товарищами...

Впрочем, они тут не собираются задерживаться.

И Олег вместе со всеми вышел «на субботник».

— Шевелись, Понч! — подбадривал друга Быков. — Растряси жирок!

— Ой, да сам уже скоро хрюкать начнёшь! Угу...

— Не дождётесь! Я фигуру блюду!

— Цыц!

— Ёш-моё...

Вскоре никого осаживать не пришлось, все ушли в работу.

Одно лишь тяжёлое дыхание слышалось да кряхтенье, изредка перебиваемое солёными словечками — тяжко приходилось.

Легко отдираться всякие моллюски, водоросли, морские жёлуди не желали, приходилось силу прикладывать.

А отдерёшь эти наросты, другая морока начинается — подгнившую доску замени да покрась, чтобы ракушки не так цеплялись.

Уж сколько там краски хватит, столько и развози её по днищу.

Работали без продыху, чтобы успеть и второй борт очистить до наступления прилива.

Когда прошлись от форштевня до ахтерштевня, все разом в канаты впряглись, да и перетянули галеон на другой бок.

И опять со скребками, топорами, долотами, даже заступами — сбивать зловредные ракушки, счищать, сдирать, соскребать...

К вечеру, когда галеон уже стоял на ровном киле, прилив поднял его.

Корсары вымотались совершенно. Вяло пожевав мясо, поданное на ужин, все попадали.

На палубу, на пляж — лишь бы спать, спать, спать...

И уже никто не видел, как в наступивших сумерках отчалила рыбацкая лодка. Гребец, мулат или чернокожий, сливался с темнотой, осторожно, без плеска погружая вёсла.

Когда он покинул бухту, направляясь к Эспаньоле, то стал и вовсе неразличим.

Глава 8,

в которой Олег приобретает билет в один конец

С утра было воскресенье и погода стояла на диво — тепло, но не жарко. Тяжёлую пелену духоты сдувал свежий ветер, принося желанную прохладу.

— Вот за что я люблю тропики,— разглагольствовал Быков,— так это за такие вот минутки! Ёш-моё, хорошо...

— Угу,— хмыкнул Пончик.— Походишь в туфлях на два размера меньших, а потом как снимешь... Счастье!

— Чтоб ты понимал в радостях жизни!

Сухов усмехался только, не принимая участия в дискуссии,— то была утренняя разминка Ярика с Шуркой. Просто для поднятия тонуса.

— Олег! А мы куда теперь?

— Для начала на Гонав явимся. Потом заглянем к нашим французикам на Сен-Кристоф. А после... Не знаю. Придётся, наверное, разведать, где тут можно сыскать крупные изумруды. Это самое... Наведаемся в Картахену, в Маракайбо...

— Прямо на «Фениксе»? Угу...

— Угукало ты наше,— ласково проговорил Быков,— а соображать ты не пробовало? На «Фениксе»! Мы ж не сдаваться двинем, а разузнать, где тут камушки и у кого их стырить можно!

— Тоже мне, нашлось соображало! — фыркнул Пончик.— Угу...

Сухов отвернулся, чтобы Шурка не увидел его ухмылки. А то обидится ещё, угукало...

...Ветер дул попутный, и «Феникс» распустил паруса, держа на юго-запад.

Огибая западные берега Эспаньолы, они заглянут в бухту Гонав, наберут там свежей водицы, фруктов и лягут на курс вдогон за «Симургом».

«Феникс» и раньше ходил побыстрее красного галеона, а ныне-то, с гладким днищем, и подавно обгонит. Через сутки-двое вполне можно будет увидеть на горизонте паруса «Симурга»...

— Испанцы! — раздался крик марсового.— Испанцы по левому крамболу!

Олег выругался. Вот всегда так! Только на хорошее настроишься, а житие с бытием обязательно какую-нибудь гадость подсунут!

Вот и паруса показались. Но под ними не друзья. Враги.

Вооружившись подзорной трубой, Сухов оглядел близкий берег Эспаньолы. На его фоне красиво выделялись два испанских галеона.

Раздув паруса, они лавировали, подстраиваясь под ветер.

На этом можно сыграть, мелькнуло у Сухова. Будем идти прежним курсом, сможем оторваться. Эти бро-

сятся в погоню, само собой, а к вечеру станет ясно, кто быстрее...

— Испанцы по левому борту! Испанцы по правому борту!

А вот это уже хреново.

Ещё парочка галеонов величаво выплыла из Кайонской бухты. Пятый галеон был ещё далеко, он приближался с запада.

— Это засада, капитан! — прокричал Диего. — Они нас ждали!

— И дождались, — тяжело обронил Олег.

Взявшись просчитывать варианты, он не смог сделать ни одного утешительного вывода.

Испанцы гонят его на запад, ясно даже и ежу. Любой капитан выберет то направление, которое сулит меньше всего неприятностей.

На север, против норд-оста, не попрёшь. Пойдёшь на юг — там двое. И на востоке столько же. А будешь держать на запад — столкнёшься лишь с одним галеоном. И что?

Этот одиночка, судя по паре задних мачт, побольше «Феникса», и намного. Он свяжет корсаров боем, а тут и остальные четверо подоспеют. И впятером на одного...

Но ничего... Капитан Эш — не любой. Он такой единственный.

На запад, говорите? А хрен вы угадали!

— Диего! — рывкнул Сухов. — Курс на юг! Это самое... Держим к Эспаньоле!

Мулат сначала растерялся, целую секунду стоял с открытым ртом, а после забегал, отдавая команды матросам.

Корсары слаженно тягали снасти, упираясь в палубу босыми пятками или подошвами новеньких ботфуртов. Они не задавались вопросами, они верили капитану. А тут и Диего просветлел лицом.

— Я понял! — сказал он. — Четверо будут мешать друг другу, да?

— Будут, — вздохнул Олег, — но не настолько, чтобы мы взяли верх. Нас потопят, Диего. Обязательно. Можно, конечно, с честью погибнуть, всё это очень благородно — и очень глупо. Мы сойдём на берег, Мулат.

— На берег?..

— Именно. Тогда против нас будут лишь два корабля противника. Те, что на востоке, можно не брать в расчёт, они слишком далеко, а западный и подавно.

— А на берегу что?

— Ничего. Уйдём в леса и начнём свою войну! Дадим испанцам такого жару, что они взвоят!

— А корабль взорвём! — с воодушевлением сказал Диего.

— Нет.

— Нет? Почему?

— Жалко. Понч! Готовь своих пушкарей!

— Всегда готовы, капитан!

— Эгей, морячки-корсарчики! Это самое... Слушать меня! Готовим шлюпки, будем переправляться на берег под прикрытием «Феникса»! С собой берём оружие, еду, одежду, лекарства — всё, что можем унести на себе!

Корсары не испытывали добрых чувств к испанцам, они были злы как черти, им была ненавистна сама мысль покинуть корабль, но умом каждый из них понимал — выжить, случись битва, не удастся.

А если и повезёт кому, то этот «везунчик» закончит свои дни на шахтах Эспаньолы. И мучиться ему долго не придётся, рудокопам отпущен малый срок...

Пиратский галеон под всеми парусами шёл навстречу берегу.

В этих местах хватало небольших бухточек и лагунок, в которые можно было войти большому кораблю, но вот выйти обратно оказывалось делом весьма затруднительным — не развернуться.

Но корсарам и не надо было обратно, им достался билет в один конец...

Пара испанских галеонов, шедших с юга, замешкалась, их капитаны не ожидали от корсаров подобного безрассудства. В подозрную трубу Олег разглядел названия кораблей: «Сантана Майор» и «Сан-Пабло».

На «Сантана Майор» опомнились первыми и стали разворачивать галеон. «Сан-Пабло», повёрнутый к «Фениксу» левым бортом, неожиданно окутался облаком порохового дыма. Прокатился гром залпа.

— Недолёт, — спокойно сказал Пончик.

Ядра, словно слушаясь канонира Пончева, попадали в волны в добром кабельтове от корабля, подняв фонтаны брызг и пены.

— Понч! Заряжай пушки — и отвязывай те, что по правому борту! Как только ударишь всем левым, тут же меняешь орудия на правые!

— А мы что, правым бортом разворачиваться не будем?

— Некогда!

— Сделаем, капитан!

Оба галеона с жёлто-пурпурными стягами Испании развернулись и, подгоняемые попутным ветром, двинулись к «Фениксу», забирая немного к югу.

Олег прикинул, что им суждено встретиться с испанцами совсем недалеко от берега. Что ж... Организуем тёплую встречу.

«Сантана Майор» заметно опережал «Сан-Пабло».

Вот и замечательно — этот ходкий галеон прикроет корсаров от огня своего соседа!

Горячие кастильские парни рвутся в бой, не думая.

Ну так вам и надо...

— Понч! Картечью заряжал?

— А как же! Каждое третье орудие.

— Ага... Засадишь по «Сантана Майор» ядрами, потом пройдёшься по палубе картечью. Приказа открывать огонь не жди, как увидишь, что пора, так и палишь!

— Понял! Угу...

— Мушкетёры! Это самое... Готовимся!

— Завсегда! — рявкнули мушкетёры.

Оглянувшись, Сухов заметил Гли-Гли, выглядывавшую из каюты. Олег погрозил девушке пальцем, а та показала ему язык.

Но скрылась-таки.

— Огонь! — провопил Понч.

Галеон вздрогнул, тяжкий грохот ударил по ушам. Всклубился дым, совершенно скрывая неприятеля, и тут же прогремел второй залп.

Ядра крушили нос «Сантана Майор», сбили бушприт вместе с блинда-реем, проломили борт, порвали снасти и фок. А потом по палубе прошла картечь.

Низко рявкнул ответный залп. Слава Богу, испанские канониры дело своё знали плоховато, большее число ядер угодило в море или просвистало поверху, раз или два оставив дыры в парусах «Феникса».

Сейчас бы «Сантана Майор» уступить место «Сан-Пабло», но куда там...

А разворачиваться другим бортом испанцы не станут — пока завершат разворот, корсары уйдут с линии огня.

Было видно и невооружённым глазом, как испанские пушки стараются побыстрее зарядить свои орудия, да только дело это долгое и нудное. А вот у корсаров оно получится!

Хотя бы потому, что ни одному капитану и в голову не придёт перекатить пушки от одного борта к другому. Так же нельзя! Оставить борт незащищённым?!

Но Капитану Эшу закон не писан.

— Огонь!

Не ожидавшие залпа испанцы несколько не прятались, зная прекрасно, сколько времени уходит на перезарядку.

И они наивно полагали, что это самое время у них есть. Испанцы ошибались...

Ядра прошли по палубе, сметая канониров и прочую команду, подсекая фок-мачту, рухнувшую за борт и верхушкой зацепившую борт «Сан-Пабло».

«Вооружённые силы противника» бросились распутовывать снасти, рубить, растаскивать — и угодили под свинцовый дождь. Канониры ударили картечью, а мушкетёры добавили.

— Шлюпки готовы!

— Всё готово, капитан!

— Понч!

— Заряжаем, заряжаем...

Берег Эспаньолы надвинулся вплотную, раскрыл зев синей лагуны, отороченной зарослями.

— Паруса долой! Якоря спустить!

Корсары живо вскарабкались на мачты, убирая грот, фок, марсели и прочие ветрила.

С высоты было хорошо видно, что «Сантана Майор» пострадала изрядно — вся палуба была усеяна мёртвыми телами и обломками. Пара пушек была перевернута, на квартердеке прыгал, неистовствуя, капитан, но ничего, кроме полусотни моряков с мушкетами, он выставить не мог.

Канониры с нижней палубы испанского корабля наверняка заряжали пушки, их залп по «Фениксу», практически в упор, мог бы наделать бед, да только «Сантана Майор» была уже плохо управляема.

«Сан-Пабло», освободившись от чужой мачты, плавно огибал мешавшего соседа, вот уже и нос показался из-за кормы «Сантана Майор». Поздновато!

— Понч! Это самое...

— Готово всё, готово! Дуйте на берег, мы прикроем!

— Не задерживайся! Один залп — и за нами!

— Есть, капитан...

С убранными парусами, осаженный якорями, «Феникс» замер, по инерции разворачиваясь бортом к берегу.

— Шлюпки на воду! Мушкетёры идут первыми! Засядете в скалах, будете прикрывать высадку! Фальконеты, какие только есть, забирайте с собой! Угостите друзей!

Вельботы высадили первую партию и вернулись, когда «Сан-Пабло» показался из-за «Сантана Майор».

Его левый борт словно взорвался — вспухла туча дыма, прорезаемая огненными вспышками.

И тут же, словно отражение в зеркале, прогрехотал залп с «Феникса». Испанцам, чей корабль качался на крутой волне, не слишком везло в меткости.

Зато корсары били прицельно — стоя на якоре в тихой лагуне, трудно не попасть!

Олег заметил, по крайней мере, одно хорошее попадание — в корабельную скулу, чуть выше ватерлинии.

«Сан-Пабло» принялся разворачиваться, чтобы ударить другим бортом, да только корсары решили не дожидаться «гостинцев» — свалили прочь.

— Роже! Жак! Шон! Быстро уходите!

— Горбун!

— Ухожу, ухожу...

— Ёш-моё...

— По-онч! Долго ты ещё?

— Да щас я...

— Витька, не высовывайся, твоя голова нам нужна целой!

— Включая Гальку!

— Диего!

— Всё, командор!

— Олег!

— Здесь я... Шанго! Прихвати запасной парус.

— Тут ещё канат...

— Оставь мне. Прыгай в шлюпку!

— Да куда ж ему прыгать, дно проломит! Угу...

— К берегу!

С прибрежных скал доносился треск мушкетов и гулкие хлопки фальконетов.

Бравым молодцам Понча удалось даже лёгкую кулеврину стащить на берег — вон она, на камнях, как на лафете.

Бабах! Получите ядрышко с доставкой на дом!

— Отходим! — зычно скомандовал Сухов, углядев, что «Сан-Пабло» замедлил разворот и двинулся к берегу.

Видимо, его капитан был куда трезвей и опытней коллеги с «Сантана Майор» — заметил, что палуба «Феникса» опустела.

Вот и решил подойти поближе да выдать залп по прибрежным зарослям, прочесать ядрами чащобу — авось и зацепит кого из пиратов.

А пираты организованно отступали.

Хиали с ирландцами соорудил индейские травуа — волокуши из двух жердей и куска парусины.

Берёшься спереди за жерди, как за ручки носилок, и тащишь. Всё легче, чем на своём горбу.

Таким макаром корсары волокли троих раненых, увесистые фальконеты, ядра к ним, бочонки с порохом и прочие пожитки.

За Олегом в леса шла гуськом вся команда «Феникса» — сто двадцать человек.

— Жалко галеон, — вздохнул Кэриб Уорнер.

— Ёш-моё! Зря только кренговали! — раздражённо выговорил Быков.

— Испанцы скажут нам спасибо, — проворчал Малыш Роже.

Чак Железная Рука хмыкнул.

— А я им там много приветов написал — крупно, мелом!

— Ха-ха-ха!

— Корабль — пустяки, — сказал Сухов. — Была бы команда, а посудину найдём. Это самое... Витёк! Не забыл?

Акимов в ответ продемонстрировал холщовый мешок с драгоценными платиновыми зеркалами.

— Вперёд!

За лесом, с моря раскатисто ударили пушки. Зашуршали ядра, сбивая ветки в кронах деревьев и пугая местных обезьянок.

— Вот чего зря порох тратить? — пробурчал Шурик. — Делать людям нечего... Угу.

— Испанцы же! — фыркнул Ксавье Горбун. Что, дескать, с них возьмёшь, с убогих?

— Франсуа! И ты, барон, — бдите на флангах. Шанго и Хиали, идёте замыкающими.

— Мы замыкать...

Цепочка корсаров уходила всё дальше в лес.

Шум прибоя постепенно отдалился, сменяясь шорохом листвы и писком лесной живности.

Весь день, до самого вечера команда «Феникса» брела долиной меж высоких холмов. Выйдя к реке, они двинулись по её берегу, уходя в горы Сибао.

Вечером остановились под защитой скал, построили шалаши, укрыв их, на всякий случай, парусиной, разожгли костры.

Шекер-ага даже в походных условиях умудрился приготовить вкусный ужин, хотя и весьма скромный по объёму.

— Много есть — вредно, — значительно сказал Быков. — Правда, Понч?

— Кто бы говорил... — проворчал Шурик. — Вон какое брюшко отрастил!

Жерар Туссен держался недолго, хихикнул.

— Какое брюшко?! — оскорбился Яр. — Где ты его увидел?

— Ты не втягивай так живот,— фыркнул Пончик,— не поможет!

— Да это фигура у меня такая, перегибистая!

Корсары, сидевшие неподалёку, захохотали.

Что бы там ни происходило, на море и на суше, а уныния в команде не чувствовалось, настроение было бодрим.

Ещё бы! Вона как они испанцам врезали!

Народу положили — тьму, а у самих ни одних похорон. Уметь надо. А корабль... Ну что корабль?

С таким командором, как у них, они ещё десять кораблей отыщут, получше «Феникса»!

— Олег,— негромко сказал Акимов,— а на что ты надеешься? Нет, пока всё нормально и будет, конечно же, всё как надо, я уверен. Просто интересно...

Сухов кивнул.

— Надеяться надо на самих себя,— проговорил он назидательно.— И на буканьеров. Их тут много шастает. Наверняка уже нас заметили и соображают, к добру ли мы тут или к худу.

— Я видеть следы,— вставил Хиали.— Люди в мокалинах, ходить стороной.

— Ну вот... Это самое... Постараемся убедить этих людей в мокалинах, что мы не только белые, но ещё и пушистые...

— Буканиры? — не понял Быков.— Типа пираты?

— Типа заготовщики мясопродуктов. Пьер! Помнится, ты говорил как-то, что знал с буканьерами.

Пьер Длинный важно кивнул.

— Расскажи этим незнайкам.

Пьер солидно откашлялся и повёл свой незамысловатый рассказ.

— Буканьеры,— начал он,— они из беглых рабов, только белые. Или, скажем, из морячков, кого на берег выбросило после шторма. Охотники они. Испанцы-то уже лет сто сюда коров завозят да свиней, а скотина то разбежится, то индейцы таино, бывало, нагрянут, скотоводов уделают. А коровы, они хоть и терпеливые, только не до смерти. Как проголодаются, как выедят всю траву в загоне, так и вырвутся на волю. А травы тут — хоть сам её ешь! И волков нет. Вот бурёнки и плодятся. И кони тоже, и свиньи — стадами огромными бегают по Эспаньоле!

— А почему тогда — буканьеры?

— А они так мясо готовят — на буканах. Это такие решётки из сырого дерева, вот они на них и коптят свинину да говядину. Или это потому они так окрещены, что селения свои тоже буканами прозывают? Сами себя они мателотами зовут, то бишь матросами. Семей у них нет, живут впятером-вшестером, а когда один из них умирает, всё его имущество достаётся товарищам... Хотя какое у них имущество? Даже стула со столом не держат, рубаху носят, от бычьей крови заскорузлую, да такие же панталоны, ну и башмаки из свиной кожи. А в шкурах они соль добывают — выпаривают на солнце морскую воду. Ничего даром не пропадает! Они тут всех пиратов снабжают мясом. Заливов-то много, наш брат-разбойник пристаёт к берегу, и пошёл обмен — мяско на ружья, на ром. А ружья у них здоровые, что твой фальконет — одной пулей быка валят! А уж какие они быстрые... Пока испанец мушкет свой перезарядит, буканьер три выстрела сделать поспевает! Да-а! Я и сам не верил, пока не увидел. Ох и шустрые ребята! И порох у них особенный, строго на

заказ, из Шербура. Его так и называют — «буканьерский порох». Они его в таких флягах хранят, из тыкв сушёных. Или в трубках из бамбука, заделанных воском. А собачищи у них какие... Звери! На испанцев натасканные. Такая тварь, ежели в горло вцепится, порвёт аки лев! Что ты...

— Господин командор! — раздался голос дозорного. — Тут человек из леса, главного ищет!

— Давай его сюда! — отозвался Сухов.

Из теней и отсветов костров нарисовалась нескладная фигура.

— Привет вам, добрые люди!

Голос, раздавшийся из полутьмы, был полон не только смирения, но и некоего мелкого торжества, довольства собой.

— И тебе привет, добрый человек, — откликнулся Олег. — Проходи к огню, а то как дух ночной.

Во мраке послышалось хихиканье, и на свет костра вышел невысокий человек в кожаных штанах и рубаше.

За плечом у него висело длинное ружьё, в руке гость держал тесак, за поясом торчали два пистолета и здоровенный нож.

Следом вышло ещё одно «оружие» — огромный чёрный пёс, настоящая собака Баскервильей.

Втянув носом воздух, она глянула на хозяина и улеглась, положив голову на лапы.

— Меня зовут Катакоа, — представился буканьер, приседая на камень. — Это индейское имя. Моя мать — индианка Анакаона, а отец — миссионер. Сделал своё дело и был таков. А я — вот он. Индейцев тут почти не осталось, испанцы всех истребили. Вашу компанию я ещё на берегу приметил. Смотрю — испанцы кого-то к

берегу прижимают, да много их. Ну, думаю, беда! А как сказать... «Сантану»-то вы приложили знатно! Приятно было посмотреть! А корабль ваш прибрали...

— Испанцы домовитые пошли,— фыркнул Быков.

— А не испанцы вовсе на ваш «Феникс» поднялись...

— Не испанцы? А кто тогда?

Катакоа поёжился.

— Колдун! — сказал он.— Злой колдун-оборотень! И с ним люди его. С испанцами он дружен, те его доном Альберто кличут, а он...

— Дон Альберто де Корон?! — воскликнул Пончик.

— Ну да...

— Так вот кто нам эту пакость устроил...— протянул Олег.— Наш старый приятель!

— Козёл безрогий! — сердито выразился Пончик.— Мы этого колдуна чуть не повесили, а вот надо было. Нет, ну какая же всё-таки скотина!

— Не кипишуй, Шурка,— спокойно сказал Быков.— Поймаем мы этого колдуна сраного и кол ему осиновый всадим.

— В анус! — рявкнул Пончик.— И на пару футов внутрь! Угу...

Когда корсары отсмеялись, Катакоа спросил осторожно:

— И вы не боитесь магии этого оборотня?

Сухов усмехнулся:

— Друг мой Катакоа, пускай он нас боится!

— Индейцы называют его Бледным Вендиго,— подала голос Гли-Гли.— Я сказала этому оборотню, что Олег,— девушка указала на Сухова,— нарежет ремней из его дряблой кожи, сплетёт из них верёвку и повесит!

— Неплохой вариант,— усмехнулся Олег.

Глава 8

— Но у вас же нет корабля,— заметил буканьер.

— Зато у испанцев их много! — отмахнулся Олег.— Это самое... Скажи мне, Катакоа, далеко ли отсюда ваше селение?

— Рядом,— не стал скрывать тот.— За горами.

— И много вас там?

— Человек сто... Или больше.

— А лошадей много вокруг?

— Ты любишь конину? — удивился Катакоа.

— Нет, просто я предпочитаю ездить верхом, а не пешком таскаться. Понимаешь, Катакоа, я очень не люблю, когда на меня нападают. Поэтому всегда даю отпор. Вынудили нас испанцы на берег сойти? Им же хуже. Нас тут сотня с лишним нехороших мужиков, точно знающих, с какой стороны у мушкета дуло. И если у нас будет сотни две лошадей, на Эспаньоле объявится конный отряд, который станет нападать на испанские селения, будет грабить и убивать. Мы тут такого шороху наведём, что испанцам тошно станет! Понял?

— Понял...— проговорил буканьер, находясь под впечатлением.— Будут лошади! Много лошадей!

Глава 9, *в которой Олег уходит в партизаны*

Рано утром, когда горный хребет загораживал встающее солнце, и в долине царил сырой полумрак, корсары покинули свой лагерь и двинулись к селению буканьеров. К букану.

Дорога была недолгой — надо было обогнуть крутобокую гору, похожую на правильный конус, поросший лесом до половины, и войти в глубокое, узкое ущелье.

Сей каньон был с секретом. Раз за разом он изгибался, подчас под прямым углом, и на каждом повороте были навалены огромные глыбы, могущие надёжно укрыть стража или двух.

Парочки стрелков было достаточно, чтобы удержать на месте хоть полк, хоть два полка — все лягут, если дозорный не захочет пропустить чужаков.

А на выстрелы другие сбегутся, и выйдет пришельцам амбец.

Ущелье выводило в долину, ступенчато поднимавшуюся к солнцу, и там, среди роскошных лугов и перелесков, стоял букан — посёлок вольных охотников.

Дома тут ставили в стиле простейшем — этакие шалаши без стен, сплошные навесы, поднятые на столбах.

От дождя защитят, а от холода... Да какой холод в этих-то местах? Зато ветерок продувает...

Первыми гостей учуяли собаки — огромная свора псов с лаем и рычанием налетела, заметила Катакоа — и мигом изменила поведение, завизжав от радости, запрыгав.

Олег убрал ладонь с рукояти палаша и улыбнулся, глянув на Пончика, — тот, здорово боясь собак, аж побелел от страха.

Следом за «друзьями человека» прибежали чернокожие слуги буканьеров и сами мателоты, сжимавшие в руках «ланас» — что-то вроде полупик со стальными наконечниками в виде перекрестий.

— Это Катакоа привёл их! — сердито заорал огромный буканьер в рваных штанах, с львиной гривой.

Несло от него тоже как от льва.

Вскоре мателотов собралась добрая сотня, причём у каждого второго в руках был мушкет, вряд ли не заряженный.

— Это друзья! — оповестил сын миссионера и индианки. — Они вчера здорово побили испанцев, но потеряли свой корабль. А вот это — сам Капитан Эш!

Буканьеры подняли шум, а «лев» проворчал добродушно:

— Ну тогда ладно...

Обтерев ладонь о засаленные штаны, он протянул руку Сухову:

— Свинтус!

— Редкое имя! — ухмыльнулся Олег, пожимая грязноватую длань.

Буканьеры загоготали.

— Это что! — вскричал Свинтус. — Вон гляди, тот длинный зовётся Стоячком, а это вот — Рукоед!

— Люди! — возвысил голос Катакоа. — Капитан Эш хочет бить испанцев здесь, на суше! Ему нужны лошади! Не конина, а живые лошади!

— И как ты себе это представляешь, Катакоа? — громко спросил мужичонка в необычно чистой одежде. — Бежать за кобылой и упрашивать её стать под седло? Под жеребца ещё ладно, а под седло лошадь не пойдёт!

— Нужно устроить облаву, — взял слово Сухов, — и загнать хороший табунок в узкую долинку, перегордив её. Это самое... А дальше уже наша забота!

— Хм... — задумался Свинтус. — А что? Может, и выйдет чего!

— В любом случае, помочь надо, — подвёл черту Чистюля. — Людям, которые собрались испанцев бить, да не помочь — это каким же гнилым человеком надо быть! Верно?

— Верна-а! — заорали буканьеры.

На том и порешили.

После обильного угощения (на первое — мясная похлёбка, на второе — мясо тушёное, на третье — мясо жареное, без хлеба) матросы по самоназванию и матросы настоящие собрались на охоту.

Само собой, в первый день никто никакой облавы не устраивал. Следовало для начала сыскать подходящую долинку, нарубить жердей и кольев, превратить её в загон.

Да ещё и весь путь обложить, завесить, чтобы одичавшие лошади не свернули, не разбежались, а попали именно туда, куда их «приглашают».

Дня через два буканьер по имени Пятачок вернулся в деревню и сообщил, что видел большой табун, голов в двести, и совсем рядом, у Зеркального озера.

И на другой день охотники отправились к тому самому озеру.

Ветер дул на «мустангеров», поэтому дикие лошади не тревожились — паслись, неторопливо переступая в высокой траве, обмахивались хвостами от назойливой мошкары, встряхивали гривами.

Вожаки бдительности не теряли — они тоже хрумкали сочным подножным кормом, но то и дело выпрямляли шею, втягивали воздух чуткими ноздрями.

Животины вырастали поколение за поколением, не зная хищников, но память о них хранилась в крови, заставляя настораживаться и беречься.

Единственным врагом одичавших лошадей мог считаться человек, но те же буканьеры предпочитали говядину и свинину.

Додуматься же до того, чтобы вернуть коней под седло, никто из них не поспел.

Да и зачем охотнику лошадь? Чтобы быстрее достичь угодий?

А куда спешить-то? Вся жизнь впереди.

Да и лошадь не может быть сама по себе, ей уход требуется, конюшня, корм. А зачем мателоту такая обуза?

Ну а ежели корсары такое желание возымели — конницей палубу заменить, — то отчего ж не подсобить? Враг-то у них общий — испанцы.

Грех не помочь, правду глаголет Чистюля...

Олег осторожно высунулся из-за кустов.

Да, табун отменный. Кони сильные, здоровые, с ровом.

Недели две придётся потратить, чтобы приучить к себе этих хвостатых и гривастых дикарей. Но лошади быстро привыкают к человеку, это вам не зебры с антилопами...

— Катакоа! Свинтус! — окликнул Сухов. — Спускайте собак!

Целая свора псов, еле сдерживавшая дотоле утробное рычание, рванулась с места, басистым лаем смахивая тишину.

Кони заметались, испуганным ржанием озвучивая смятение, а собаки грамотно окружали их, оставляя единственный путь к спасению. Туда и понёсся табун, аж земля затряслась от топота копыт.

— Шумим, братцы! — крикнул Олег. — Шумим!

Корсары и буканьеры вскочили, вопя и свистя.

Раздалась пара выстрелов.

Лошади перешли на галоп, отбрыкиваясь от собак, храпя и тряся головами.

— Отсекай! Отсекай!

— Ёш-моё! Справа!

Ну мателоты дело своё знали туго — не впервой им облавы устраивать. Загонщики на флангах тоже спускали мечущихся псов, и те, радостно визжа, принимали участие в увлекательнейшем занятии — охоте.

А уж зарежут ли хозяева живность или пощадят, разницы нет, лишь бы скакать, лаять и гнать, гнать, гнать!

Прогалы в густых зарослях были перегорожены «ежами» — острые колья буквами «Х» привязывались

к поперечине, и только глупая коняка могла перескочить такое препятствие.

Её умные товарки опасались распороть животы, предпочитая бежать со всеми вместе.

А бежать пришлось не слишком долго, то и дело шараясь от охотников и собак по краям уготованной табуну дороги.

Вот и укромная долинка, выбранная буканьерами.

Гнедой вожак первым ворвался в её пределы и описал большой круг в попытке выбраться из тупика — долина была основательно перегорожена.

Табун заметался, опасаясь прорываться через набегающую свору, а тут и люди подросли, наташили «ежей», жердей, загородили долинку, превращая её в большой-пребольшой загон.

И всё сразу стихло.

Охотники ушли, их одежда, пропахшая кровью, уже не беспокоила чутких лошадей, да и собачий лай отдался.

Часть людей осталась, но эти вели себя спокойно, не делали резких движений, а просто стояли.

Табун постепенно успокоился.

Кобылы с жеребятами принялись щипать травку, и только вожак продолжал гневаться, грозно насккивая на изгородь и пугая людей.

Но те пугались не шибко, встречая его нападки смехом и ласковыми голосами, требовавшими не баловать.

Сухов утёр пот со лба и сказал:

— Это самое... Лошадники, ко мне!

Подошли человек десять, в том числе Шекер-ага.

— Кобылицы нам ни к чему и жеребята тоже. Этих надо выпустить. Сегодня вряд ли что выйдет, а вот

завтра с утра и займитесь. Давайте пока пристроим ещё один загон, начнём с завтрашнего дня объезжать коняшек. Сёдел не обещаю, но у испанцев они определённо имеются. Вот и займём! Или сами понаделаем, шорники вроде как не перевелись. Вопросы есть? Вопросов нет.

Неделю спустя табун поредел — в нём остались одни жеребцы — и разделился на два — в «старом» загоне носились временно не укрощённые, а в новом объезжали тех, кто свикался с подчинением воле человека, находя в этом немало удобств.

Одни стебли сахарного тростника чего стоили — сладчайшее угощение! Или, скажем, лепёшка с солью. Мм...

А как приятно, когда тебя щёткой трут или хотя бы пуком сухой травы!

Короче говоря, лаской да заботой можно было добиться куда большего, нежели силу применяя.

Ещё пару раз буканьеры загоняли в Конскую долину табуны поменьше числом, но дело шло быстрее — объезженные кони хорошо «влияти» на диких, и те смирили.

Добрый месяц трудов дал свои результаты — две сотни послушных, выносливых животных составили пиратскую конницу.

Местные умельцы и шорники из корсаров изготовили за три недели полсотни неказистых, но прочных сёдел, благо шкур было — ну прямо завались.

Сухов припомнил свои навыки в кузнечном деле, да и Быков кое-что в этом соображал — сам себе мечи ковал в пору увлечения историческими реконструкциями.

Среди корсаров, вчерашних деревенских парней, умельцев тоже хватало, так что к середине июня все лошади были подкованы, и сбруи имелось в достатке, да и сами конники уже куда больше отвечали званию кавалериста — кто сперва сидел охлюпкой, сбивая себе задницу, приноровился к верховой езде.

В свой первый поход командор решил взять только самых умелых наездников — королевских мушкетёров, каковых под его началом было равным счётом двадцать человек.

К ним присоединился Нолан Чантри, гвардеец кардинала, и ещё десяток немолодых пиратов из бывших кирасир.

У Свинтуса нашлась старая карта Эспаньолы, начертанная на жёлтом пергаменте, объединенном с уголка мышью.

— Мы примерно вот здесь,— ткнул пальцем Олег на чернильный извив, реку изображающий.— Вот горы Сибео... Испанцы говорят — Кордильеры, то ли Северные, то ли Центральные. Хотя я могу и путаться. Ну неважно. Главное вот — за этими горами лежит плодородная равнина Магуана, и там хватает испанских поселений. Народу в той Магуане много, а вот военных маловато. Чего я хочу? Во-первых, затеять партизанскую войну — нападать на рудники и уходить в горы. В горах ещё доживают свой срок остатки индейцев таино, вряд ли их там больше тысячи наберётся, но для моих планов и этого количества хватит в избытке. Я хочу разбудить в этих краснокожих увядшее достоинство, возжечь в них воинский пыл, превратить излишне робких таино в союзников! У нас наверняка хватит трофейного оружия — передадим его

краснокожим. Спору нет, испанцы непременно истребят индейцев, сила за ними, но я и не собираюсь этого скрывать от таино. Пусть знают, что их ждёт, да они и сами догадываются. Злее будут. Есть большая разница в том, как покинуть сей мир: быть уничтоженным, как крыса, или погибнуть, сражаясь с врагом за свою свободу, за униженных и предков!

— Моя говорить: «Правильно!» — выразился Хиа-ли. Занеся руку над картой, он помедлил, соображая над затейливым рисунком бледнолицых, изображавшим огромную землю на крошечном листке. — Вот здесь быть золотые рудники. Там много краснокожий народ и мало испанский стража. Мы убивать испанцы и освобождать таино!

— Согласен, — кивнул Сухов. — Рудокопы злы на своих поработителей, хотя не стоит ждать, что все они пышут здоровьем и силой — руда высосет из человека и то и другое. Но хоть полсотни мстителей появится.

— Согласен, — повторил за Олегом барон де Сен-Клер. — А потом?

— А как ты думаешь? Что предпримут испанцы, когда мы развяжем войну в Магуане?

— Бросят против нас войска!

— Правильно! А откуда они их возьмут? Пока весть о войнушке достигнет ушей короля, и тот пошлёт против нас полк-другой, уже и осень наступит. То есть губернатор Эспаньолы будет вынужден снимать части с прибрежных фортов, в том числе из Санто-Доминго выводить, из своей сраной столицы. Понимаете?

— И мы сможем туда нагрянуть... — протянул Жак де Террид.

— Кстати, да! Пошалим изрядно, так, что испанцы забегают как ошпаренные. Добычи возьмём, и... Я надеюсь, что в порту найдётся для нас подходящий кораблик.

— Или два! — радостно крикнул Диего.

— Именно! Если нам повезёт, мы снова пересядем с коней на палубу и выйдем в море. Это самое... Кавалерию мы индейцам передадим, пусть дальше шалят.

— А если не повезёт? — спросил де Пюисегюр.

— Продолжим наши игры! И наведемся в Санто-Доминго позже.

— Всё ясно, господин командор! — бодро сказал Франсуа де Жюссак.

— Ну, раз ясно, тогда всем отдыхать. Завтра в поход!

Сборы вышли долгими, зато Сухов был доволен и спокоен — ничего не забыто, всё учтено.

В поход уходили тридцать с лишним человек, а лошадей взяли с собой втрое больше — у каждого был запасной конь и вьючный.

Все при мушкетах, с парой пистолетов и саблей.

Кирас на всех не хватило, но шлемами запаслись.

А уж продуктов с боеприпасами было вдоволь. Ешь — не хочу и стреляй от пуза.

Ранним утром кавалькада двинулась по набитой тропе.

Катакоа ехал вместе с корсарами — и как проводник, и как местный полукровка, который без труда найдёт общий язык с индейцами таино.

— Давненько я на коня не садился, — сказал Быков, покачиваясь в седле.

— Ну не так уж и давно,— тут же оспорил это утверждение Шурка.— Чуть больше года. Угу...

— Угу, угу! Филин ты наш!

— Цыц!

— Так точно! Слушай, Олег, а мы не слишком увлеклись?

— Чем именно?

— Альтернативкой. Ты уверен, что местные индейцы с нашей помощью не вырежут всех испанцев?

— Это вряд ли... Мало туземцев, нерешительны они. Ну будут они резать, будут бить, и что? Их всё равно истребят годом позже или годом раньше, а когда именно... Даты в нонешних документах так сильно «пляшут», что разница в пять—восемь лет считается нормой. Просматривает историк одну бумаженцию — там некое событие датировано тысяча шестьсот тридцатым годом. А его оппонент находит другой документ, где описывается то же самое деяние, только относится оно якобы к двадцать пятому году. И поди разбери, кто из них прав. Вполне возможно, что никто, и упомянутое действо вовсе в тыща шестьсот двадцатом имело место быть. Так что не волнуйся, реальность от наших потуг изменится не сильно.

— Фу-у... Сразу от сердца отлегло!

Горы Сибео покрывал густой лес, и надо было подняться повыше, к перевалу, где хвойники редели и начинались луга.

Не сказать что стало прохладно, но посвежело. И кони затопали бодрее.

Шли весь день, спускаясь в долину как по лестнице, только каждая из «ступенек» была обширным плато, скалистым и заросшим соснами.

Ночью прошёл обильный дождь, размывший тропу, зато стёрший все следы.

После ночёвки двинулись дальше и около полудня оказались рядом с маленьким, зачуханным городишкой, пыльным и сонным. Его кривые улочки были застроены далеко не богатыми домами, хотя и площадь тут имелась, и двуглавый беленый собор.

— Заглянем в это весёлое место с юга,— решил Олег.

— Правильно,— оценил барон,— не стоит облегчать испанцам жизнь. Пусть думают, что мы явились со стороны Санто-Доминго.

— О чём и речь...

В любое иное время многочисленные всадники произвели бы фурор на тихих улицах, да если бы ещё они принадлежали к армии короля Испании.

Однако разношёрстная команда никак не походила на кабальерос из далёкой Андалузии — скорее уж на бандитов-герильерос.

Сухов усмехнулся: он ощущал себя сейчас как батенька Лютый из давнишнего фильма про неуловимых — беззаботный и опасный, проезжает через посёлок, за ним его люди, и попробуй только скажи хоть слово поперёк...

Приближаясь к городишке, Олег заметил между домами неспешное движение — согбенный старик вёл на поводке ослика, а некая сеньорита лущила кукурузу.

Теперь же всё замерло, местечко казалось покинутым и забытым.

Спешившись на площади, Сухов подвёл своего гнедого к поилке и привязал к коновязи.

Гнедок тут же потянулся к воде, а его хозяин огляделся.

— Осмотритесь тут,— велел он,— только не безобразничайте. Ударить по испанцам надо на рудниках, а не в бедном селении. Ну, если полезут, вы знаете что делать.

— Осмотримся, командор! — осклабился Диего.

Невдалеке находилась кантина, о чём свидетельствовала вывеска, качавшаяся на ветру. К ней-то Олег и направился.

Двери, естественно, были заперты.

Постучав кулаком, Сухов прокричал:

— Эй, хозяин! Открывай, пока створки не вынес!

Немного погодя из дома донеслось шуршание, двери вздрогнули, освобождаясь от засова, и на пороге возникла чернявая женщина в простом длинном платье, довольно-таки симпатичная.

Во всяком случае, яркая — чёрные волосы, алые губы, большие тёмные глаза... Очи чёрные, очи жгучие... А лицо бледное.

Ещё бы, побледнеешь тут.

— Прошу прощения, сеньора,— Олег снял шляпу и слегка поклонился.

— Что вам здесь надо? — Голос женщины дрожал от страха — и от злости за свой страх.

— Станный вопрос, сеньора! Путник стучится в двери кантины, а вы спрашиваете, что ему нужно. Извольте... Мне нужно что-нибудь холодненькое, дабы промочить горло, и что-нибудь горяченькое — наполнить желудок.

— И вы заплатите? — криво усмехнулась хозяйка.

— А как же? — комически изумился Капитан Эш.— Я пока не объявлял войну Испании, и в мои планы не входит оккупация Эспаньолы.

Женщина фыркнула и удалилась.

Вскоре, однако, она вернулась и поставила перед Суховым запотевший кувшин, полный слабого, сладкого вина, навверняка смешанного с мёдом. Ну главное, что холодненького!

С удовольствием осушив чашу, Олег преисполнился добрых чувств.

Хозяйка кантины прошуршала совсем рядом, и он поймал её, обхватив за талию и усадив к себе на колени.

Узкая женская ладошка оказалась весьма тяжёленькой, а пощёчина — звонкой.

— Браво, сеньора! — восхитился Сухов. — Так ему и надо! Ишь, чего удумал — приставать к белой женщине!

Сеньора упёрлась руками ему в грудь, пытаясь высвободиться, но Олег удержал её.

— Как ваше имя, сеньора?

— Я сеньорита! — прошипела женщина с негодованием и вырвалась-таки.

Будучи хорошенькой от природы, теперь, когда ярость клокотала в ней, она и вовсе расцвела.

Отступив на шаг, на другой, женщина поправила причёску и гневно посмотрела на Сухова.

— Меня зовут Мария дель Консуэло, — с чисто девичьей надменностью сказала она. — А вот кто вы, что столь дерзко нарушаете и покой, и приличия?

— Позвольте представиться, — сказал Олег не без задней мысли (пускай молва о нём разойдётся), — Олгар де Монтиньи, корсар его величества и командор. Если желаете, называйте меня Капитаном Эшем — прозвище сие я заработал своими трудами, пусть и не совсем праведными.

— Капитан Эш?!

— Да, Кончита¹, — безмятежно улыбнулся Сухов. Женщина фыркнула, исчезая в соседней комнате. Олег медленно поднялся, улыбка его приобрела кривоватость.

Выйдя следом за Кончитой, он обнаружил её, неподвижно стоявшую за порогом.

Олеговы руки сами будто обняли женщину за талию, привлекли к себе...

Консуэло порывисто и гибко обернулась к нему, подставляя сухие губы.

Зубки цокнули о зубы, языки нашли друг друга, а рука Сухова легла на крепкую, упругую грудь.

Женщина не сопротивлялась, позволяя себя раздевать, и, только лишившись последней защиты, нижней рубашки, она словно очнулась.

Будто одежда сковывала её до этого, не позволяя жить так, как хочется, и вот она освободилась от заклятия.

Кончита буквально набросилась на Олега, она изнемогала от страсти, хотела и требовала любви, извивалась в объятиях мужчины, приникая всем телом и трепеща, охватывая нежданного любовника ногами и руками, вся раскрываясь навстречу, отдаваясь с упоением, крича, издавая протяжные стоны, задыхаясь, шепча невнятные, но нежные слова благодарности...

¹ У испанских имён существуют некоторые особенности. Девочек не называют «просто Мариями», обязательно Марией де лос Милагрос (Марией Чудодейницей) или Марией дель Консуэло (Марией Утешительницей). И обращаться будут именно как к Консуэло. Уменьшительное от Консуэло — Кончита или ещё более интимно — Чело.

Олег и сам не ожидал от себя подобного порыва, вернее, позыва, и был рад тому, что случилось.

...Консуэло сидела у него на коленях, удовлетворенная, тихая и ласковая, обнимала его за шею и горячо дышала в ухо.

— Ты прелесть,— шепнул Сухов, проводя ладонью по гибкой спине и вминая пальцы в тугую ягодицу.

Женщина чмокнула его в ухо и томно встала.

— Уходи,— сказала она, повернувшись спиной,— я не хочу, чтобы ты смотрел, как я одеваюсь.

— Ладно,— сказал Олег, улыбаясь,— не буду.

Быстренько приведя себя в порядок, он вернулся в зал и выхлебал ещё чашку вина. Хорошо...

На улице его поджидал Диего.

— Командор,— доложил он,— это Сан-Фернандо дель Сибео. Тут всей власти — два альгвасила¹, старый и малый. Малому дали по морде за избыточную прыткость, и он успокоился, а старый оказался умнее...

Глазки у Мулата неожиданно замаслились. Сухов не понял, отчего это вдруг, но тут послышался приятный голос Кончиты:

— Прошу вас, сеньоры, отведать нашего скромного угощения.

Олег обернулся и не узнал нечаянную возлюбленную.

Консуэло кокетливо улыбалась, была радостно оживлена, а в глазах её прыгали бесенята.

— Премного благодарны, сеньора...— еле выговорил Диего.

— С удовольствием, Чело,— мягко сказал Сухов.

¹ *Альгвасил* — жандарм.

Мулат глянул на Олега, и его удивление мало-помалу сменилось сначала уважением, а потом и восхищением.

Кончита же улыбнулась только, опуская ресницы.

Её кантина вместила всех корсаров — выходит, что добрый бочонок вина они осушили-таки.

И копчёное мясо почтили вниманием, и бобы с телятиной, и маисовые лепёшки.

Подумав, что он может обидеть Консуэло, если заплатит сам, Олег шепнул Быкову:

— Отдашь хозяйшке пару золотых.

Яр со значением посмотрел на Кончиту, ухмыльнулся, но, переведя взгляд на Сухова, мигом согнал ухмылку с лица.

— Всё было очень вкусно! — громко сказал он и положил на стол два дублона.

— Вы чересчур щедры, — ответила женщина не без жеманства, накрывая монеты ладонью. — Теперь я и сама убедилась, что Капитан Эш — благородный кабальеро, а не разбойник.

Говорила она об одном, но взгляд, адресованный Олегу, имел в виду совсем-совсем другое, о чём ведали лишь они двое.

Час спустя корсары покинули Сан-Фернандо дель Сибео.

— Рудники совсем близко отсюда, — сообщил Жак де Террид, — всего в паре лиг. Правда, дорога к ним пролегает в другой стороне, по ней золото доставляют к морю, но можно выйти, следуя берегом реки.

— Жители умоляли оставить им жизнь, — криво усмехаясь, сказал де Пюисегюр, — а когда поняли, что

Глава 9

мы не настроены пускать кровь, стали очень разговорчивы.

— Всё обсказали! — встрял барон де Сен-Клер. — Вплоть до того, сколько на тех рудниках стражи, и где она обычно находится.

— Самое интересное, — сказал де Террид, — что с самой зимы с рудников не вывозили золото!

— Вот и ладно, — заключил Сухов. — Возьмём перевозку на себя!

— И доставим куда надо, — значительно сказал Пончик. — Угу...

Глава 10,
*в которой король Франции гневаться изволит,
а император Альберт I
снисходит до сирых и убогих*

1

Так уж получилось, что и для французов, и для англичан остров Сент-Кристофер стал первой колонией в вожденной Вест-Индии. Вопрос: могли ли ужиться на одном клочке суши исконные противники? Ответ отрицательный...

Пока британцами правил капитан Томас Уорнер, мир кое-как держался, но стоило ему покинуть остров, и всё пошло наперекосяк.

Тем более что сэр Томас додумался оставить за себя сына своего, Эдварда, человека малодушного и подловатого, склонного творить заугольные пакости.

Англичане при новом правителе здорово потеснили соседей из Франции, и в Париже остались очень недовольны этим — Пьер Белен д'Эснамбюк, основатель колонии Сен-Кристоф, прибыл в Лувр лично, чтобы пожаловаться на беспредел британцев.

Король Людовик был в гневе и поручил кардиналу Ришелье разобраться с наглыми происками туманного Альбиона.

Увы, королевского флота Франция почти не имела, а посему его высокопреосвященство вызвал к себе Жана де Баррада, сьера де Каюзака, и велел ему собрать флотилию из десяти судов.

Кардинал тоже гневаться изволил, а посему приказал сьеру де Каюзаку поспешать к Сент-Кристоферу и разобраться на месте — либо заключить с англичанами договор, либо изгнать их с острова, после чего отправиться в Виргинию и разорить все тамошние поселения.

Получив подобные полномочия, де Баррада развёл бурную деятельность, призвав поучаствовать в экспедиции знакомых корсаров и капитанов.

К началу июня флотилия была готова покинуть Гавр.

Сам сьер де Каюзак отправлялся на флиботе¹ «Труа Руа», его друг и собутыльник Николя Леруа, по прозвищу Дюмэ, назначенный вице-адмиралом, занял мостик «Интенданта», корсар из Дюнкерка сьер де Сен-Жорж, известный как Куарлэ, шёл на галиоте² «Серф-Волан», ещё один корсар — Огюст Лериси де ла Мориньер-Понпьер — на флейте³ «Дофин», месье де ла Птитьер — на двухсотпятидесятитонном паташе⁴ «Нотр-Дам», капитан Ришар Беррио Ломбардец — на «Эгле», капитан Лассиз — на «Кардинале», капитан Жан Эрве — на паташе «Сент-Анн».

¹ *Флибот* — малый флейт с круглой кормой водоизмещением до 100 тонн.

² *Галиот* — парусно-гребное судно, полугалера.

³ *Флейт* — основной корабль того времени, трёхмачтовый прототип фрегата.

⁴ *Паташ* — одномачтовый шлюп.

Ещё пара судов — галиот Куарлэ и барка Мориньера-Понпьера шли как транспорты.

Пользуясь случаем, д'Эснамбюк сманил на острова три сотни переселенцев — это должно было прибавить весу французской колонии, хотя пушки флотилии сами по себе были весомым аргументом.

Уже после отплытия выяснилось, что флотоводец из сьера де Каюзака никудышный.

Например, переходя Атлантику, он зачем-то напал на корабль, следовавший из Англии, а после и вовсе на купеческий флейт, приписанный к Гамбургу.

Была ли причиной агрессии обычная жадность или непомерное самомнение, сказать трудно.

Добыча де Барраде досталась не столь уж богатая, а вот три корабля его «потерялись», то ли отстав, то ли обогнав флагмана.

Но это не вразумило драчливого галльского петушка — флотилия следовала к Наветренным островам...

2

Жирон Моллар испытывал то самое «глубокое удовлетворение», над которым посмеивался Капитан Эш.

Что смешного было в этом выражении, Моллар не понимал.

Канонир с «Феникса» и по совместительству лекарь с именем Понч тоже, бывало, подхихикивал.

Они были друзья с капитаном, и, наверное, в их общем прошлом имелось некое событие или сказанные кем-то слова, у обоих нынче вызывавшие улыбку.

Хм. Ну а что ж ему делать прикажете, ежели он действительно удовлетворён? И достаточно глубоко?

Они снова в тёплом Карибском море, где полно испанских галеонов и навио, которые сам Бог велел потрошить. Красота!

Моллар, попиравший шканцы, фыркнул насмешливо и снова оглядел горизонты. Горизонты были чисты.

«Симург» шёл на зюйд-ост, давно оставив по левому борту берега Эспаньолы.

Где-то в этих местах проходит незримая морская «тропа», связывающая Санто-Доминго и Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико с Картахеной, Маракайбо и прочими местами на Испанском Мейне.

У капитана Моллара просто руки чесались — хотелось ухватиться за снасти, да и приспустить паруса, чтобы не гнать особо, а покрутиться на месте, выждать.

Вдруг да объявится какой «торгаш»? И вот с самого утра галеон не шёл, а брёл, влекомый одним гротом.

— Корабль по левому борту-у! — разнёсся крик марсового, и Жирон торжественно осенил себя крестным знамением.

— Благодарю тебя, Господи! — прошептал он. — Ты внял моим молитвам!

Подбоченившись, Моллар осведомился зычным голосом:

— Что за корабль, Джонни, и чей?

— Флаги вроде испанские... Да, точно испанские! А по виду с навио схож! Идёт вроде как с Пуэрто-Рико!

— Ага... Испанский флаг поднять! К повороту! Поворот!

Красный галеон плавно повернулся, теперь его корма указывала на далёкий Сан-Хуан или пролив Мона, что отделял Пуэрто-Рико от Эспаньолы.

Короче говоря, «Симург» двинулся тем же курсом, что и навио, — на юг.

— Парус долой! Макклеин и ты, Флеган Шэд! Бегом ставить старый фок! Тот, что горел и ядрами продырявлен. Живо! Уиззли Косой! Рон Грейнджер! Жанен и Квадро! Волоките сюда жаровни и разжигайте...

— А чего жечь-то?

— Да мне по хрену, что вы там будет разжигать! Лишь бы дыму побольше! Изобразим пострадавших от проклятого Капитана Эша! Ха-ха-ха!

Лишившись грота, галеон и вовсе сбавил ход, а рванный, в дырах и подпалинах фок скорости добавил не шибко.

— Сеть натянуть! Пару обломков закинуть наверх! Пушки к бою! Мушкетёры — под парус! Доску с названием на место!

Корсары забежали.

Натянуть надо всей палубой сеть из толстых верёвок, чтобы «ловить» ею обломки реев, буде орудия противника наделают бед, было для них делом привычным.

Более того, крепить сеть, раздувать фитили, заряжать мушкеты — вся эта подготовка к бою возбуждала поневоле, будя в душе пускай и низменные, но полезные воинские добродетели — предвкушение ха-арошей драки, азарт битвы и тягу к опасности.

Когда навио приблизился, то взору его шкипера¹, низенького и толстенького господинчика, предстало

¹ *Шкипер* — капитан торгового корабля.

жалкое, душераздирающее зрелище — потрёпанный в бою галеон, влекомый единственным парусом. Сеть, предохранявшая от обломков, пара из которых до сих пор не была убрана, всё ещё оставалась натянута.

Видимо, команду корабля выбили изрядно — вон бродят по палубе уныло, таскают с места на место обрывки канатов.

И пожары ещё не потушены, дым так и стелется...

Толстый шкипер, сам будучи из португальцев, испанцев терпеть не мог, а посему побитый вид галеона доставил ему немало удовольствия.

Приказав убавить паруса, он добился того, что навио медленно сблизился с побитым «Сан-Матео» — именно это название значилось на хлябавшей доске, висевшей на корме галеона.

Видать, пираты пару ядер вклепили-таки «в зад».

А уж в том, что именно пираты довели «Сан-Матео» до столь жалкого положения, шкипер не сомневался.

Кто ж ещё мог бросить вызов наглым испанцам? Только наглые пираты...

Поравнявшись в галеоном, навио сбавил скорость ещё больше.

Набрав воздуху в грудь, шкипер прокричал:

— Кто шкипер?

— Я! — откликнулся молодчик в растерзанном камзоле, выпачканный в сажу. — На нас напал Капитан Эш! И вот... — Он обвёл рукою произведённые разрушения.

Члены команды галеона усиленно закивали головами, придав лицам столь скорбное выражение, что, чудилось, вот-вот заплачут.

— Меня зовут Родригу Гомеш да Коста! — отрекомендовался шкипер. — Буквально на днях мой «Коро-

надо» покинул порт Санто-Доминго, и спешу вас обрадовать! Галеон Капитана Эша захвачен, а его команда скрылась в горах Эспаньолы, где пиратов наверняка переловят и повесят!

Матросы на палубе галеона переглянулись, а капитан злобно выкрикнул:

— Хрен его словят! На abordаж!

Откуда ни возьмись, появились молодчики с abordажными крючьями.

Извиваясь по-змеиному цепями, «кошки» полетели на борт «Коронадо», вгрызаясь в дерево.

Дюжие молодцы живо притянули навио к галеону, и человек двадцать с саблями и пистолетами в руках, издавая дикий свист и выкрикивая непристойности, перескочили на палубу «Коронадо».

Матросы, служившие на «купце», были, однако, не робкого десятка и тут же воспротивились пиратам.

Вооружаясь ружьями, огромными ножами и короткими пиками, они бросились на морских разбойников.

— Мушкетёры! — вскричал капитан пиратского галеона.

Тут же парус, грудю сложенный на баке галеона, был раздёрнут, и стрелки вскинули свои мушкеты.

Грянул залп, сменившийся криками ужаса и боли.

Корсары, что уже бесчинствовали на палубе навио, живо оттеснили матросов от бронзовых пушек, число которых по левому борту равнялось десятку, и продолжили резню.

Молодой штурман Жуан Паулу Алмейда был горяч и полон благородных помыслов, поэтому он резко воспротивился пиратам и сплотил вокруг себя самых отчаянных.

Они удерживали носовую палубу, отбивая наскоки пиратов.

Да Косте с надстройки была хорошо видна вся батальная сцена.

Вот четверо канониров, вдохновляемые Алмейдой, развернули носовое орудие, зарядили его, забили ядро... Безумцы!

Прогредел выстрел. Ядро проломило фальшборт галеона, чиркнуло по доскам палубы и улетело в море.

Понятное дело — пираты разозлились ещё пуще и дружно навалились на горстку оборонявшихся.

— Остановитесь! — возопил шкипер, потрясая кулаками.— Остановитесь! — Он обернулся к капитану галеона, с интересом следившему за битвой, и прокричал: — Капитан! Остановите своих молодцев! Мы сдаёмся!

Пират поморщился от неудовольствия — не даёт порезвиться этот штатский...

С другой стороны, стоит ли рисковать жизнями его парней?

За потерянную в бою руку или иное увечье полагается большая премия, но кому нужны деньги посмертно?

Капитан галеона не спеша спустился на палубу и отдал гортанные команды.

Шкипер в это время коlobком метался по навио, уговаривая и стращая.

Алмейда, как и следовало ожидать, оказался самым непримиримым.

— Никогда! — вскричал он гневно.— Никогда — слышите? — нога пирата не будет топтать палубу моего корабля!

— Вообще-то говоря, сеньор,— окрысился Родригу Гомеш,— это не ваш корабль! И я не совсем понимаю, за что именно вы собираетесь отдать жизнь! За солони-ну и вино в бочках? Умирать, сеньор, стоит за родину, и то будет славная смерть! Однако Испания — мачеха и вам, и мне.

Сабельный звон и топот, шарканье ног и прерыви-стое пыхтенье, редкие выстрелы и крики — всё посте-пенно стихало.

Матросы навио сбились у правого борта корабля, корсары заняли левый, имея за спиною галеон.

Посередине, у мачты, топтался шкипер.

К нему вразвалочку приблизился Жирон Моллар.

— Так в ваших трюмах солонина? — осведомился он.

— Свежайшая! — заверил его да Коста.— А также канарское вино, мочёные яблоки, сухари и... и порох. Денег мало, сразу говорю. Три тысячи песо хранятся в моей каюте.

— Оставьте их себе! — отмахнулся Моллар.— Что вы там про Капитана Эша говорили? Поподробнее да-вайте!

Шкипер смешался.

— Ну я не знаю всех подробностей...— промямлил он.— Говорят, что «Феникс» выходил из бухты на Тор-туге. Тут-то на него и напали пять галеонов генерала дона Хуана... Не помню точно, как его зовут... А! Де То-ledo. Ну вот... Напали они впятером, а Капитан Эш про-рывать не стал — он здорово повредил галеон «Сан-тана...». Или «Санта-Анна»? Не помню. И высадил своих на берег под защитой «Феникса». Так все и ушли. Вот. А «Феникс» этот де Толедо подарил своему другу дону Альберто де Корону. Ну его тут все знают...

— Даже мы! — хохотнул Жирон. — Эта старая крыса немало нам кровушки попила!

Оглядев своих и чужих, Моллар ухмыльнулся.

— Капитан Эш жив, — сказал он, — стало быть, скоро мы его увидим. А ещё скорее услышим! Надо только вовремя отловить какую-нибудь посудину, идущую с Эспаньолы, да поспрашивать, что на острове деется! Ха-ха-ха!

— А что будет с нами? — спросил Родригу Гомеш. Матросы с «Коронадо» зашевелились.

— С вами? — задумался Жирон. — Хм... Можно, конечно, всех вас утопить... Да корабль жалко! Хорошее у вас судёнышко, сразу видно — хозяйский пригляд имелся. Перестрелять вас? А смысл? Капитан Эш бывает беспощаден и безжалостен, но лишь к своим врагам. Не дай вам Бог записаться в его неприятели! Всё тогда, молитесь! Вот дон Альберто — человек конченный, потому как вызов Капитану Эшу бросил, гадостей ему всяких наделал, да так и не допёр своим скудным умишком, что старой глупой крысе бросаться на матёрого кота вредно для здоровья. Конец ему придёт, и скоро. Значит, так. Мы следуем к Наветренным островам, и этот навио следует туда же. Захотите верой и правдой служить Капитану Эшу, останетесь с нами. Нет — сойдёте на берег, неволить не стану. Как вам такой расклад?

Пока матросы переглядывались, Родригу Гомеш сказал:

— Лично я королю Испании не приносил присяги, а на старости лет я неплохо и в Голландии устроиться смогу. Главное, чтобы было на что эту старость коротать! Я согласен, капитан.

— Предатель! — крикнул Алмейда, выхватывая пистолет.

Грохнул выстрел.

Шкипер, оцепенев, ждал, когда же ему станет больно и хлынет кровь, да так и не дождался.

Зато молодой штурман покачнулся и рухнул, роняя оружие, выстрелить из которого так и не успел.

Моллар опустил дымящийся пuffer и спокойно сказал:

— Мы своих не бросаем.

Матросы «Коронадо» до глубокой ночи судили да рядили, как же им быть. Многие из них были португальцами, то бишь людьми, которым не пристало испытывать особой любви к испанцам.

Хватало среди них и французов, и даже немцев, а один и вовсе был русский «casaque».

Сойти на острове Сент-Кристофер было проще всего.

Натуры боязливые и рассудительные именно так и поступят, вот только где среди моряков сыщутся такие?

Труссы не покидают сушу, не ищут сомнительного счастья за океаном.

А Капитан Эш прослыл не только отчаянным храбрецом, но и весьма умным да изворотливым вожаком. Потому и удачлив был.

А это что значит? А это значит, что даже одна-единственная доля добычи, что полагается простому матросу на пиратском корабле, способна будет обеспечить его до конца жизни.

И на домик хватит, и чтоб лавочку завести, и жену с ребятишками содержать.

Куда как прав их шкипер, а они что, хуже? Или дурнее?

Конечно, пока что на «Коронадо» отряд корсаров обретается, ибо доверия к бывшей команде навио нет.

Но вот доберутся они до Наветренных островов и сделают свой выбор — сойдут или клятву принесут пиратскую.

Опасное у корсара ремесло, кто спорит, да только золото лодырю или трусу не достаётся. Вот и думай...

Родригу Гомеш да Коста стоял на своём привычном месте и обозревал пустынное море. И думал.

О чём думают мужчины среднего возраста?

О женщинах, о детях, о доме.

Эти мысли окрашены умилением, если мужчина женат, у него есть наследники и к тому же имеется что наследовать.

У да Косты был иной случай.

Жениться он так и не поспел, оттого и ребятню не завёл. Да и дома у него не было.

Денег, чтобы купить небольшой особнячок, хватало, однако Родригу Гомеш не спешил с покупкой. Зачем?

Чтобы возвращаться через полгода из плавания и заходить в пустое, нетопленое жилище, пыльное, неудобное, нежилое?

Дом становится родным тогда лишь, когда тебя ждут.

В его стенах не должна стыть тишина, он должен быть полон весёлых визгов и даже плача — дитяте поплакать, что пописать.

Тебя с порога должно окатывать облако сдобных запахов, приятное тепло и чтобы тебе навстречу бежали двое, а ещё лучше трое сорванцов с криками: «Папа! Папа плехал!»

И вот ты заходишь и заносишь гостинцы да подарки, а из кухни выглядывает твоя суженая и улыбается — так, что тебя сразу тянет схватить её в охапку и тащить наверх, в спальню...

А жена угадывает твои мысли и грозит тебе пальчиком с нарочитой строгостью: дети же, нельзя... Потерпи до ночи.

И вот ты, преувеличенно бодрясь, хватаешь тюки с подарками и несёшь их в большую комнату, а дети прыгают вокруг и орут: «А чё ты нам привёз?!»

И вот ты достаёшь гостинцы и одариваешь ими своих родных, испытывая бурю чувств и море восторга...
— Кора-абль!

Шкипер очнулся от сладких мечтаний, трезвея и вытягиваясь на носочки. Да, с юга приближался двухмачтовик.

Родригу Гомеш облизал внезапно пересохшие губы.

Матросы второй день толковали о том, идти ли им в пираты. Большинство стояло за то, чтобы остаться на знакомой палубе, только получив волю казнить и миловать.

Нелегка пиратская доля, а чем моряцкая-то слаще? И таяло меньшинство, как льдинки на солнце.

Вот сейчас и проверим, кто из вас обдумал свой шаг и не дрогнет в бою, а кто просто пошёл на поводу у товарищей!

Хотя трусов на «Коронадо» не держали...

По боковой лестнице на квартердек взлетел Флеган Шэд, лихой ирландец, поставленный Молларом верховодить командой навио.

С ним на «Коронадо» высадились ещё человек двадцать корсаров.

К этому шкипер отнёсся спокойно — какие у капитана «Симурга» были основания доверять тем, кто в них стрелял давеча?

— Будем брать этот приз, капитан! — прокричал Шэд возбуждённо.

Да Коста польщенно подтянулся. Капитан! Приятно, чёрт...

— Брать так брать, — сказал Родригу Гомеш. — Что хоть за посудина?

— Малый галеон! Испанцы такую галисабарой зовут. Вряд ли в трюмах её золото, но сидит низко!

— Как будем действовать?

— Моллар выстрелит из носовой. Если на галисабаре всё поймут правильно и лягут в дрейф, подходим и высаживаемся. И корабль наш. Вместе с грузом! Ха-ха-ха!

— А если это будет ловушка?

— Ловушка? — нахмурился ирландец. — Какая ещё ловушка?

— А если галисабара специально подпустит нас поближе, а потом ударит с обоих бортов? Мне ещё плоховато видно, но у испанцев пушек не меньше, чем на «Коронадо».

Можно, конечно, надеяться, что на галисабаре собрались одни трусы, но ведь так и просчитаться недолго.

— Ага... — озадаченно протянул Шэд. — И что ты предлагаешь?

— На вашем «Симурге» стоит два носовых погонных орудия и на «Коронадо» тоже, хоть и поменьше калибром. Вот и стрельнем из четырёх стволов! Да не в воду — чего зря порох переводить? — а по галисабаре! Ежели там отчаянные собрались, они ответят. И тогда уж... Чья возьмёт!

— Разумно,— согласился Флеган.

Оборотившись в сторону красного галеона, поспешавшего параллельным курсом, он запрыгал и замахал руками.

Было видно, как на «Симурге» переложили руль.

Когда два корабля сблизились настолько, что человеческий голос стал различим, Шэд проорал план, предложенный Родригу Гомешем.

Что ответил Моллар, шкипер не разобрал, но раскрасневшийся от крика Флеган, оживлённо сказал:

— Капитан даёт «добро»! Действуй!

И вот навио будто наперегонки помчался к галисабаре, на полкорпуса опережая галеон.

Родригу Гомешу была хорошо видна суeta на палубе противника (противника?! Уже противника...).

Испанские канониры метались возле орудий, оправдывая его опасения — эти могут попереть напролом, невзирая на превосходство нападающего в артиллерии.

Испанцы могут быть коварны, и тогда это истинные змии.

Они способны трусить, превращаясь в дрожащее желе.

Но уж если испанцы решили ввязаться в драку, это настоящие дьяволы.

Правда, стойкости этим дьяволам никогда не хватало...

— Пушки к бою! — резким голосом скомандовал шкипер-капитан. — Сеть натянуть!

Сеть на «Коронадо» была небольшой, её едва хватило, чтобы завесить шкафут — палубу между фок-мачтой и грот-мачтой.

Ну хоть так...

Испанская галисабара, судя по всему, имела намерение проскочить между пиратскими кораблями и уйти, полагаясь на свою относительную быстроходность, — выигрыш в скорости был бы невелик, от силы полузла, узел, быть может.

Расчёт испанского шкипера был и на то, что галисабара уже идёт выбранным курсом, а встречным навио и галеону потребуется совершить поворот.

А пока они будут разворачиваться, «испанец» ещё больше увеличит отрыв.

Но пока всё колебалось в неустойчивости.

Это корсары знали, что навстречу им идёт добыча, но на борту галисабары всё ещё сомневались, грядёт ли морской разбой или три корабля просто разминутся.

Родригу Гомеш прикинул, что, если подозрения испанцев оправдаются слишком поздно, когда их малый галеон окажется между «Симургом» и «Коронадо», то корсарам придётся несладко — бортовые залпы могут наделать бед.

Конечно, ответным огнём галисабару «причешут» так, что та растеряет всякую способность сопротивляться, но лучше до этого не доводить.

Да и опасно это — стрелять с двух кораблей по третьему между ними. Так можно и своих задеть, тем более что галеон повыше навио.

И шкипер решил перевести подозрения испанцев в уверенность.

— Носовые орудия — огонь!

Глухо бабахнули пушки на баке «Коронадо».

Тут же прогрохала парочка носовых «Симурга».

Четыре увесистых ядра изувечили нос галисабары, а изломленный бушприт задрался кверху, удерживаемый канатами.

Галисабара моментально ответила — одной погонной пушкой. Вероятно, вторая пострадала при обстреле.

Выстрел никому не причинил вреда, и вот тогда-то испанский капитан решился на рискованный манёвр — стал разворачиваться левым бортом.

Да, горячность в бою — плохой советчик!

Безусловно, десяток орудий могли нанести немалый ущерб пиратам, вот только корабли «джентльменов удачи» представляли собой малые мишени — оба были повёрнуты к галисабаре носами. Попробуй попади!

И грянул залп — испанский галионишко окутался плотными клубами дыма.

Пара ядер досталась-таки «Коронадо», проломив скулу у самого форштевня и расколов носовую фигуру.

Одно ядро скользом прошло по борту «Симурга», разбросав щепки, а остальные поплюхались в воду.

— Право руля! Орудия левого борта — товсь! Огонь!

Галисабара стояла, как осуществлённая мечта канонира, — вот он, борт, дула пушек ещё дымятся лениво.

В него-то и втесались все десять ядер, выпущенных с «Коронадо».

Тяжёлые чугунные кругляши проламывали крепкие доски, сминали доски палубы в гармошку, рвали на части человеческие тела.

Да Коста оглянулся на «Симурга» — галеон, обросив паруса, огибал галисабару по дуге, заходя той с правого борта. Немного времени ещё есть...

— К повороту! Поворот! Лево руля! Ещё! Ещё! Орудия правого борта — товсь!

Галисабара была уже так близко, что ясно читалось её название — «Санта-Крус».

Развернуться к неприятелю другим бортом малый галеон уже не мог — много убитых.. И «Санта-Крус» медленно дрейфовал, едва заметно склоняясь вправо.

— Огонь!

Грохнули пушки с правой стороны палубы «Коронадо».

Канониры всадили ядра в уже изувеченный борт «Санта-Круса» — доски так и полетели во все стороны, вскрывая нутро корабля.

Сильно вздрогнув, стала клониться грот-мачта галисабары.

— Да пусть бы с левого борта и подходил! — не выдержав, закричал шкипер, наблюдая за эволюциями «Симурга».

Моллар будто услышал его — замедлив обход «Санта-Круса», галеон плавно развернулся и двинулся навстречу галисабаре, продолжавшей неспешное вращение.

С грохотом и треском борт «Симурга» столкнулся с испанским кораблём.

Взлетели, раскручиваясь, abordажные «кошки», цепляясь за борта галисабары, и пираты с рёвом устремились на её палубу, усеянную трупами и обломками.

Меньше десятка защитников, остававшихся верными испанскому флагу, Моллар в расчёт не брал — жи-

во оттеснив к шканцам, заколов и расстреляв, их сбросили в море.

Корсары тут же разбежались по кораблю, исследуя груз и выискивая недобитков.

Раненых и оставшихся в живых насчитали больше дюжины, а трюмы были полностью завалены тяжёлыми кипами крокодиловых кож, большими мешками с какао и малыми — с ванилью, с серой амброй, с индиго и кошенилью.

Неплохой товарец! Сбыть такой можно мигом и за хорошую цену.

И корсары, похохатывая, взялись перетаскивать груз на «Симург».

Когда «Коронадо» приблизился с правого борта галисабары, на его палубу ухарски перескочил Моллар.

— Молодец, капитан! — взревел он. — Уделал испанцев знатно! Ты не волнуйся, что груз на галеон таскаем, у тебя и так трюм полон. А поделим всё по справедливости!

Родригу Гомеш хмыкнул смущённо.

— А ноги-то... Подрагивают!

— Пустяки! — пророкотал Жирон. — Страху только у дураков нет. Так что, Родригу, поздравляю тебя с первым призом!

В шкипере тут же заговорил хозяйственник.

— Я смотрю, у испанцев пушки железные стоят, — сказал он озабоченно. — Жаль будет потерять.

— Капитан! — проговорил Моллар с прочувствованностью. — Это твои пушки. Забирай хоть все!

Ближе к вечеру корсары перенесли с галисабары весь ценный груз, а Родригу Гомеш ещё и пять орудий позаимствовал, не забыв про порох и ядра.

Выживших испанцев оставили на «Санта-Крусе», туда же перешли трое матросов с «Коронадо», пришедших к выводу, что чересчур беспокойная жизнь корсара не по ним.

Зато все прочие остались, и Жирон был ими, повязанными кровью, доволен.

Отяжелев, словно хищники после славной охоты, «Симург» и «Коронадо» легли на курс и двинулись на Сент-Кристофер.

3

Альберт фон Горн искренне наслаждался плодами своей блестящей победы — не потеряв ни единого человека, не истратив ни единого песо, он рассеял людей своего врага и овладел его кораблём.

Ну не совсем так чтобы овладел... Скорее уж, получил в дар от генерал-капитана, но легко ли это — подвести человека к желанию тебя облагодетельствовать да исполнить его? Искренне полагая при этом, что мысль о том сама зародилась в голове, а не была туда вложена...

Название «Феникс», данное чёрному галеону, Бледного Вендиго не устраивало.

Поразмыслив, он решил назвать свой корабль «Чёрным грандом». Изысканно и загадочно. И звучит внушительно.

Разумеется, чтобы управляться с галеоном, его «чернецов» было явно недостаточно.

Матросы с «Сантана Майор» помогли дойти до Кубы. Там, в гаванях Вилья-де-лос-Кайос, Мате-Рикос и Баракоа фон Горн набрал команду.

Про дона Альберто де Корона наслышаны были все, так что желающих хватало.

Однако Бледный Вендиго был весьма разборчив и придирчив — попасть на палубу «Чёрного гранда» было суждено далеко не многим.

Зато уж в тех, что прошли строгий экзамен, Альберт фон Горн не сомневался нисколько — это были его люди.

Распроставшись с доном Хуаном, Бледный Вендиго отправился на север.

Ему не терпелось войти в гавани Джеймстауна и Нового Амстердама, войти триумфатором.

Пусть все знают, кто оказался сильнее — он или этот жалкий выскочка де Монтиньи!

Скоро всю его шайку, прячущуюся в дебрях Эспаньолы, выловят brave альгвасилы и повесят, а он, хитроумный фон Горн, продолжит своё возвышение.

Ещё немного, ещё чуть-чуть — и слава о великом Альберте I прогремит на весь Свет, Новый и Старый.

Спору нет, замшелые европейские монархи будут недовольны его воцарением и двинут свои армады, дабы привести колонии к покорности.

Однако участь их наймитов будет печальна — их ждёт разгром и поругание.

И ничего, что во флоте «короля Альберта» всего один корабль, зато это — «Чёрный гранд»!

Хотя почему — короля Альберта? Земли, которые он прибирает к рукам, куда обширнее жалких королевств Старого Света!

Император Альберт — это куда величественней и ближе к истине.

Пора, пора ему братья за дело!

Индейцы составят его лёгкую кавалерию, нанять испанцев-кирасиров не сложнее, чем кухарку в приличный дом.

Были бы деньги!

— Будут! — прошептал фон Горн, кривя губы и провожая глазами кубинские берега. — Обязательно будут!

Он ещё вернётся сюда.

Вместе с Армадой Эспанья, подвластной руке де Толедо-и-Оссорио, «Чёрный гранд» наведается к Наветренным островам, где корольки Англии и Франции тщатся основать свои жалкие колонии.

Испанские пушки скажут своё веское слово.

Трюмы галеонов наполнятся добычей, свою долю получит и «Чёрный гранд».

А потом будет рейс к берегам Бразилии, карательная экспедиция против наглых голландцев, поселившихся на землях короля Филиппа IV¹.

Какова будет добыча, фон Горн представлял себе смутно.

Его больше интересовало, сколько кораблей для своего императорского флота он сможет привести из этого похода.

Два? Или три?

Нужно будет набрать людей, матросов и солдат в Новой Англии, чтобы осенью, когда его флот возрастёт до трёх-четырёх единиц, было кому увести их.

Фон Горн снисходительно рассмеялся, представляя корсаров Длинного Ножа, жмущихся сейчас к костру где-нибудь в дебрях Эспаньолы, вздрагивающих от

¹ Короля Испании.

любого шороха, голодных, проклинающих Капитана Эша.

Ещё недавно он ненавидел Длинного Ножа, считая того своим врагом, а стоило ли так возвеличивать этого жалкого пирата?

Личный враг его величества императора Альберта I — это уже возвышение, признание той степени опасности, которую может представлять для фон Горна некий Олегар де Монтины.

— Нет, Длинный Нож,— негромко проговорил Альберт,— ты не ровня мне. Я прощаю твои мелкие преступления и не буду преследовать тебя — орлы мух не ловят!

Зелёные холмы Кубы, чёрные в закатном сиянии, слились с кромкой вод, утонули за горизонтом.

«Чёрный гранд» следовал на север, к будущей столице империи...

Глава 11, *в которой Олега вычисляют*

Рудник в горах Сибao скорее можно было назвать карьером, золото здесь добывали в открытую, не пробивая штолен и прочих штреков.

А походил карьер больше всего на огромную яму, в которой копошились десятки фигурок.

В принципе, это была неширокая долина, по которой протекала речка.

Глядя на неё сверху, Сухов никак не мог отделаться от аналогии с Конской долиной, куда они загоняли мустангов.

Только там были изгороди, а здесь поднимались валы из пустой породы, укреплённые частоколом.

Валы перекрывали оба берега, почти сходясь, оставляя проход реке. Через неё были переброшены мостики, опиравшиеся на массу свай,— только кошка и прошмыгнёт низом, а человеку никак не протиснуться.

Таких укреплений было два — вверху и внизу долины. Вход и выход, причём оба заперты.

А иного пути к бегству не существовало — вскарабкаться на крутые глинистые склоны было так же легко,

как на ледяную горку. Зацепиться совершенно не за что, а после дождей глина скользила, как маслом намазанная.

Вообще, внизу преобладали именно «глинистые» цвета — жёлтый да оранжевый с переходом в красноту.

Всю долину порядком изрыли ямами, полными жижи, и шурфами. Невысокие холмы были будто скальпированы — ни клочка травы не осталось.

Даже хижины для рабов, крытые пальмовыми листьями, были того же коричневатого тона, что и окружающий их безрадостный пейзаж.

Река тоже прекрасилась: желобы для промывки золотоносной породы постоянно сливали в воду муть — чудилось, что течением сносило кофе с молоком.

Олег только головой покачал. Каково это — всю жизнь прожить в яме?

Правда, долго тут не жили. Индейцы-невольники мерли от голода и непосильного труда. Вон они, вкалывают на благо его величества — роют землю, таскают к желобам...

Глухо грохочет камнедробилка-аррастра, перемалывая куски кварца ради зёрен драгметалла.

И так каждый день, от темна до темна, за пару чёрствых лепёшек и воду.

— Лагерь смерти! — процедил Пончик. — Угу...

— А вон и эсэсовцы, — сказал Быков, — и тоже в чёрном.

Испанцы лениво бродили по мостикам, держа в руках тяжёлые мушкеты. Для пущего устрашения имелись фальконеты на вертлюгах.

А за верхним валом, на берегу ещё чистой речки стояли в ряд прелестные домики, занятые офицерами и

служащими рудника. Рядом расплывалась приземистая казарма, к ней примыкали длинные здания конюшен.

Дорога от Санто-Доминго подходила именно сюда, здесь и заканчиваясь.

В пыльном дворике близ глыбистого склада, вокруг которого шагали стражники, стояла запылённая карета и пара мощных фургонов из бруса, обшитого позеленевшими листами меди.

— В фургонах, как я понимаю, перевозят золото,— негромко сказал Сухов, разглядывая окрестности в подзорную трубу.

— Которое,— тут же подхватил Диего,— находится во-он в том складике. Не зря же его охраняют! Смысл тогда кружить просто так?

— Согласен...— протянул Олег, соображая.— Это самое... Жак!

— Я здесь! — отозвался мушкетёр.

— Это самое... Берёшь троих и скрытно пробираешься к нижнему мосту. Испанцев там тоже трое, а всех строений — сторожка. Проверишь её и снимай охранников. Только тихо. Отсюда не заметят, если стрельбу не открывать. Понял?

— Ага!

— Действуй. Барон, ты где?

— Туточки я.

Жерар Туссен де Вилье, барон де Сен-Клер подполз по шуршащей траве.

— Смотри, как удачно может получиться — тут лесок по склону, и можно, прячась за деревьями, выйти к самому мосту, а там заняться тем же, что и Жак на той стороне. Уяснил?

— А то! Так я займусь мостом?

— Давай! Только будь крайне осторожен — мост у всех на виду. Солдат тут человек сорок от силы, но и этим числом можно нам больно сделать.

— Понял, господин командор!

— Давай... Как закончишь, выйдешь к парапету и снимешь шлем. Ну испарину вытрешь, что ли.

— Понял!

— Шикарно, как Виктор говорит. С лошадьми кто?

— Клаас и Пюисегюр.

— Ага... Ну всё.

— Я пошёл.

— Диего! Ты со своими окружаешь гарнизон по берегу реки, где дома офицеров и пробирная. А я выйду вдоль склона. Встретишь кого — палаш ему в пузо. И следи за мостом — как барон покажется, стало быть, они свои дела сделали, и нам огонь сверху не грозит. И можно самим стрелять, хоть до одурения! Вопросы есть? Вопросов нет. Выдвигаемся!

Сухов махнул рукой своему десятку, и корсары, крадучись, пошли лесом, почти начисто вырубленным в самой долине, отчего строения гарнизона были пыльными и лишёнными тени.

Испанцы были беспечны, ибо уверили себя в полной безопасности.

Ещё бы, индейцев они практически истребили, а жалкие шайки буканьеров — это как стайки зверьков, на которых стоит иногда поохотиться, чтобы не плодились слишком.

Единственную опасность могли представлять рудокопы из индейцев-невольников, так стража затем и бдила, чтобы рабы вели себя смирно.

Пройдя склоном чуть ли не до самого вала, наверняка отсыпанного первыми из согнанных сюда тайно, Олег сделал знак остановиться. Прямо перед ним белела стена казармы, сложенная из сырцового кирпича и выбеленная извёсткой.

Солдаты-«вертухаи» наверняка внутри, отдыхают от тягот службы. Солнышко-то палит изрядно, вот они и забились в какую-никакую прохладу. Сиеста.

Сухов задумчиво поглядел на крышу казармы, сложенную из тугих снопов.

— Яр,— сказал он, не оборачиваясь,— огниво с собой?

— Крышу хочешь запалить?

— Ну да, догадливый ты наш... Это самое... Сразу выскочат — и стреляй по врагам рабочего класса.

— О! — выдохнул Пончик.— Барон вышел!

Жерар Туссен неторопливо приблизился к парапету моста, снял шлем и промокнул рукавом лоб.

— Начинаем представление,— негромко сказал Олег.— «Махмуд, поджигай!»

— Какой Махмуд? — удивился Франсуа.

— Поговорка такая. Яр, видишь, понял.

Быков живенько заработал огнивом и поджёг пучок травы. Перебежав к казарме, он поднял свой импровизированный факел, и соломенная крыша мигом задымилась, стало расширяться тёмное пятно, невидимое на солнце пламя весело поедало влажную после дождя кровлю — плотно уложенная солома была сухой внутри.

Огонь расходился, загудел, заревел, как выпущенный на волю зверь.

— Рассредоточиться!

Корсары заняли места, поджидая свои жертвы. Испанцы не стали тянуть с появлением.

Вскоре выскочил первый «вертухай», сгибавшийся в три погибели от надсадного кашля. За ним выбежал второй, третий...

Испанцы повалили толпой, а корсары открыли огонь на поражение.

Те из тюремщиков, кто не был убит сразу, замесились в панике, однако увесистые мушкетные пули нашли многих, прежде чем сопротивление стало более-менее организованным.

Пальба донеслась и от реки.

Вот вздрогнул всем телом один из корсаров, поймал пулю второй...

Пончик пополз оказывать первую помощь.

Некий хитроумный идальго в одной рубашке, вскочив на коня верхом, попытался скрыться, но Сухов не засчитал попытку, сняв всадника метким выстрелом.

— За мной! Янс, проверь казарму!

Линге метнулся куда сказано и вскоре вернулся, кашляя и размазывая слёзы по щекам.

— Никого, господин командор!

— Не плачь, Янс, тут ещё хватает испанского отродья!

Жестами указав, куда кому двигаться, Олег с Яром и Шанго пошёл напрямик через конюшню — длинное сооружение с парой открытых ворот на торцах.

Лошади в стойлах фыркали, чуя непривычные запахи, переступали, топоча копытами.

Людей было гораздо меньше, всего двое. Правда, эти, «предупреждённые» животными, были настороже, испробовав оказать вооружённое сопротивление.

Соппротивление заглохло быстро — одному лошади-нику в шею попал остро отточенный нож, а его дружку, заскочившему поболтать, прилетела пулька из флинт-лока. Спеклись оба.

За воротами конюшни открывался задний дворик одного из офицерских домов.

Во дворике сам Мулат Диего кружил, с палашом в руке, ожидая выпада со стороны своего противника — бледного, встрёпанного испанца в чёрном камзоле.

Испанец был вооружён шпагой, и это изделие то-ледских оружейников металось в его руке весьма уме-ло, жаля корсара то в живот, то в ногу — и всё мимо.

Мулата фехтованию не учили, правда, но опыт Дие-го нажил богатый, недаром камзол соперника распо-рот был в паре мест.

В зияния проглядывала окровавленная рубаха.

Сколько бы ещё длилась дуэль, неизвестно, но тут испанец узрел Сухова, отвлёкшись на долю секунды.

Этого времени Диего хватило, чтобы выиграть по-единок.

— Всех уделали? — поинтересовался Олег.

— Почти! Четверо в доме засели. Выковыриваем!

— В этом или в том?

— В том!

— Пошли.

Искомый дом корсары окружили плотно, узкие стрельчатые окна были выбиты, из одного выглядыва-ла кокетливая занавесочка — и чёрное воронёное ду-ло. Выстрел! Мимо...

Железная Рука выстрелил из пистолетов, с обеих рук.

Пули влетели в комнату, чиркнув по стене.

Послушав, как зудят пули, пущенные из дома, Сухов покачал головой и крикнул:

— Сдавайтесь! Или запалим дом! Сгореть не сгорите, но задохнётесь! Поджигать? Или выходите?

— Мы выходим! — отозвался высокий женский голос.

Маша полотенцем, из двери показался пожилой мужчина, крупный и не сказать что худой. Жирный — так будет вернее.

Следом за ним вышел юноша бледный со взором горящим, а последней покинула дом хрупкая женщина в тёмно-синем платье с массой тонких кружев.

В одной руке она несла веер, в другой держала пистолет.

— Надеюсь на ваше благородство, сеньор! — сипло проговорил толстяк, срываясь на одышку. — Единственная вина сеньоры Лауры Риарио де Мартинес в том, что она является супругой хефе — начальника рудника «Каньон дель Оро», ныне отправившегося по делам в Санто-Доминго!

— Браво, сеньор, — насмешливо сказал Сухов. — Очень возвышенно. Я бы с удовольствием повесил самого Мартинеса за то, что мордовал сотни индейцев, но к его законной жене претензий не имею.

Тут законная жена вздёрнула свою хорошенькую головку и сказала:

— Мой муж никого не мордовал, сеньор, а в том, что эти дикари гибли, виноваты они сами.

— Конечно-конечно, сеньора! — подхватил Олег. — Какое они имели право селиться на земле своих предков? И что это за наглость — сопротивляться добрым и милосердным захватчикам, кротко сжигающим индей-

ские деревни и смиренно насилующим туземных девушек! Извините, сеньора Мартинес, но единственные дикари на этом острове, как, впрочем, и во всём Новом Свете,— это испанцы!

Лаура закусила губку, приходя в бешенство. Толстяк попробовал было образумить её, но женщина с негодованием отбросила его пухлую руку.

— Испанцы, сеньор,— сказала она с вызовом, кривя рот,— несут дикарям Слово Божие, поучают этих невежд, не знающих животворящей силы креста!

— Сеньора, эти невежды строили выложенные камнем дороги, по сравнению с которыми лучшие испанские тракты всего лишь жалкие звериные тропы. Они знали астрономию и математику куда лучше европейских мудрецов. И что сделали ваши убогие предки, набившиеся им в просветители? Сожгли майянские книги, каждая из которых стоила куда дороже жалкого золотишка!

— Тем не менее вы явились сюда, сеньор, именно за этим жалким золотишком!

— Ну не оставлять же его! Так, сеньора, насколько я понимаю, перлы моего вразумения завязли в навозной кучке, а посему предлагаю вам закончить дискуссию и удалиться, да поскорее, иначе, боюсь, кто-нибудь из индейцев вздумает сделать вас своею скво!

Гордо задрав носик, супруга хефе удалилась в сопровождении толстяка и юнца.

— Шанго! Что в доме?

— Два трупа! И... и всё!

— Ну и ладно...

Залп из трёх или четырёх мушкетов, раздавшийся за углом, мигом разрушил иллюзию некоего умиротворения. Зачистка продолжалась.

На единственной улочке гарнизонного посёлка, куда выходили дома офицеров, пробирная палата и прочее, уже перебежали корсары из отряда Мулата Диего.

— Командор! Тут эти... крысы конторские! Их куда?

Олег приблизился к группке перепуганных служащих, чьи камзольчики были перепачканы в глине.

Оглядев их по очереди, он обратился к самому старшему:

— Имя!

— Дон Луис Федерико де Силва,— ответил тот, собирая остатки достоинства.

— Сколько золота на складе?

— Там совсем мало...— промямлил дон Луис.

А глазки-то забегали! Сухов усмехнулся и сказал ласково:

— А вот мы сейчас приведём сюда индейцев с рудника! Пусть они тебя сами попрошают, где золото и сколько его!

Де Силва мигом бухнулся на коленки прямо в пыль:

— Нет, нет! Не надо, я всё скажу! И покажу! И проведу! Ключи у меня!

— Так чего стоишь? Веди! Диего, всё чисто?

— Всех уложили, командор! Кроме этих,— Мулат указал на конторских.

— Порядок... А наши как?

— Одного убило...

— Ч-чёрт... Кого хоть?

— Люка Роше. А Жака Ротонди, который де Бикар-ра, ранило.

Невидимый Пончик отозвался:

— Не опасно! Кровь я остановил. Угу...

— Ясенько... Вперёд, дон Луис!

Тот провёл Сухова не на склад, а в свою контору.

Выстроенная из камня, с толстой дверью и узкими оконцами-бойницами, контора больше походила на маленький форт.

Жёлтый металл находился здесь. Золотой песок и маленькие самородки были расфасованы по кожаным мешочкам, под весом которых проседали толстые деревянные полки в чуланчике, что «исполнял обязанности» сейфа.

«Пудов пять, если не больше!» — прикинул Олег, осматривая хранилище.

— Неплохо для начала, — сказал он и отдал приказ: — Нолан! Это самое... Возьми двоих, и грузите золото на лошадей.

— На наших?

— На наших. Тех, что в конюшнях, отдадим индейцам.

— Слушаю, капитан!

Сухов безразлично посмотрел на конторских и сказал:

— Дуйте отсюда, и чтоб я вас больше не видел.

— Нас же спросят, — занял дон Луис, — куда делось золото!

— А вы им ответьте, что Капитан Эш его реквизировал. Свободны! А то передумаю.

И конторские служащие удалились по дороге трусцой, прижимая локотки и часто оглядываясь.

— Пошли, Яр, — сказал Олег, — освободим заключённых. Катакоа, ты тоже со мной, будешь переводчиком.

На рудник вели ворота, уходившие под вал.

Сырую арку, выложенную брёвнами в накат, перегородивала металлическая решётка. Ещё одни ворота открывались с другой стороны вала, выводя в карьер.

Когда створки разъехались, скрипя несмазанными навесами, Сухов увидел индейцев, сбившихся в толпу.

— Катакоа, скажи им, что они получают свободу, если продолжат начатое мною дело — будут освобождать своих соплеменников на других рудниках.

Буканьер кивнул и сделал шаг.

Подняв руку, он прокричал нечто гортанное и непонятное. Однако невольники разобрали сказанное им и заволновались.

После недолгой кутерьмы к Олегу приблизились трое смуглых, истощённых туземцев со следами побоев и давних ран.

— Мой — Гуанакачири, — шлёпнул себя по груди самый высокий. — Кто есть ты?

— Капитан Эш, — спокойно представился Сухов. — Индейцы зовут меня Длинным Ножом.

Таино переглянулись, а в толпе прошёл шумок — это имя было известно даже среди невольников.

— Мы согласные воевать, — сказал Гуанакачири. — Мы потерять дома и жён, нам некуда возвращаться. Мы будем убивать испанцы и давать свобода таино. Но мы не иметь оружие.

— Двадцать мушкетов ждут вас за этими воротами. Испанцам, у которых мы отобрали их, оружие больше не нужно — они мертвы. Есть ножи и сабли, порох и пули. Лошадей возьмёте в конюшнях. На первое время всего этого хватит, остальное добудете у захватчиков. Только уговор: не резать испанских женщин и детей, они не виноваты в ваших бедах. Согласны?

Катакоа старательно перевёл краснокожим рабам слова Длинного Ножа, и те дружно согласились.

Вряд ли, конечно, индейцы удержатся от «непропорционального насилия», но совесть Олегова будет чиста...

— Наш старейшина болен,— сказал Гуанакачири,— он не сможет садиться в седло.

Обернувшись к воротам, в проёме которых маячило человек десять, Шурик в том числе, Олег крикнул:

— Понч! Твоя помощь требуется! Веди, Гуанакачири.

Таино пошагал к хижинам, обходя раскопанные ямы, полные грязной воды, и обычные лужи.

Вблизи хижины выглядели ещё ужасней, наполняя воздух зловонием.

Гуанакачири провёл освободителей в самое большое из обиталищ.

Оно было пусто, лишь на жалкой циновке в углу лежал старик, больше всего похожий на ожившую мумию. Вернее, на чуть живую.

Грудь его вздымалась, выделяя рёбра, впалый живот без лишних комментариев убеждал в скудости здешнего меню.

А вот лицо старейшины было совершенно спокойно.

Запавшие глаза, беззубый рот, перебитый нос — всё это были лишь отдельные черты, не застилавшие главного впечатления — достойного покоя.

Сухов только головою покачал: этот человек был свободен! Заточите такого хоть в самую глубокую темницу, он не утратит своей воли, ибо внутреннее благородство, честь и достоинство не покинут его нигде и никогда.

— Его имя — Каонобо! — выдохнул Гуанакачири.

При этих словах глаза старейшины открылись. Они были ясны и полны печали.

— Это сам Длинный Нож! — с поклоном сказал Гуанакачири.— Он освободил нас и дал нам оружие!

Губы Каонобо расплзлись в улыбке.

— Хорошо...— тихим голосом сказал он.

— Позвольте врачу осмотреть вас,— почтительно произнёс Олег.

Пончик неуверенно присел рядом со стариком.

— Не стоит,— улыбнулся старейшина.— Хворь мою не в силах излечить никто, ибо имя ей — старость. Я умру сегодня, но испытывая великую радость — мой народ наконец-то свободен!

— Вряд ли это надолго, Каонобо,— покачал головою Олег.— Испанцев много, и за ними сила. Они всё равно покончат с таино, и я уже говорил это — лучше погибнуть в бою, как подобает воину, чем быть забитым плетьюми.

— Ты слышал это, Гуанакачири? — проговорил Каонобо.— Длинный Нож сказал правду.

— Да, старейшина,— поклонился Гуанакачири,— и я согласен с нею.

— Вот и хорошо... Оставьте меня все, я буду говорить с Длинным Ножом наедине.

Краснокожие и бледнолицые удалились, а Сухов опустился на колени и присел на пятки по индейскому обычаю.

— Я слушаю тебя, Каонобо.

— Чего ты хочешь, Длинный Нож? Что ты ищешь в нашем мире?

— В вашем мире? — насторожился Олег.

Внимательный взгляд старейшины он выдержал, не дрогнув, не отводя глаз.

— Ты чужой здесь, я это чувствую.

— Ещё никто не признавал во мне чужака,— покачал головою Сухов.— Ты прав, Каонобо, это не мой родной мир. Я попал сюда не по своей вине. Отсюда и моё желание — вернуться туда, откуда я пришёл.

Старейшина кивнул удовлетворенно и закрыл глаза, словно устав держать их открытыми.

— Тебе нужно золото?

— Золото? — Олег пожал плечами.— Да нет... Золота у меня достаточно.

Каонобо растянул беззубый рот в улыбке.

— Так что же ты тогда ищешь? Славы?

— Пусть её ищут те, кому не хватает почестей.

— Тогда чего?

Сухов усмехнулся.

— Если честно, мне не хватает пяти или шести крупных изумрудов. Без них мы не можем вернуться. Моя задача — отобрать такие камни у испанцев или попросту купить их.

— Ага... Слушай меня, Длинный Нож, очень внимательно и ничего не упusti из моей речи. Я — не таино. Мой отец был вождём-согамосо в землях муисков, зовомых также и чибча. Его звали Мичуа, сын Тискесусе.— Старейшина вздохнул.— Наши долины были обильны зерном и плодами, мы строили храмы и возносили молитвы богу солнца Чиминицагахуа. Так было всегда, но вот испанцы прослышали, что у нас много золота, и они ринулись к нам, как бешеные звери, прозывая нашу страну на языке своих мечтаний — Эльдorado. Они перебили множество народу, они хохотали, как безумные, срывая золотые пластины с кровель наших домов, алчность сжигала их изнутри. Мой отец сумел увести тысячу или больше женщин и детей. Они

ушли по реке, которую испанцы зовут Метой. Она впадает в Ориноко. Тебе нужно будет проделать очень долгий и трудный путь, но ты и твои друзья будут вознаграждены. От тех мест, где Ориноко впадает в океан, надо плыть к устью правого притока этой великой реки — Карони. Поднявшись по нему на несколько миль, судно придётся оставить — через пороги и водопады ему не пройти. Лучше всего будет купить каноэ у индейцев варао, что живут в дельте Ориноко. Плывите по Карони вверх до самого Большого плато. В том месте, где в Карони вольётся река Каррао, разливается Лагуна-де-Канайма. Там будет ещё одна маленькая речушка, впадающая в Карони. Ты узнаешь её по белой скале. Поднимаясь по речке вверх, окажешься в тайном городе Маноа, где скрылся Мичуа и где похоронили его. Там ты обретёшь изумруды любого размера и в любом количестве...

— Мне много не надо,— улыбнулся Олег.

Каонобо ответил на его улыбку и сказал:

— Запоминай путь.

Старейшина подробно рассказал, как добраться до убежища согамосо, бежавшего от испанского нашествия, перечисляя вехи — приметные скалы: Белую скалу. Двухглавую, Скалу рисунков, Падающую, Скалу-с-шапкой-на-вершине...

Выдохшись, Каонобо лежал в изнеможении, после чего запустил руку в густые седые волосы, заплетённые в две косы, и выудил оттуда маленький золотой диск, величиной с монету, искусно спрятанный под прядью.

На диске было выбито некое страшилище, похожее одновременно и на птицу, взмахнувшую крыльями, и на извернувшегося крокодила.

Глава 11

Это был тихуэлос — что-то вроде монеты, ходившей в государствах чибча.

— Когда выйдешь к воротам, покажешь это, и тебя пропустят как друга. Вот и всё... Много слов я сказал в своей жизни, слов любви и слов злобы, слов мира и слов войны. А ныне пришёл черед замолчать... Гуанакачири!

Таино возник, будто из воздуха материализовался.

— Слушай Длинного Ножа, Гуанакачири, и повиныйся ему, а когда он покинет нас, помни его наставления... Похороните меня на вершине горы, что ближе всех отсюда... Помните или забудьте, богам всё равно... Я сказал.

Каонобо медленно закрыл глаза. И умер.

Глава 12,
*в которой одни Олега славят,
а другие мечтают повесить*

1

Вест-Индия, остров Сент-Кристофер

Флотилия де Каюзака несколько отклонилась к югу, выйдя к Барбадосу. Тамошний английский губернатор, чувствуя себя на птичьих правах и боясь даже тени коварных испанцев, сильно перепугался, увидав на рейде французские корабли.

Он быстро пришёл в себя, когда понял, что страху нет, то не король Филипп послал своих головорезов вразумлять англичан.

Ну и слава Богу...

На радостях губернатор и провизии уделил французам, и водой свежей снабдил.

Снасти поизносились? Берите, у нас ещё есть!

Парус лопнул в пути? Починим! А хотите, новый дадим?!

Передохнув, флотилия де Каюзака двинулась на север, к Сент-Кристоферу.

Можно себе представить торжество, с которым д'Эснамбюк высаживался на острове!

Он прибыл с новыми переселенцами (читай — новыми работниками на плантациях), а за спиной его грозно маячили пушки эскадры. Знай наших!

Надо ли говорить, что Эдварду Уорнеру пришлось кисло?

Правда, Жан де Баррада, сьер де Каюзак, не показал себя жёстким и беспощадным карателем, хоть и потребовал грозным голосом вернуть французам отобранные у них земли.

Уорнер злобствовал, оставаясь один, приторно улыбался и юлил на встречах с де Каюзаком.

И тянул, тянул время, дожидаясь, когда же король Англии пришлёт корабли в подмогу, дабы посчитаться с лягушатниками. Но горизонты были чисты...

Де Каюзак ждал долго.

Неделя прошла, а ответа на его ультиматум не поступило.

Вторая пошла, и тут терпение у генерала флотилии лопнуло — Жан де Баррада решил действовать.

«Труа Руа», «Нотр-Дам», «Интендант» и «Дофин» с «Эглом» объявились на рейде Форт-Чарлза, где стояли пять английских флейтов.

Никто уже точно не скажет, кто первым открыл огонь, хотя колонисты уверены, что первые выстрелы по французской флотилии сделали орудия форта.

А тут и британские корабли поддерживали сухопутных канониров.

И пошла веселуха...

Чуть ли не тридцать человек скосили английские ядра на «Дофине», разрывая человеческие тела и ванты с одинаковым успехом и лёгкостью.

Пострадали не только простые моряки, пушкари и младшие офицеры — ядро снесло полголовы самому

капитану Мориньеру-Понпьеру, старому пирату, славному своими победами.

За три часа сражения флагман потерял всего четырёх матросов, зато дыры в борту зияли такие, что даже в лёгкое волнение вода станет захлёстывать в трюм.

На «Интенданте» полегло десять человек, но «Дюмэ» с «Ломбардцем» доказали, что не зря хаживали в Вест-Индию, устраивая корсарские набеги, — французские пушки стреляли метче, а палаши были острее.

Лишь один английский корабль сумел уйти, остальные легли на дно или сдались на милость победителя.

Всё, карты Эдварда Уорнера были биты.

Следующим утром к борту «Труа Руа» причалила барка Уорнера с белым флагом. И что бы вы думали?

Англичанин с непристойным нахальством выразил своё «фи!» Дескать, что это за стрельбище?

Как можно применять грубую физическую силу к мирным английским плантаторам?

Де Каюзак, смягчивший свой нрав за ночь, не стал грозить Уорнеру виселицей, а снова потребовал по-хорошему вернуть захваченные земли французам.

Тот стал ныть, что сам-де ничего решать не может, нужно-де послать корабль в Лондон, пусть король сам решает, как тут быть, а он человек маленький.

Надо полагать, Жан де Баррада снова рассердился, и Уорнер не стал дёргать тигра за хвост, смирился — и попросил отсрочки в пять дней.

«Жду вашего ответа до завтрашнего утра!» — ответил де Каюзак.

Что было делать Уорнеру? Английские корабли так и не появились...

И утром он принял все условия ультиматума.

И новый договор подписал, и даже выпил с де Каю-заком за здоровье королей.

А де Баррада, радуясь, что не нужно применять крайних мер, изгоняя англичан с острова, устроил салют из пушек...

2

Новая Испания, Эспаньола

И оба моста, перекрывавшие Каньон-дель-Оро, и хижины для невольников, и здания гарнизона — всё сгорело, всё превратилось в угли.

Зато мути в реке поубавилось — сырая золотиносная порода сохла в желобах, а течением сносило осадок.

Убитых корсарами стражников и растерзанных индейцами надсмотрщиков никто не хоронил, а разве сами испанцы предавали земле истребляемых краснокожих? Каков привет, таков ответ.

Таино раздели убитых догола, изъяли из домов всю одежду и посуду, одеяла и скатерти, кувшины, медные кастрюли, лопаты, оружие, даже кнуты, которыми их лупцевали испанские «вертухай», — пригодятся в хозяйстве.

Половину испанских лошадей индейцы запрягли в телеги — надо же как-то добро вывозить! — а остальных навьючили.

Всё равно кавалеристов среди краснокожих не водилось.

Но воинственный настрой был.

— Благодарю тебя, Длинный Нож,— сказал Гуанакачири.— Теперь мы имеем свобода и оружие. Мы делать путь на север. Там быть рудник, где наши братья добывать серебро для ненасытные испанские собаки. Мы открывать ворота... Неведомо, сколько успеть прожить, но умру я свободным! Прощай, Длинный Нож!

— Прощай, Гуанакачири. Удачи!

Индийский обоз, иначе не скажешь, медленно попылил по дороге на юг. Там, на расстоянии двух лиг отсюда, имелся поворот на тракт до серебряного рудника «Милагроса».

— Ёш-моё... Национально-освободительное движение...— пробормотал Быков, глазами провожая карету, «прихватизированную» таино.

— Это ненадолго,— вздохнул Пончик.— Мало их совсем, перебили... Угу.

— Наш краснокожий брат Гуанакачири всё сказал верно — про то, как жить и помереть.

— Ты прав, мой бледнолицый брат,— усмехнулся Олег.— Возвращаемся. Своё дело мы сделали, хорька в испанский курятник запустили. Есть идея наведаться на плантации в Магуану — это равнина за горами, отсюда к югу. Там тоже индейцы пашут. Навели мы шороху в горнорудной промышленности? Наведём и в сельском хозяйстве. Только уже все двинем разом! Едем.

Подбодрив коня пятками, Сухов подумал, что надо будет обязательно задержаться на часок в Сан-Фернандо-дель-Сибео...

Отдалились они от букана изрядно, поэтому ночь решили провести в лагере у истока какой-то местной

речки — и чистая вода под боком, и трава для коняшек, и видно всё далёко, незаметно не подберёшься.

Поев жареного мяса со свежими тартильями, которыми его щедро одарила сеньора Консуэло, Олег удалился подальше от костра, на свежий воздух, в темноту.

Негоже долго пялиться в огонь, для воина это может кончиться плачевно — подкрадётся враг, да и всадит тебе железяку в пузо, а ты даже лица его не разглядишь, со свету-то.

Застя огонь костра, воздвигся Быков.

— У вас свободно? — шаркнул он ботфортом.

— Присаживайтесь, — улыбнулся Сухов.

Ярослав, кряхтя, развалился на травке.

— Лежи спокойно, не ёрзай, — слышался голос Пончика, — а то всех этих... сколопендр распугаешь. И паучков. Угу. Они тут ма-ахонькие, еле на ладони помещаются. Пусти их погреться к себе на волосатую грудь!

— Чего это — волосатую? — оскорбился Быков. — Ёш-моё! Вот что за человек! Лишь бы ему ближнего ущучить!

— Да, такой я, — самодовольно сказал Шурик, присаживаясь. — Коварный, однако.

— Шибко-шибко коварный чукча.

Пончик не стал отвечать, посчитав, что надо быть выше этого.

А если честно, то просто лень ему было.

— Слушай, Олег, а о чём это вы там шушукались со старейшиной?

— А-а! Чёрт, я и забыл совсем. В общем, я теперь точно знаю, где нам искать изумруды. Каонобо рассказал. Он, оказывается, не тиано, а муиск. Или чибча, не знаю, как правильно.

— Ух ты! — заёрзал Быков. — Как интере-есно...

— Что тебе интересно? — агрессивно спросил Пончик. — Лично мне ничего не понятно! Какие, к чёрту, чибчи, миски?

— Чукча ты наш, — печально сказал Яр. — И чему тебя только в школе учили?

— А мы этих... мисок не проходили!

— Самообразованием надо было заниматься, — проговорил Быков назидательно, — книжки читать.

— Помолчал бы уж! Чтец...

— Ладно, так и быть, развею мрак твоего незнания! — Яр повозился и сел. — Просто я этим интересовался когда-то, в ранней молодости (Пончик фыркнул). Джунглями, то бишь сельвой, индейскими пирамидами, путешествием Фоссета, этим его потерянным городом «Зет»... И Эльдорадо. В общем, картинка такая. По истории мы, в основном, учим параграфы про ацтеков, инков и майя, а ведь была ещё одна индейская цивилизация — Чибча! Чибча — это как бы общее название, как Эллада, а жили там индейцы-муиски, по-ихнему — «люди». Чибча находилась там, где позже провозгласят Колумбию, на высокогорных плато в Кордильерах, и на востоке, в Венесуэле как бы, в льяносах Ориноко.

— Именно на Ориноко нам и надо найти последний город муисков, — вставил Олег.

— Ну вот! Там были разные как бы царства, я их помню не все. Факата, Тунха, Гуатавита... Так вот... Индейцы там растили кукурузу, хлопок, батат и прочие огороды, плавил и ковали золото, лепили горшки, ткали, строили из камня дома и храмы, мосты и башни, дороги и тротуары, лестницы и заборы. Обычаи были

хорошие у муисков. Например, священный бег. Его устраивали пару раз в году, например, на торжестве поклонения озёрам. Самыми интересными были состязания девушек в беге вокруг священного озера Гуатавита. Целые толпы индейцев глазели, как бегут обнажённые девицы, болели за своих, само собой, может, и ставки делали. Победительницу чествовал сам царь-сипа. Он надевал на бегунью шесть дорогих плащей и возлагал ей на голову такую корону, вроде как на конкурсе красоты, золотую, в форме полумесяца.

— Я бы поглядел... — мечтательно проговорил Пончик и быстро поправился: — В смысле поболел! Угу...

— Мы верим, верим... — сказал Сухов. — А как там Эльдорадо поживало?

— Да ничего так поживало... Тут типичный случай «золотой лихорадки». В общем, дело было так. У муисков издревле обычай имелся посвящения в вожди. Тело касика, то бишь вождя натирали смолой и обсыпали золотым порошком. И вот он со всей свитой топал к горному озеру Гуатавита, весь блестит и переливается. Целая процессия образовывалась. На озере касик всходил на плот, а там уже куча всякого золота, изумрудов и прочей ювелирки, четыре жаровни с ароматной смолой... Плот выплывал на середину озера, касик бросал украшения в озеро, как дары богам, и сам нырял, смывая с себя золото. И становился вождём уже как бы официально. А на берегу песни, танцы, музыка, чича рекой... Праздник.

— А потом пришли испанцы, — пробурчал Шурик, — и всё накрылось медным тазом. Угу...

— Скорее уж золотым, — вздохнул Быков.

— А что там про потерянный город? «Зэ», кажется? Угу...

— «Зет». Был такой Персиваль Фоссет, подполковник или полковник, всё искал заброшенный индейский город в бразильских джунглях, обозначенный буквой «Зет».

— Почему «Зет»?

Быков наклонился к Пончику и приглушённо сказал:

— А чтоб никто не догадался!

— Да ну тебя! А серьёзно? Нашёл он чего или зря бродил?

— Кто его знает... Фоссет семь походов устроил, в последнем и сгинул. Правда, сам Фоссет искал город атлантов... Не кривись, Понч! Виноват я, что ли, если у человека такой бзик был? Он документу старинному поверил, вроде как португальскому. Там говорилось о том, как искатели сокровищ — их бандейрантами называли — обнаружили в сельве заброшенный город, будто бы со всеми признаками римской архитектуры. И тройная арка там была якобы, и площадь с чёрной колонной посередине, и портики, и колоннады, и барельефы... Город этот вроде как располагался где-то к югу от устья Амазонки. А ещё у Фоссета была статуэтка из чёрного базальта, сантиметров двадцать пять размером. Её он получил в подарок от сэра Генри Хаггарда, который купил сей артефакт где-то в Южной Америке, но она будто бы из Атлантиды была... В общем, тут в реальные факты столько вымысла намешано, что и не знаешь, чему верить.

— Слушайте! — оживился Пончик. — Вот ты говорил, тот город мис... муисков — на Ориноко. Это ж

рядом совсем с Амазонкой! Может, это тот самый город «Зет» и есть?

— Ну, вообще-то, Ориноко протекает севернее Амазонки...

— Подумаешь! Никто ж точно не знает, где этот Фоссет бродил, верно? Угу... Взял да и забрёл к муискам! А что? Разве не может такого быть?

— Это, конечно, вряд ли... — шибко почесал в затылке Быков. — Но кто ж их знает, этих муисков? Будем искать!

Несколько дней спустя Олег покинул букан, ведя корсаров за собою — всех, кто был с ним на палубе «Феникса».

Всё своё они везли с собой — припасы, оружие, золото с рудника, три или четыре длинных, тяжёлых рикаты — аркана, плетённых из кожаных ремешков, и даже свёрнутый парус-блинд.

Ещё раз возвращаться к мателотам было бы неосмотрительно — случись погоня, и они наведут испанцев на букан, а это не есть хорошо. Да и не ближний свет, чай, туда-сюда мотаться.

Небось после нападения на Каньон-дель-Оро испанцы всполошились, губернатор дал, кому надо, втык, и Санто-Доминго напоминает сейчас растревоженный улей.

А ежели корсары, переквалицировавшись в герильерос, нанесут ещё один удар, то приход испанских карателей обеспечен.

Что и требовалось доказать.

Отряд растянулся по тропе, почти каждый всадник вёл в поводу ещё одну, а то и две лошади — вьючную и запасную.

— Смотришь на карте,— бурчал Пончик,— остров-то совсем маленький! А вблизи — о-го-го! — ехать и ехать. Угу...

— Ну не пешком же идти,— резонно заметил Быков.

— В чём-то ты, конечно же, прав...— признал Акимов, с любопытством оглядывавшийся окрест. Он-то впервые покинул букан («Стал невыездным!» — уныло шутил Виктор).

С высоты последнего перевала открылась огромная равнина — густые леса перемежались с обширными травянистыми пространствами.

Что-то там темнело вдали, может, то и были плантации.

«Скоро увидим»,— подумал Олег.

Днём позже корсары выехали к протяжённейшим полям сахарного тростника, принадлежавшим недавнему губернатору и президенту аудиенсии Санто-Доминго дону Антонио Оссорио.

Ныне Эспаньолой правил другой дон — Габриэль де Чавес-и-Оссорио, тоже далеко не агнец, но куда ему до предшественника!

Дон Антонио славился тем, что мог одной рукою, без передышки, забить насмерть индейского раба.

Теперь-то, конечно, силы уже не те, приходится всякие весёлые дела, вроде казней и пыток, передоверять своим надсмотрщикам и охранникам, а самому лишь наблюдать да подавать советы, как больнее прижучить краснокожих тварей.

Одно лишь беспокоило экс-губернатора — заполучить новых таино на плантации становилось всё труднее и труднее.

Индейцев на благословенных берегах Эспаньолы совсем мало осталось.

Приходилось везти чёрных невольников из Африки, а они были не бесплатны, как индейцы.

Большой хозяйский дом, с толстыми белеными стенами, с гордыми альменас — зубцами по краю плоской крыши, устраивать которые было позволительно лишь родовитым грандам, — стоял на возвышении, в тени раскидистых деревьев.

Отсюда открывался замечательный вид на поля вокруг, прилежно засаженные сахарным тростником, кофе, ананасами, арбузами, табаком, маммеем, бататом, бобами и прочими плодами земли, чьё произрастание приносило доход.

Дон Антонио любил после сытного обеда уединиться на террасе, устроиться в плетёном кресле и созерцать зелёные ряды растений, смуглые спины согбренных рабов и высающихся надсмотрщиков в белых рубашках и широких шляпах, что расхаживали, подбоченясь, да постёгивали индейцев.

Ограды вокруг плантаций не стояло — убежать отсюда было делом трудным. У каждого из невольников на ноге звякали кандалы — цепью они были прикованы к тяжеленному чугунному ядру. Сделать маленький шажок цепь позволяла. Чтобы сделать второй, надо было подтягивать пудовую отливку.

А не поторопишься — плеть располосует тебе кожу.

Свист кнутов вызывал у хозяина асиенды добрую, ласковую улыбку...

...Сухов выехал на вершину высокого плоского холма с рощицей на вершине и подвёл коня к самой опушке.

Отсюда хорошо видна была и белая асиенда на зелёной возвышенности, и плантации, раскиданные вокруг.

— Как будем действовать? — поинтересовался Быков.

— Ты вестерны читал? — ответил Олег вопросом. — Смотрел, быть может? Как там бандиты нападают на ранчо? Вот и мы тем же манером...

— Шикарно! — вставил своё слово Виктор.

Сухов машинально кивнул.

— Мушкетёры!

Франсуа де Жюссак подъехал первым, за ним подтянулись Жак де Террид, барон де Сен-Клер, де Пюисегюр и прочие.

— Это самое, — сказал Сухов. — Охраны тут немало. Даже у надсмотрщиков при себе мушкет и пара пистолетов. Ходить с таким грузом по жаре — та ещё работа! Так что ваша задача — избавить бедняжек от их невыносимого существования. Распределитесь, приблизьтесь и перестреляйте этих кнутоносцев!

— Понято! — зловеще усмехнулся Франсуа. Особой жалостливостью к индейцам он не отличался, краснокожие ему были безразличны, но вот проредить ряды испанцев... Тут уж Хуанито Железная Голова рад был порезвиться вволю!

— Начинаем по моему выстрелу.

— Понято, командор.

— Диего! — подозвал Олег Мулата. — Ты займёшься охранниками. Не всеми, а теми, что с восточной стороны. Если среди них и остались настоящие бойцы, то они

давно разленились. Ну вам же легче. Шанго! Это самое... Хватай своих и дуй во-он на те плантации. Если зрение мне не изменяет, там вкалывают чернокожие.

— Всё сделаю, Оле! — пророкотал негритянский принц.

— Ты только присматривай за ними, чтобы не разбегались, а держались кучей и слушались тебя. Иначе их просто перебьют поодиночке или потом уже переловят.

Осаи-Окото ударил себя в грудь здоровенным кулачком и отправился освобождать представителей своей расы.

— Малыш Роже! Шекер-ага! Ксавье!

Раздав ЦУ, Сухов засунул за пояс пару пистолетов, а флинтлок взял в правую руку. Правя конём одной левой, он двинулся к асиенде.

Всё шло как надо, однако даже самые гениальные планы имеют дурную привычку не исполняться — мешает тот самый «туман войны», действия противника, которые нельзя предвидеть.

Когда Олег со своими объезжал сад, ему навстречу выехали конники, то ли возвращавшиеся с пастбищ, то ли направлявшиеся проведать скот.

Пастухи-вакерос и охранники, увидав перед собою чужих, растерялись на долю мгновения — и тут же схватились за оружие.

Сухов, проклиная этих верноподданных слуг, вскинул пистолет, поражая в упор ехавшего впереди усача.

Ни мушкетёры, ни мораны во главе с Шанго не вышли ещё «на исходные позиции», стрелять, подавая сигнал к атаке, было рано, но и грудь подставлять испанским пулям тоже не резон.

Расслышав выстрел из флинтлока, корсары бросились в атаку. Поднялась пальба с трёх сторон сразу.

Увернувшись от удара шпагой, Олег выхватил палаш, отбивая очередной выпад испанца с мордой в шрамах — тот ещё волк.

Фехтовать командору было недосуг, а посему он, бросив коня вперёд резким посылом, уколол лошадь испанца.

Та взбрыкнула, и шрамолицый еле удержал равновесие. Тут-то его и настиг палаш, врубаясь в шею. Готов.

Оглянувшись — вакерос полегли все, — Сухов крикнул:

— К асиенде!

Корсары взревели и пустили коней в галоп.

Олег одним из первых вынесся на террасу, где в огромном плетёном кресле восседал седой идальго, надо полагать, хозяин асиенды.

— Кто вы такие? — прокаркал он. — Как вы посмели явиться сюда? Вон!

— Заткнись, — вежливо посоветовал ему Сухов и пальцами тронул край шляпы: — Командор Олегар де Монтины, к вашим услугам. Можете звать меня Капитаном Эшем, я уже привык. Дон Антонио, я не ошибся? Немедленно прикажите своим людям сложить оружие, иначе мы перебьём всех! Ну, живо!

В этот момент послышалось звяканье и лязг.

Тяжело ступая, задыхаясь, на террасу поднялся измождённый таино, с широкими костлявыми плечами.

Ядро своё он нёс в левой руке, напрягая жилы, а в правой сжимал пистолет.

Глаза его горели безумием, он шагал из последних сил, как зомби, получивший приказ колдуна.

Увидев дона Антонио, индеец ощерился, выказывая редкие обломки выбитых зубов, с трудом поднял пистолет и нажал на спуск.

Олег даже не подумал мешать человеку, имевшему священное право на справедливость и месть.

Пуля поразила идальго в живот, тот содрогнулся, белея лицом, но не умер — крепок был.

— Помочь? — Пончик глянул на Сухова.

Тот покачал головой.

— Обойдётся. Ребятки, взялись!

Заревев, засвистев, заулюлюкав, корсары разъехались и разбежались. Отовсюду слышны были выстрелы, крики ярости, страха и боли.

Через плантации, наперерез, бежали мушкетёры с саблями наголо. Кучка надсмотрщиков развила скорость немалую, но не учла силу ненависти — рабы падали им под ноги, чтобы задержать своих мучителей и обречь их на смерть.

Иные, словно метатели ядра, раскручивали свои оковы и били пудовыми шарами по ногам «вертухаям», ломая тем колени.

Некоторых надсмотрщики убивали, но остальные не отступали в страхе — злоба, клокотавшая в них, была излишне велика, такую не удержишь никаким запугиванием.

И мушкетёры настигли убежавших. В короткой, яростной схватке перебили всех.

Олег, соскочив с коня, небрежно привязал поводья к балюстраде.

— Капитан Эш... — проговорил убийца экс-губернатора. — Ты — Капитан Эш?

— Я — Капитан Эш,— улыбнулся Сухов.— Ну-ка... Ногу вперёд.

Слов индеец не понял, но жест был красноречив. Он вытянул грязную конечность с оковами.

Приставив дуло пуффера к скобе, приваренной к ядру, Олег отвернул лицо и выстрелил.

Увесистая пуля перебила скобку, разъединяя цепь и груз.

— Так будет полегче,— сказал Сухов и показал руками: — Кузнец? Где кузнец?

Краснокожий показал.

— Иди туда! Vajo!

Таино кивнул и поплёлся, загребая ступнями.

Сколько лет он гробил здоровье на полях дона Антонио? Изо дня в день, от зари до зари... А жизнь проходила мимо.

Так и помрёт, ничего не успев — ни девушку выбрать в жёны, ни детей нарожать, ничего. Ужас...

Не обращая внимания на дона Антонио, кровь которого уже залила тому панталоны и капала на плиты пола, Олег вошёл в дом.

Там было прохладно и царил полумрак. После яркого солнца глазам было приятно, и не нужно постоянно щуриться.

Корсары орудовали во всех комнатах, наводя основательный шмон, переступая через убитых защитников, потроша комоды и сундуки.

— Берём только самое ценное! — прокричал Олег.

— Дело ясное, командор! — звонко ответил Кэриб Уорнер, тащивший резную шкатулку.

— И ты здесь?

— А как же?! — округлил глаза юнга.

Отвесив ему (для порядку) подзатыльник, Сухов вышел в патио — внутренний дворик, где благоухали цветы и струилась вода.

Рай индивидуального пользования.

Широкие ворота, ведущие в патио со стороны реки, были распахнуты, и Олег легко разглядел отряд всадников, нахлёстывавших лошадей.

Их было человек тридцать, и настроены они были весьма решительно.

— Диего! Ко мне! Мушкетёры — наверх!

Подбежавшему Мулату ничего объяснять не потребовалось, он и сам разглядел новую напасть.

Корсары, выбегавшие из разорённой асиенды, об оружии не забывали.

— Будьте здесь! Ворота не закрывайте! Пусть рвутся внутрь, тут вы их и приветите. Франсуа, за мной!

По широкой лестнице взлетев на плоскую крышу-асотею, Сухов бросился к зубчатому парапету.

— Огонь!

Нестройный залп из мушкетов стал для новоприбывших сюрпризом не из приятных.

Кавалеристы были парнями горячими, стало быть, не шибко умными. Именно поэтому они сразу стали стрелять в ответ, зря расходуя порох, ибо от их пальбы пострадали лишь альменас.

И вот теперь, с пустыми мушкетами, они ворвались в патио.

А там их ждали.

Тесный дворик вмиг переполнился ржавшими конями, топтавшими благоуханные кустики, и орущими людьми.

Корсары, прятавшиеся в галерее первого этажа, стреляли с колена вверх, по конникам, поэтому никого

из своих не задели, хоть и открыли пальбу с обеих сторон. А мушкетёры добавили сверху.

Гекатомба получилась знатная — добрый десяток кабальеро свалился с сёдел, между их тел брыкались две подстреленные лошади, вздумавшие стать на дыбы, а кровящи натекло...

Впитаться животворной липкой красноте было некуда, и страшные лужи ширились и ширились, смыкаясь и густея.

Вероятно, десятерым из «нападавших на напавших» удалось скрыться, хотя выстрелы гремели и за стенами асиенды.

Сухов спустился с крыши, поморщился брезгливо и вышел на террасу.

У местной кузницы выстроилась очередь — невольников спешно расковывали.

Расковывали потому, что так Капитан Эш велел, а спешку подстёгивали сами индейцы — у многих из них в руках были трофейные мушкеты и пистолеты.

Поэтому кузнец с молотобойцем работали с большой самоотдачей, ударным трудом добиваясь долгих лет жизни.

На плантациях никого не было, если не считать трупов надсмотрщиков, уже голых — таино были народцем хозяйственным.

Олег обернулся к дону Антонио, пялившему широко открытые глаза, и поводил рукой перед взором, выражавшим муку. Мёртв.

— Франсуа! — крикнул Сухов. — Жерар Туссен! Где вы? Кончай прибарахляться! Это самое... Мавры сделали своё дело, мавры могут уйти.

Всю улицу Дам, от ворот Сан-Диего, выходивших к порту, и до «Лас Касас Реалес»¹ тучный дон Габриэль де Чавес-и-Оссорио одолел почти бегом.

Карета его катилась позади, но ярость, бушевавшая в груди губернатора, не давала ему усидеть.

Его пальцы сжимались и разжимались, желая рвать, кромсать, душить.

О, Пресвятая Богородица! Да сколько же можно-то?!
Есть ли предел человеческому терпению?

Отец Игнасио зовёт к кротости и смирению в делах мирских, да только как же тут будешь смиренным, когда творится этаким произвол?

Пыхтя и отдуваясь, дон Габриэль одолел ступени лестницы и ввалился в тёмный и прохладный коридор аудиенсии.

Стража поспешно раскрыла перед ним резные двери, и губернатор влетел внутрь.

Едва отдышавшись, диким взглядом осматривая свой собственный кабинет, он проревел:

— Капитанов де Фуэмайора и де Иельву! Ко мне! Живо!
Топот ног за дверью озвучил исполнение приказа.

Раздражённо скинув душивший его камзол и растегнув ворот рубахи, губернатор плюхнулся в кресло.

¹ *Лас Касас Реалес* — «Королевские дома». Дворцовый комплекс в Санто-Доминго, столице Эспаньолы, где располагалась резиденция губернатора и президента аудиенсии (законодательный и судебный орган).

— Вы позволите? — послышался негромкий голос. Де Чавес-и-Оссорио поднял отёкшие глаза.

В дверях стоял дон Альберто де Корон, давний приятель губернатора.

Человеком дон Альберто был скрытным, даже таинственным.

До дона Габриэля доходили туманные слухи об интригах, которые де Корон плёл далеко на севере, во владениях голландцев и англичан, но это его мало интересовало.

Подобное было даже выгодно испанской короне, поскольку все свои проделки дон Альберто творил врагам короля, проклятым еретикам. Так им и надо.

— Приветствую вас, дон Альберто, — простонал де Чавес-и-Оссорио, изнемогая от зноя и злости. — Быстро же вы вернулись! Или вы ещё не уезжали?

Де Корон изысканно поклонился.

— Я — туда и обратно, сеньор, — сказал он, улыбаясь, — набрал команду на свой «Чёрный гранд» и прибыл на Эспаньолу, дабы засвидетельствовать своё почтение. Тут я ненадолго — сделаю кой-какие запасы и направлюсь в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико. Там подожду генерала де Толедо, а уже оттуда, в составе Армады Эспанья, двинусь на юг, к Наветренным островам, к Бразилии... Впрочем, я вижу, что мои планы не слишком интересуют вашу милость. Что случилось, сеньор?

Дон Габриэль вздохнул.

— Командор де Монтиньи, корабль которого вы окрестили «Чёрным грандом», объявил нам настоящую войну! Не столь давно он напал на рудник Каньондель-Оро, освободил тамошних рабов, перебил всю охрану и забрал с собой кучу золота! А теперь его

отряд истребил всех людей дона Антонио Оссорио на его же асиенде! Люди волнуются, люди боятся, меня осаждают со всех сторон, требуя уничтожить разбойников и навести порядок. И я его наведу, тысяча чертей!

Тут в кабинет дружно шагнули двое, удивительно похожие друг на друга — капитан Руй Фернандес де Фуэмайор и капитан Франсиско Туррильо де Иельва.

У обоих были одутловатые, испытые лица, а носы приняли безобразную форму — у первого орган дыхания был свёрнут набок, у второго и вовсе расплющен, из-за чего де Иельва постоянно сопел.

— Явились...— зловеще проговорил губернатор.

Оба капитана вытянулись во фронт.

— Вы что же, каналы, творите? Почему этот разбойник, этот грязный пират до сих пор жив и на свободе?! Отчего он не в цепях или не на виселице?! Я вас спрашиваю!

— Ваше превосходительство,— обиженно засопел де Иельва,— мы не получали приказа...

— Ах, вы не получали?! — взвился губернатор.— Так сейчас получите! Ты! — Толстый палец дона Габриэля указал на де Фуэмайора.— Возьмёшь сто... нет, сто пятьдесят лансерос! Ты! — Палец переместился, тычась в де Иельву.— Берёшь ещё сотню солдат!

И оба сегодня же, сейчас же отправляетесь на поиски этого врага церкви и короля, командора де Монтиньи!

Можете привезти его в клетке, как дикого зверя, можете доставить одну его голову, мне всё равно! Но это беззаконие, этот разнужданный разбой должен быть прекращён! Вы поняли?!

Капитаны преданно вытаращились на губернатора, развернулись кругом и поспешно удалились.

Дон Альберто де Корон выскользнул следом. Он улыбался.

Значит, Капитан Эш по-прежнему жив и продолжает делать пакости королю Испании... Замечательно. Просто превосходно.

Стало быть, они ещё встретятся. Обязательно!

Не станет де Монтины долго мотаться по долам по горам Эспаньолы.

Он корсар, ему нужен корабль! И Капитан Эш его добудет.

Вот тогда-то и стоит организовать их randevu — Армада Эспанья против убогого пиратского флейта или что они там угонят? Пинас? Ну пусть будет пинас. Ах, какая будет встреча!

И он лично отдаст приказ повесить этого вшивого командора на рее «Чёрного гранда».

Глава 13, *в которой Олег попадает в ловушку*

Сухов не спешил к морю, хотя его и тянуло к побережью. Было ясно, что испанцы обязательно отреагируют на беспорядки в Магуане и Сибео.

Губернатор просто вынужден будет послать войска для усмирения «разбойников и врагов короны». Куда ему деваться?

Вот Олег и ждал, когда же Испания нанесёт ответный удар.

А пока он крутился в предгорьях, наведываясь в небольшие селения. В принципе, запасов провизии, взятых на асиенде Оссорио, им хватало, но нельзя было давать супу остывать в горшке — пусть испанские поселенцы вздрагивают от страха, заслышав топот копыт!

Пусть помнят, что он рядом и в любой момент может нагрянуть.

На этот раз Сухов решил нанести визит обитателям маленького посёлка с пышным названием Эль-Пуэбло-де-Сан-Педро-дель-Фуэнте-де-Сан-Джеронимо.

В посёлке имелась всего одна улица, приводящая к источнику, возле которого воздвигли часовенку, и застроенная двумя рядами каменных домов, небогатых, но основательных.

Сразу было видно, что живут здесь люди работающие, а таких грабить Капитан Эш воспретил.

Незачем злить простонародье, пусть те, кто небогат, считают его чуть ли не Робин Гудом.

Во всяком случае, человеком, круг врагов которого чётко очерчен,— это богатеи, рабовладельцы, конкистадоры и прочие имущие.

Правду говорят, что дурная слава обгоняет благую — что там думали жители Эль-Пуэбло-де-и-так-далее, неясно, но они решили, от греха подальше, покинуть свои дома, чтобы хоть жизни сохранить, свои и детей. Кто их знает, этих корсаров?

И городишко будто вымер.

Олег спешил к у местной таверны, вспомнив сеньориту из Сан-Фернандо, и переступил порог заведения. Вроде бы никого, но кто-то же шмыгнул в кухню! Или ему показалось?

Заглянув за прилавок, Сухов обнаружил несколько серебряных монет и усмехнулся.

Откупиться решили! Ну-ну...

Не обращая внимания на чуланчик, где хранились дрова, а сейчас кто-то прятался, Олег и Шекер-ага перетаскали в зальцу здешние яства — тартильи, бобы с говядиной, ещё тёплые, зелень, а из подвального подняли кувшины с терпким, сладким вином, не крепким, зато холодненьким.

Поели на славу.

— Всё, выметайтесь! — скомандовал Сухов. — Много есть вредно.

Похохатывая, корсары повалили на улицу, а Олег постучал в дверь чуланчика:

— Эй, сеньор! Или сеньорита! Спасибо за обед, было вкусно. Деньги на столе.

— Спасибо, сеньор командор,— ответил ему голос, глухой и дрожащий.

Усмехнувшись, Олег вышел, оставив на столе два золотых.

Плата, конечно, излишне щедрая, но это тоже плюс Капитану Эшу.

Кавалькада покинула пыльную улочку селения и съехала с набитого тракта — план по устрашению мирного населения был выполнен, пора и отдохнуть.

Лагерь устроили в живописном месте — и не подберёшься незаметно, и тенёк, и водичка рядом. И коням травка.

Повалявшись на этой самой травке-муравке, Сухов заскучал.

Врут, когда говорят, будто воины бывалые о покое мечтают да о тихой гавани.

Дашь им недельку покоя — и взвоят, обратно на войну запросятся или на какое иное горячее дело.

На что ещё им силу растратить и быстрый ум, способный мгновенно оценить ситуацию и найти то единственное решение, которое и жизнь спасёт отряду, и победу одержать поможет?

Быстрота реакции, глазомер, изумительная координация движений, мастерское владение оружием — куда все эти навыки девать в тихой гавани? Тараканов шлёпать тапком?

Впрочем, Олегу «повезло», долго скучать ему не пришлось — к их лагерю подъехал одинокий всадник.

Им оказался старый знакомый — Гуанакачири.

Индеец был ранен, но не слишком серьёзно, видимо, пуля пробила навывлет левое плечо.

Сухов, чуя, что тайно прибыл не зря, вышел его встречать.

— Приветствую тебя, Гуанакачири!

Краснокожий ударил себя кулаком в грудь.

— Мой привет тебе, Капитан Эш!

— Проходи к костру, устраивайся.

Пончик, конечно же, не сдержался и набил табачком калумет, подаренный Олегу вождём ирокезов.

Тайно с почтением принял трубку и вдохнул ароматный дым. Закашлялся с непривычки, побурел, но лицо сохранил — передал трубку Сухову, а тот пустил её по кругу.

— Как ты нашёл нас? Хотя о чём я спрашиваю...

Гуанакачири наметил улыбочку.

— Жители указывать путь,— сказал он,— а то место, где вы свернуть... сворачивать с дороги, не видно только ребёнок... ребёнку.

— Ну да,— фыркнул Шурик,— целый табун прогна-ли, считай! Угу...

— Как идёт твоя война, Гуанакачири?

Индеец закаменел лицом.

— Нас мало,— сказал он с горечью,— нас гораздо более мало, чем могло быть, ибо даже те, кто живёт и способный поднять копье, сдались. Скоро нас всех... поубивать. И на Гористом острове¹ оставаться жить одни испанцы... Что ж, такова наш... наша судьба. Ис-

¹ «Гористый остров» — Гаити — так называли Эспаньола аборигены.

панцы иметь верование в загробная жизнь... И мы постараемся, чтобы побольше-побольше кастильских собак иметь встреча со своими предками до срока!

Тут и трубка, почти уже выкуренная, вернулась к Гуанакачири.

Затянувшись, он выпустил струю дыма и продолжил:

— Капитан Эш, ты просил, чтобы мы находить тебя, если испанцы пойдут войной...

— Ага...— заинтересовался Олег.— Пошли, значит? Индеец значительно кивнул.

— Два капитана ведут две сотни и ещё полсотни солдат. Все они хотят твоей смерти.

— Много хотят! — фыркнул Сухов.— Но мало получают.

Последующие три дня подтвердили весть, переданную Гуанакачири,— испанцы стали на тропу войны.

Те самые два капитана привели своих вояк в Эль-Пуэбло-де-Сан-Педро-дель-Фуэнте-де-Сан-Джеронимо, и у жителей появилась масса причин сравнивать «любезных и порядочных пиратов» с разнузданными и грубыми солдатами.

А после началась игра в кошки-мышки.

Конные разъезды лансерос шмыгали по всей округе, выслеживая корсаров, а корсары то и дело беспокоили лансерос, нападая и тут же уходя, ибо вступать в сражение с воинством Руя Фернандеса де Фуэмайора и Франсиско Туррильо де Иельвы Сухов не собирался — пасть смертью героев не входило в его планы.

Тем более что он полагал истинным героизмом не гибель, а выживание в самых сложных условиях.

Умереть — легко, гораздо сложнее жить, нанося урон врагу.

Однако даже легендарному везению Капитана Эша положен предел.

Случилось так, что корсаров искусно заманили в ловушку, словно тех мустангов, загнанных в Конскую долину.

Сказалось незнание местности и численное превосходство испанцев — двое на одного.

Когда капитан де Фуэмайор со всеми своими лансерос погнался за командой «Феникса», Олег отступил в горы.

Он сплеховал в Крестной долине — она была названа так потому, что долин было как бы две, существующих в образе громадного перекрёстка.

Если бы Сухов тогда свернул налево, то он бы вырвался из теснин на плоскогорье, к засушливому плато.

Однако узкая зелёная долина, открывавшаяся по левую руку, была закрыта для корсаров — оттуда напирала конники капитана де Иельвы.

А путь направо был, мягко говоря, пересечённым — громадные обломки скал, осыпи и глубокие промоины представляли собой дорожку ноголомную и травмоопасную.

И Олег поскакал прямо.

А прямо открылась большая круглая долина с рощами деревьев и травянистыми лугами. Потом тропа увела корсаров на подъём между двух скальных гряд — и завела в ещё одну долину, замкнутую со всех сторон отвесными скалами. Тупик.

Конники покрутились-покрутились и поняли, что выход находится там же, где и вход. И он был наглухо закупорен.

Лансерос от души веселились, покидая сёдла.

Выстраиваясь в шеренги с готовыми к бою мушкетерами, они ожидали, что корсары попрут на прорыв.

Однако Сухов не стал их радовать.

Выставив мушкетёров оборонять узковатый проход, он поднялся на вершину скалы. Со стороны «их» долинки подъём был некрут и прост, но вот противоположный склон спадал отвесной и гладкой стеной, достигая высоты пятиэтажного дома. Не спрыгнешь!

Вытащив подзорную трубу, Олег пристально осмотрел все подходы, стараясь не маячить особо.

С внешней стороны, у подножия отвесных скал тянулся довольно широкий уступ.

Он уходил в сторону, сменяясь пологим травянистым откосом.

Испанцы на уступ даже не глядели, они были уверены, что корсары летать не умеют.

Два отряда уже располагались лагерем, вернее, лагерями — лансерос ставили шатры прямо напротив прохода в верхнюю долину, а бивак у солдат де Иельвы располагался чуть в стороне.

И это тоже было правильно.

Если корсары кинутся в атаку, лансерос встретят их залпом в лоб, а солдаты обстреляют с фланга...

— Хорошо устроились,— сказал Быков, подползая и плюхаясь на живот рядом с Олегом.

— Не высовывайся,— остерёг его Сухов,— я не хочу привлекать их внимание к скалам. Пусть думают, что и отсюда они отвесны.

— Ты что-то задумал? — быстро спросил его Яр.

— Доля моя такая,— усмехнулся Олег,— задумывать. Хиали!

Кариб подполз, двигаясь как ящерица.

— Ты у нас самый зоркий, тебе моя труба не нужна. Глянь. Видишь во-он ту рощицу?

— Моя видеть, — кивнул индеец. — Которая полосой?

— Да. За ней луг, там пасутся кони испанцев. Если, когда стемнеет, пройти по этому уступу во-он до того края, спуститься и двинуть через рощицу, в лагере нас никто не заметит — уступ высоко, а огонь костров близко.

— Сначала надо, конечно же, спуститься, — резонно заметил Акимов.

— И ты тут? Всё верно. Только зачем же у нас «на балансе» аж две кожаные риаты? В них, в каждой футов по семьдесят¹ как минимум, а тут до земли... ну пятьдесят будет. Это самое... Короче, как стемнеет, опускаем вниз троих-четверых, вместе с Хиали. Ты, — обратился Олег к карибу, — поведёшь их на луг. Ваша задача — убрать часовых, стерегущих лошадей. Потом спустятся все остальные, по очереди принимая груз, — каждый потащит своё седло, оружие и часть добычи.

— А наши лошади? — нахмурился де Жюссак.

— А лошади испанцев на что? — парировал Олег. — Оседлаем их породистых, а мустангов оставим. Ну-у не совсем... Я и Шанго уйдём последними — через проход...

Сухов коротко изложил свой план, и Виктор выдохнул:

— Шикарно! Только вас же и убить могут!

Олег пожал плечами:

— Могут...

¹ 70 футов — приблизительно 23—24 метра.

Подумаешь, дескать, невидаль какая. На войне как на войне...

В тропиках темнеет быстро — натикало шесть часов — и всё, будто кто свет выключил над Эспаньолой.

Подождав ещё немного, Сухов объявил «тихий прорыв».

Самую длинную риагу надёжно закрепили, и Хиали с подручными скользнул за край пропасти.

Вот дёрнулся кожаный трос, и вниз полезли мушкетёры.

И началось весьма и весьма муторное занятие — трое или четверо корсаров спускались вниз, на уступ, товарищи спускали им в руки сёдла, оружие и прочий груз.

Тройка или четвёрка уходила в ночь, спускались ещё трое-четверо, и весь процесс повторялся.

Следовало поспешать, скоро обещала выглянуть луна, но и торопиться со спуском не следовало, можно было ушибиться...

...Последними спускались Быков и Диего Мулат.

— Смотри,— проворчал Яр,— не балуйся, не зли испанских дядей, а то понаделают в тебе дырок...

— Уговорил,— улыбнулся Олег,— я буду примерным мальчиком. Давай топай отсюда. И не забудьте подать сигнал!

— Обязательно, командор,— кивнул Диего.— Ты... это... ну, в общем... Ну ты понял!

— Топай-топай...

Проводив друзей, Сухов вздохнул:

— Ну что, Шанго, ждём.

— Ждём, Оле.

Ожидание не затянулось.

Сколько ни вслушивался Олег, никакой стрельбы так и не услышал.

Неразличимый гомон накатывал со стороны испанских лагерей, доносились отдельные вопли и взрывы хохота.

«Веселитесь, веселитесь...»

— Огонь! — восторженно воскликнул Шанго. — Я видел огонь! Там!

Сухов всмотрелся. И впрямь!

На далёком склоне, южном склоне Круглой долины, затрепетал огонёк.

Потом ещё один, рядом. Они горели, словно два глаза неведомого чудовища.

Вряд ли испанцам они были видны — деревья застигли им обзор, а вот скалы поднимались выше леса.

— Слава богу, — вздохнул Олег облегчённо, — все живы-здоровы и верхом. Остаётся только нам к ним присоединиться...

А вот это было гораздо сложнее. Но попробовать-то можно?

— Где сухая трава? — спросил командор.

— Вот и вот. Много!

— Скручивай такие снопики, что ли, а я пока разожгу костерок...

Сухов замыслил устроить стампиду.

Обычно этот фокус проделывают со стадом коров — напугают животных криками, выстрелами и огнём, и те, мыча от ужаса, скачут галопом, сметая всё на своём пути.

Коров под рукою не было, зато имелся табун мустангов, а эти от природы пугливы.

Вскочив на своих коней, единственных нерассёдланных, Олег с Шанго переглянулись.

— Это самое... Начали! — скомандовал Сухов, и чернокожий взревел во всю мощь своих необъятных лёгких.

Выстрелив из флинтлока, Олег добавил пальбой из пуфферов, а потом в ход пошла горящая трава.

Мустанги словно с ума сошли — мечась, храпя, издавая дикое ржание, они кинулись к единственному выходу из западни, благо взошла луна и осветила путь.

И вот четыре с лишним сотни обезумевших лошадей лавиной вынеслись в Круглую долину.

Испанцы, не ожидавшие, что корсары пойдут на прорыв ночью, малость замешкались, но мушкеты схватили быстро.

Однако кони были ещё быстрее...

Животные, невзвидя света, мчались прямо на лагерь лансерос. Человек двадцать испанцев всё-таки выстрелили, но большая часть бросилась врассыпную, спасаясь от копыт.

Отбежав, они открыли огонь, ещё сильнее пугая мустангов, иные из коней уже визжали, несясь в ночь ополоумевшим комком мышц.

Стройным залпом встретили табун солдаты де Иельвы.

Наверное, с десятков мустангов покатались по траве, окончательно сводя с ума остальных.

Спасаясь от обстрела, Олег перевесился на бок, прячась за конём. Может, пуля шальная и просвистела над ним, да только как узнать об этом в таком-то гаме?

Табун прошёлся по лагерю живым катком, топча костры, палатки, людей.

Всё произошло так быстро, что Сухов и не заметил, как опасное скопище людей осталось у него за спиной.

Безумная скачка взвинтила нервы до предела, а мустанги, на которых скакали Олег и Шанго, лишь потому не поддались общей панике, что чувствовали на себе седоков.

Это их успокаивало, хотя оба скакуна храпели от страха и задирали головы.

Со стороны разгромленного лагеря доносились выстрелы, криков за гулким топотом было не расслышать.

Вскоре Сухов начал помаленьку успокаивать своего коня. Покидать табун не пришлось, тот и сам рассеялся — мустанги разбежались кто куда, лишь бы подальше.

Остановив коня, Олег закрыл глаза и откинул голову лицом к небу. Надо было побыть полминутки в бездумье, глубоко дыша, вбирая в себя запахи ночного леса, вслушиваясь в удалявшийся топот мустангов, улавливая суматоху позади.

Да-а... Встряска та ещё.

Адреналин чуть ли не пенился в жилах, на языке чувствовался металлический привкус опасности. Дрожь пробегала по телу.

«В задницу такой экстрим!» — подумал Сухов.

Покрутив шеей из стороны в сторону, разминая мышцы, он открыл глаза и глянул на Шанго. Чернокожий восседал на своём могучем коняке, как бронзовое изваяние.

— Поехали?

Немного погодя Осаи-Окото медленно кивнул — и для него стампида даром не прошла.

— Поехали, Оле.

Искать лагерь корсаров не пришлось — с десятков конников крутилось по лугу, поджидая своих товарищей.

Первым Олега с Шанго заметил Кэриб.

Издав ликующий вопль, он бросился навстречу капитану, отчего Диего и промахнулся, не достал с такою педагогической мерою, как подзатыльник.

Вскоре корсары окружили своего командира, шумно делясь впечатлениями.

— Ух, как мы их!

— Лошадей жалко...

— Ничего! Зато сколько они перед смертью голов и ребёр перетоптали!

— И не говори! Любо-дорого.

— Как же этот табун нёсся, а?! Угу... Как лава! Как лавина!

— Шикарно!

— Ёш-моё! Всё порасшвыряли, в землю вогнали! Сила!

— Силища!

— Хиали! Всех лошадей увели?

— Почти, командор. На одних уезжать, других разгонять.

— Ну и правильно... Сейчас испанцам дня два придётся только лошадок отлавливать. Да и то вряд ли им удастся отловить хотя бы половину наших мустангов.

— Моя думать — испанцам удаваться. Мы угонять лошади лансерос, лошади солдат пастись на другой стороне долины.

— Пустяки, Хиали. Даже если испанцы будут настолько глупы, что пустятся в погоню лишь половиною своих сил, мы уже в выигрыше. Захотят драки? Да ради Бога! Встретим как полагается, будет кого хоронить.

— Шикарно!

— Ладно... Все здесь?

— Все-e!

— Никого не забыли?

— Никого-о!

— Всё навьючили?

— Всё!

— Тогда вперёд, пока светит луна!

И корсары, оживлённо переговариваясь, хоть и будучи настороже, двинулись рысью по дороге, выбеленной лунным сиянием.

Уже на выезде к главной дороге примчался дозор, высланный Олегом вперёд.

Возбуждённый Ксавье Горбун сообщил, что им навстречу двигаются индейцы под водительством Гуанакачири.

Два отряда остановились, не смешиваясь, зато их командиры съехались.

— Приветствую тебя, мой краснокожий брат! — сказал Сухов безо всякого пафоса.

— И тебе мой привет, бледнолицый брат!

— Там, — Олег показал себе за спину, — в Круглой долине, мы оставили две с лишним сотни испанцев. Сейчас у них много раненых и убитых, а лошадей мало. Ночь коротка, но её времени хватит, чтобы отменно повеселиться!

— Тогда мы поспешим, — сказал Гуанакачири с нетерпением.

— А мы вас прикроем с тыла!

И оба отряда порысили вместе. Веселиться...

...В середине дня солнце припекало, поэтому мало кто имел неосторожность прогуливаться по улице Эль-Кондэ, что пересекала улицу Дам.

Те же, кто наблюдал за повседневной жизнью Санто-Доминго, укрывшись в тени, мог наблюдать за любопытным зрелищем.

По булыжной мостовой цокали копытами с десятков лошадей буланой масти, несущих на себе суровых видом лансерос.

Впереди отряда, на белом коне, ехал кабальеро в камзоле и коротких штанах из тёмно-синей, почти чёрной тафты и в того же цвета шляпе с плюмажем из страусиных перьев.

И плюмаж, и кружева на костюме были ослепительно-белыми, а позументы — серебряными.

Выехав на улицу Дам, кавалькада свернула к «Лас Касас Реалес». Некий седобородый потомок первых конкистадоров созерцал её проезд, нахохлившись в короткой тени, отбрасываемой стенами дома Эрнана Кортеса.

Старик отметил чеканный профиль кабальеро, чьё лицо, загорелое и обветренное, было отмечено печатью Каина,— этот человек немало врагов свёл в могилу, да и друзей схоронил не одного-двух.

Роскошная золочёная шпага на драгоценной перевязи и перстень с огромным бриллиантом не обманули седобородого — наверняка все эти штучки не с базара, не трудами нажиты и не уловками купеческими...

А Олег Сухов — именно так звали кабальеро — проехал до самой резиденции губернатора и президента аудиенсии Эспаньолы.

Там все дружно спешили, затянули поводья на гладкой коновязи и неторопливо поднялись по лестнице.

— Стражу снять,— бесстрастно скомандовал Олег, не поворачивая головы.— Жак и ты, Франсуа, займёте их место.

Названные не ответили ему — зачем? Приказ они слышали...

Часовые на входе в аудиенцию замешкались было, не зная, пропускать ли идадьго в чёрном, задержать ли, но одного ледяного взгляда им хватило, чтобы понять: с таким лучше не связываться.

Вскоре, получив дубинкой по голове, дозорные «убедились» в этом окончательно.

Туфли Сухова с пряжками, украшенными камнями, зацокали подковками по каменному полу.

В темноватом коридоре держалась приятная прохлада.

Умеют строить испанцы — мавры научили.

— Диего и ты, барон, — проговорил Олег, — смените этих.

Двое верзил, охранявших покой губернатора, сочли, что, раз уж наружная охрана пропустила кабальеро в чёрном, стало быть, ему положено, — и расступилась.

На короткие тупые удары и протяжные стоны, раздавшиеся за его спиной, Сухов не обратил ровно никакого внимания.

Кабинет, в который он вошёл, был велик и светел.

Обшитый деревом до половины, с монументальной мебелью, с гигантским глобусом в бронзовых кольцах, он представлял собой стандартное убежище высокопоставленного вельможи, отправленного в колонии блюсти интересы короны — и не забывать о собственных шкурных хотениях.

Толстяк, восседавший за огромным столом, был схож с устным описанием губернатора, но Олег счёл нужным подстраховаться:

— Я имею честь видеть дона Габриэля де Чавеса-и-Оссорио? — сказал он с лёгкой улыбкой, в которой

тепла было не больше, чем у снеговика, коему нарисовали весело изогнутый рот.

— Кто вы такой, сеньор? — нахмурился губернатор, следя за тем, как его незваный гость устраивается в кресле напротив, снимая с себя шляпу и небрежно швыряя её на кушетку.

— К чему эти скучные подробности, дон Габриэль? — протянул незнакомец. — На улице сущее пекло, а вы лезете со своими вопросами. Впрочем, пусть будет по-вашему. Позвольте представиться: Олегар де Монтиньи, командор. — Его губы дрогнули. — Ныне временно исполняю обязанности корсара его величества. Индейцы зовут меня по-разному — Длинным Ножом или Капитаном Эшем. Выбирайте, что вам больше нравится.

Губернатор вылупил глаза:

— Капитан Эш?! Пресвятая Богородица! И вы набрались нахальства явиться в покои губернатора?

— А что делать? Ведь у вас не хватило бы нахальства или хотя бы элементарной храбрости, дабы явиться ко мне. Так что... Пришлось первому засвидетельствовать вам своё почтение. Эй, а что это вы так в лице переменились? Ладно-ладно! Успокойтесь! Не испытываю я к вам ни малейшего почтения. И вообще, хватит болтовни, у меня к вам дело...

— Стража! — взревел дон Габриэль, вскакивая из-за стола.

Сухов поморщился.

— Сядьте, — сказал он недовольно, — пока я не приказал вас связать.

— Вы?! Меня?!

— Совершенно верно, я — вас.

Ледяной тон убедил губернатора, что так и будет.

Он медленно опустился, испытывая унижительную беспомощность.

— Так-то лучше,— кивнул Олег.— Итак, как я уже упоминал, есть дело. Мне уже порядком надоела здешняя твердь, хочется, знаете ли, на морской простор. Я уже присмотрел себе неплохой флейтик, он стоит в здешнем порту и называется «Сан-Антонио». Название — так себе, я флейт потом переименую... мм... Ну, скажем, в «Эль-Тигре». Вам нравится? Нет? Хм, странно... Вроде бы вполне красиво. Ну ладно. Что требуется от вас, сеньор? Да ничего особенного. Просто, видите ли, я опасаюсь, что канониры из форта могут неправильно меня понять. Откроют огонь, повредят корабль... Могут быть жертвы. Вот вы их и убедите, этих пушкарей, вести себя смирно. Задача ясна? В таком случае не будем засиживаться.

Упруго поднявшись, Сухов вернул на голову шляпу и посмотрел на губернатора несколько удивлённо.

— А вы чего сидите? Поднимайтесь-поднимайтесь...

— Что? — прохрипел дон Габриэль.— Зачем?

— Проедемся немного.

— Куда?

— В порт, любезный сеньор! В порт! Давайте-давайте, пошевеливайтесь.

В качестве убеждения Олег достал флинтлок.

— Ну? Я долго буду вас ждать? На выход!

Выйдя в коридор и убедившись, что Капитан Эш не блефует, губернатор уял.

— Диего,— распорядился Сухов,— вели, чтобы подавали карету. Сеньор де Чавес-и-Оссорио кататься желает!

Слуги, мало что разумея, мигом подали карету.

Олег проводил дона Габриэля к экипажу, усадил его и пристроился рядом.

— Трогай!

И карета покатилась по улице Дам. Десяток лансерос двинулись следом.

Картина эта ни у кого не вызвала даже тени подозрения — ну выехал губернатор, стало быть, так нужно.

За воротами Сан-Диего, на пристани, Олег велел кучеру свернуть налево, к причалу, где был пришвартован новенький флейт с двадцатью пятью железными пушками на палубе.

Даже его свёрнутые паруса белели свежестью — кораблю и двух месяцев не исполнилось.

На корме сияли буквы, складывавшиеся в название: «Сан-Антонио».

Заметив губернатора, капитан корабля быстренько сошёл на берег.

— Сколько людей на корабле, милейший? — обратился к нему Сухов.

— Пятеро, сеньор, — несколько растерялся офицер, переводя взгляд с губернатора на корсара и обратно.

— Прикажите им покинуть корабль, — с любезной улыбкой велел Олег.

— Но, сеньор...

Улыбаясь по-прежнему, Олег приставил дуло пистолета к подбородку де Чавеса, заставляя того судорожно сглотнуть.

— Если вы не поторопитесь, я размозжу голову этому кабальеро.

Капитан развернулся, как ужаленный, и кинулся на борт флейта.

— Хорхе! — вскричал он. — Винченцо! Риккардо! Фидель! Лопе!

Как только матросы сошли на берег, Сухов подал знак, и к «Сан-Антонио» потянулась цепочка грузчиков — это были корсары, отягощённые оружием, припасами и добычей.

— Капита-ан... — протянул Олег, обращаясь к бывшему командиру корабля.

— Капитан Состенес, сеньор!

— Не будете ли вы так любезны, сеньор Состенес, передать коменданту форта письменный приказ губернатора? Памятуя, разумеется, что в противном случае я отправлю дона Габриэля в пекло.

— Д-да, — выдавил капитан.

— Вот и отлично...

— А г-где приказ?

— Сейчас будет. Яр, бумагу взял?

— Всё тут, прямо из аудиенсии!

Устроив губернатора, Олег протянул ему перо и продиктовал приказ.

— Дата. Подпись. Печать у вас с собой, дон Габриэль?

— Вот! — сказал Быков. — Ёш-моё...

— Отлично...

Придавив печать и посыпав текст песочком, Сухов сдул его и протянул приказ капитану Состенесу:

— Прошу вас. Можете воспользоваться любой лошастью.

Проводив глазами торопившегося капитана, Олег обернулся к губернатору, оплывавшему страхом и отекавшему потом.

— Кстати, о лошадях, — бодро сказал он. — Мы вам оставляем больше сотни коней, а они стоят денег.

— Сколько? — смирился де Чавес.

Сухов назвал сумму. Губернатора передёрнуло, но сегодня был не его день.

— Или давайте сделаем иначе, — передумал Олег, мило улыбаясь. — Диего, список!

Мулат подскочил, протягивая капитану бумажку. Сухов передал её дону Габриэлю.

Губернатор мрачно воззрился на чёткую пропись.

— Четыреста буханок хлеба, — забормотал он, вычитывая недлинный список, — сорок шесть бушелей кукурузы, сто тридцать кувшинов оливкового масла, десять бочек сухарей, шестьсот головок сыра, одна бочка муки и двести кур... Это всё?

— Всё, сеньор! — бодро ответил Олег. — Мясом и солониной мы запаслись, вино имеется, а потребности у нас скромные. Не брать же с вас серебром! Тем более что мы уже взяли золотом...

Злым голосом губернатор подозвал к себе алькальда порта, топтавшегося поодаль, изображая при этом статую «Недоумение».

Получив приказ, алькальд попытался было воспротивиться, но де Чавес-и-Оссорио так вызверился на него, что тот помчался вприпрыжку.

Вскоре мешки с хлебами, корзины с кукурузой и прочие припасы отправились на борт «Эль-Тигре».

Негры-грузчики дико вращали белками глаз, то ли страшась пиратов, то ли восхищаясь ими.

А тут и гарнизон форта явился, да не с пустыми руками — полсотни бочек с порохом да сетки, вязанные из толстых верёвок, полные ядер, как авоськи мандаринами.

— Благодарю вас, сеньоры, — поклонился Олег. — Вы пока постоитте тут, составьте компанию губернато-

ру. А мы пока освободим *ваши* телеги от *наших* грузов.

Перевалка боеприпасов не заняла много времени, и Сухов взошёл на палубу флейта.

— Дон Габриэль,— сказал он бархатным голосом,— прошу пожаловать на борт.

— 3-зачем? — прохрипел губернатор.

— Совершим небольшую увеселительную прогулку. Живее, живее, сеньор.

Де Чавес протопал по сходням на негнущихся ногах.

— Отдать швартовы!

Строй мушкетёров держал «провожающих» под прицелом. Олег искренне улыбнулся:

— Это так приятно, когда тебя провожают,— и командовал: — Поднять паруса!

Устойчивый ветер с норд-оста надул ветрила, натянул снасти.

«Эль-Тигре» довольно-таки проворно пересёк гавань Санто-Доминго и вышел в открытое море.

Без особых почестей высадив заложника на спущенную шлюпку, Сухов помахал ему на прощание.

Вероятно, в тот самый день дон Габриэль побил все свои личные рекорды по гребле, бегу и ругани.

Он кричал, сыпал проклятиями и приказами, требуя немедленно доставить из арсеналов порох и ядра, зарядить пушки и потопить проклятых пиратов.

Увы, как ни бегай, а попутный ветер не обгонишь — «Эль-Тигре» ушёл в море.

Глава 14, *в которой Олег двигает прогресс*

1

Карибское море, острова Невис и Сент-Кристофер

Если верить календарям, лето минуло, но в Вест-Индии неразличима грань между августом и сентябрём — всё так же ярко светит солнце, всё такая же теплынь и жарень.

Генерал-капитан дон Хуан Фадрике де Толедо-и-Оссорио горделиво пыжился на шканцах «Нуэстра Сеньора дель Пилар-и-Сантьяго».

Вся его Армада Эспанья, могучий флот южных морей, следовал к Наветренным островам, построившись в три колонны — тридцать пять галеонов и четырнадцать навио.

Тридцать шестым, затесавшись между «Сан-Николас де Толентино» и «Сантиссима Тринидад», шёл «Чёрный гранд» дона Альберто де Корона.

Дон Хуан аж залюбовался открывшейся ему картиной.

Красота-то какая! Силища! Мощь!
— Любуется?

Генерал-капитан повернулся всем телом в сторону говорящего.

— Любуюсь, дон Альберто. Мою загрубелую душу вояки всегда трогал вид множества кораблей, над которыми полощется испанский флаг!

— Понимаю,— де Корон изломил тонкие губы в скользящей усмешке.

— А почему вы не на палубе «Чёрного гранда»?

Дон Альберто снова улыбнулся.

— Отсюда будет лучше видно, дон Хуан. К тому же я понимаю, что «Чёрный гранд» для вашей армады — так, сбоку припёка. Смотрите, генерал! Ваши галеоны будут наносить удары по еретикам, а навио станут принимать в свои трюмы добычу. Не кажется ли вам, что мой галеон — тридцать шестой лишний?

Де Толедо-и-Оссорио добродушно усмехнулся:

— Сила никогда не бывает лишней, дон Альберто. Скажите... Вы действительно расположены к Испании?

— Станный вопрос, дон Хуан,— насторожился Горн.

— Нисколько,— сказал генерал, сохраняя благожелательность.— Я же понимаю, что вы использовали корабли моей Армады для того, чтобы схватить Капитана Эша. Нет-нет, дон Антонио, я ни в чём вас не виню, тем более что ваше тогдашнее желание вполне совпадало с моим собственным. Просто... Хм. Вы — человек таинственный, и те слухи, те отрывочные известия, что доходят до меня, позволяют говорить о вас, как... Как о ком, дон Альберто? Я не хочу думать о вас хуже или лучше, поверьте. Мне дорога наша дружба, и я бы желал не мнить вас кем-то, а знать точно или хотя бы догадываться о ваших намерениях. Чего вы хотите, дон Альберто?

Горн похолодел. Плоховато он просчитал генерала, плоховато... Дон Хуан оказался куда умнее, чем казался.

Если подумать, то малая толика откровенности не повредит.

Ну о планах присоединения к его будущей империи земель Новой Испании умолчим, а прочее...

— Я всегда, дон Хуан, желал одного и того же — власти. Ныне я могу скромно признать, что владею душами колонистов Новой Англии, Новой Франции и Новых Нидерландов. Осталось завладеть их телами, хе-хе...

Глазки у генерал-капитана загорелись.

— Понимаю-понимаю... — протянул он. — И даже не спрашиваю, какую именно корону вы примеряете, дон Альберто. Что ж, можете править еретиками, Испании сие не во вред. Вот только время...

Альберт фон Горн кивнул.

— Да, дон Хуан, годы идут, а мы не молодеем. Скажите, сколько мне лет, по-вашему?

— Ну-у... — задумался де Толедо-и-Оссорио. — Лет пятьдесят пять? Шестьдесят?

Фон Горн улыбнулся:

— Мне тридцать восемь, дон Хуан.

— Не может быть!

— Может-может... Я поседел, когда мне не исполнилось и двадцати пяти. И ныне мои морщины хорошо скрывают крепость и здоровье. Поверьте, это очень удобно — казаться своему врагу более дряхлым, чем ты есть.

— Понимаю...

Тут на четвертьдек взбежал капитан Мартин де Валенсия:

— Земля, сеньор!

Испанская Армада приблизилась к острову Невис. Энтони Хилтона, избранного поселенцами губернатором, на месте не было — он находился в Лондоне, всячески обхаживая графа Карлайла.

За него управлялся капитан Валетт и брат Хилтона, Джон, «кладовщик и главный пушкар Невиса».

На рейде покачивалось пять флейтов разных размеров, и генерал-капитан с ходу объявил их пиратскими. Стало быть, подлежащими захвату и ограблению.

Команды флейтов забегали как ошпаренные, пытались быстренько поднять якоря и смыться, но это у них плохо получилось.

Уйти удалось лишь одному из кораблей — матросы на его палубе сообразили быстрее всех, чем грозит испанский флот, и увели флейт к Сент-Кристоферу, под защиту орудий форта в Бастере.

«Нуэстра Сеньора дель Пилар-и-Сантьяго» величественно развернулась, словно красуясь, и в этот самый момент раздался залп со стороны маленького, хиленького форта, выстроенного на мысе Пеликан.

Пушек у этой занятой крепостцы имелось всего две, да и те едва ли можно было назвать артиллерийскими орудиями, но случай здорово помог британским канонирам.

Испанский галеон «Хесус Мария» застрял на мели как раз перед фортом, и оба ядра пробили ему борт.

Полуголые англичане прыгали, как черти, вокруг своих пушек, орудуя банниками и прочими причиндалами.

Залп с «Хесус Марии» лишь взбил фонтаны песка на пляже, а вот орудия форта рывкнули в унисон, словно озвучивая попадания.

Капитан Антонио де Окендо, спасая команду галеона, подогнал свой «Пуэрто Кристиано» к берегу и высадил солдат.

Испанцы, паля из мушкетов и размахивая шпагами, живо захватили форт.

Дон Хуан, набычившись, стоял на четвердеке, наблюдая за коротким боем. Кривая усмешка дёргала его губы.

Дождавшись белого флага, он успокоенно вздохнул. Парламентёром англичане послали Джона Хилтона. Генерал-капитан принял его на палубе флагмана.

Ну не в каюту же приглашать этого голодранца!

Выслушав сбивчивые слова Хилтона, дон Хуан кивнул снисходительно.

— Я христианин,— сказал он с внушительным лицемерием,— а посему мне претит проливать кровь, даже если она течёт из жил еретиков. Поэтому решение моё таково: я оставляю вам два флейта, вы грузитесь на них и проваливаете отсюда!

— Мы согласны! — быстро согласился главный пушкарь.

— Да будет так! — величественно заключил дон Хуан Фадрике де Толедо-и-Оссорио.

Когда Армада Эспанья оказалась в виду Сент-Кристофера, на берегу забежали так же, как и давеча на Невисе.

Селение Бастер не впечатляло изысками зодчих — это было разношёрстное скопище домов, часто походивших на хижины. Добротных зданий, достойных называться жилищем уважающего себя человека, насчитывалось совсем мало.

«Сейчас их будет ещё меньше», — подумал дон Хуан и дал знак канонирам.

«Нуэстра Сеньора дель Пилар-и-Сантьяго» вздрогнула от кия до клотика, тугой грохот ударил, раскалывая воздух.

За всклубившимся облаком дыма не разобрать было, к каким последствиям привёл залп, но вот клубы рассеялись, и всё стало видно.

Пара домишек сложилась, как карточные, кое-где занимался пожар, дымились воронки.

Прогрохотали пушки «Сан-Николас де Талентино», добавляя разрушений и суматохи.

И лишь сейчас заговорили орудия Форт-Пьера, крепости из глины и дерева, выстроенной для защиты Бастера.

Пушкарями командовал Урбан де Руассе, французский корсар и сподвижник Пьера Белена д'Эснамбюка, основателя колонии Сен-Кристоф.

Тридцать с лишним кулеврин хорошенько врезали испанцам, обломив бушприт «Сан-Николасу», пробив борт над самой ватерлинией у крутобокого навио «Нуэстра Сеньора де Росарио». Навио стал крениться, принимая воду в трюм.

Картечь выкосила человек десять на палубах больших галеонов, и это всерьёз обозлило испанцев.

«Нуэстра Сеньора де ла Виктория», «Сантиссима Тринидад», «Сантана Майор» и «Сан-Пабло» по очереди проходили водами бухты, обрушивая на форт тяжёлые ядра.

Отличился и галеон «Чёрный гранд» — вместе с двумя трофейными голландскими флейтами «Фортуна» и «Дельфин», захваченными испанцами на Невисе,

он обстрелял три корабля, бросивших якорь в заливе Бастер, и взял их на абордаж.

Добыча была поделена по всем правилам, и капитан де Корон прибавил к своей флотилии ещё один корабль — французский пинас «Ла-Рош».

Полуразрушенный Форт-Пьер всё ещё сопротивлялся, но огонь его пушек слабел. По испанцам били всего десяток орудий, а потом и они затихли — то ли порох весь вышел, то ли ядер не осталось.

А вскоре изрядно перетрусивший Эдвард Уорнер замахал с берега белым флагом.

Большой отряд французов ушёл в леса, не собираясь подчиняться надменным испанцам, а с оставшимися разговор был короток: вон отсюда!

И кто бы спорил под дулами пушек?..

2

Эспаньола, бухта Гонав

Покинув Санто-Доминго, Олег направил «Эль-Тигре» на запад, к бухте Гонав.

Разумеется, не тамошняя чистая вода влекла его, а возможность встретиться с «Симургом».

Без толку крейсируя по морю, двум кораблям никогда не встретиться. Надо или договариваться о рандеву в определённой точке, или следовать к тому месту, где обычно встречались ранее.

Так Сухов и поступил — бухту Гонав они посещали уже раза четыре до этого, был смысл прибыть и в пятый.

Авось и наведается Моллар, когда забеспокоится.

Ведь забеспокоится же?

Флейт, совсем недавно сошедший со стапелей в Барселоне, был ладен и довольно скор.

Обогнув мыс Тибурон, «Эль-Тигре» направился к знакомому острову, названному в честь залива.

Или залив назвали в честь острова Гонав? Ясности нет.

А, лишь только глазам корсаров открылся этот самый залив, они заметили лёгкий навио, скользивший впереди.

Это был парусно-гребной галиот, полугалера с грот-мачтой и маленькой бизанью.

Метров тридцати в длину, кораблик нёс на палубе четыре пушки, а вот надстроек не имел. Чёрный низ, синий верх.

Олег оглянулся и поманил Ярослава.

— Как тебе этот кораблик?

Быков критически посмотрел на галиот, словно находился в автосалоне и выбирал себе транспортное средство.

— Маловат... — протянул он. — И мелковат...

— Балда, — улыбнулся Сухов. — А на чём ты будешь по Ориноко подниматься? Галиот — самое то, и вёсла есть, и парус.

— Вот тут ты прав!

Олег кивнул и скомандовал Шурику:

— Понч! Как станем обходить, кинь ядро перед носом галиота!

— Кину! Угу... Швырну, аж брызги полетят.

Когда флейт поравнялся с галиотом, окрещённым весьма изысканно: «Синяя чайка», бабахнула носовая пушка с «Эль-Тигре».

Ядро просвистело и упало в воду по курсу «Синей чайки». Подобное предупреждение было знакомо

любому мореходу, и экипаж галиота не был исключением.

Вот только поведение моряков Олегу показалось странноватым — команда в панике попрыгала за борт и резво поплыла к недалёкому берегу острова.

— Ёш-моё! Чего это они? — изумился Быков.

— Готовятся к чемпионату по плаванию, конечно же, — высказал свою версию Акимов.

— Диего, — скомандовал Сухов, — подваливай к этой птичке. Мушкетёры, готовься!

Флейт мягко подвалил, с медвежьей грацией пихая галиот.

Кранцы смягчили касание, не позволяя щепить доски, корсары живо соскочили на палубу «Синей чайки» — та лежала куда ниже — и лохматыми канатами быстренько стянули два корабля.

И лишь тогда из кормовой каютки поднялся шкипер — маленький, щупленький, но совершенно невозмутимый.

Пыхая трубкой, зажатой крепкими зубами, он дождался, когда сам Олег спрыгнет на его корабль, и спокойно поинтересовался:

— Это морской разбой?

— Вроде того, — любезно ответил Сухов и оглянулся. — Это самое... Вы один?

— Нет, со мной остался кок и штурман. Кок не умеет плавать, а штурман пьян со вчерашнего дня.

— Вопрос ясен. Тогда не объясните ли мне, отчего остальная команда так резво подалась к берегу?

Шкипер вынул трубку изо рта и ответил:

— Трусы они.

— Боятся пиратов?

— Боятся, что пираты начнут стрелять. Наш трюм забит порохом.

— Ах, вот оно что... Понятненько. Как вас зовут?

— Серватиус ван Схоппе, к вашим услугам.

— Голландец?

— Да, я родом из Амстердама.

— Откуда и куда везли порох?

— Из Картахены в Сантьяго-де-Куба.

— Что же делает голландец на испанском корабле? Серватиус пожал плечами.

— Ну вы ведь тоже не на французском корыте ходите, Капитан Эш.

— Ты уже стал звездой! — шепнул Быков.

Олег усмехнулся.

— Ладно. Диего! Десяток матросов сюда, со швабрами, и Кэриба! Хлев на палубе!

Корсары, похохатывая, попрыгали вниз и принялись наводить порядок — за своим-то чего ж не поухаживать?

Канаты, придерживавшие «Синюю чайку», вернулись на флейт, и два корабля двинулись дальше одним курсом.

Кончился день, минула ночь. Охотники вернулись с недалёкого берега Эспаньолы, притащив туши одичавших коров, водоносы приволокли бочки с чистейшим родниковым питьём.

Олег как раз переваривал жаркое, нежась в тени, когда его послеобеденное *dolce far niente*¹ нарушил приход Акимова.

¹ С итальянского — «сладкое ничегонеделание».

— Так и стой,— разморенно сказал ему Сухов,— солнце заслоняешь...

— Олег, слушай... Шкипер-то, оказывается, знатный столяр, кузнец, слесарь и так далее. У него, конечно же, и станок есть, и всякие инструменты... Шикарно!

— И что? Хочешь наладить производство матрёшек?

— Не матрёшек, конечно же. Бомб.

Капитан внимательно посмотрел на учёного.

— Ты серьёзно?

— Совершенно! Шкипер — тот ещё креативщик! Видел, какая у него пушка на баке?

— Так это пушка?

— Да! Настоящая карронада — ствол короткий, но ядро в тридцать два фунта только так закинет, конечно же, причём прямой наводкой. Но ядро — это пустяк, а вот бомба... Нам бы с Серватиусом только чугунные оболочки отлить, а остальное — дело техники!

— Им бы с Серватиусом...— хмыкнул Олег.— И с ха-арошей БЧ¹?

— Ну конечно же! Чёрного пороху — до фи́га и больше, запалы я сделаю.

— Хм... А не боишься, Румата наш Эсторский, что получится анахронизм?

— Оле-ег,— снисходительно протянул Виктор,— лет через тридцать бомбические орудия всё равно появятся.

— Уяснил. Проникся.

— Нет, я понимаю, конечно же, что инициатива наказуема, но... Понимаешь, в отливке бомбы — в оболочке её, конечно же,— будут утоплены два полуколь-

¹ БЧ — боевая часть.

ца — за них бомбу надо цеплять и в дуло. А ты, я знаю, был кузнецом...

— Ах, вот оно что...— затянул Сухов.— А я-то думаю, чего он всё вокруг да около, металлург ты наш! А он своего командира, своё непосредственное начальство запрячь хочет.

Акимов потупился.

— А железо я тебе где возьму? Это самое... И кузню заодно?

Виктор тут же воспрял.

— Всё есть, конечно же! — с жаром заверил он непосредственное начальство.— У нашего шкипера на галиоте целая мастерская!

— Я уже заметил, что Серватиус с прибабахом,— вздохнул Олег.— Ладно, старче, топай отсюда. Будет тебе бомба...

Если честно, Сухов даже рад был новому занятию. Всё ж таки не на месте сидеть, под солнцем млеть. Скукота же!

А тут дело. Важное. Повышение обороноспособности, как-никак.

Надобно сказать, что Олег всегда побаивался тяги к прогрессорству, которая жила и в Пончике, и в нём самом.

В самом деле, разве не сумели бы они построить ту же паровую машину в эпоху викингов? Сумели бы.

Пусть не в Альдейгьюборге, а в Константинополе, но смогли бы, тем более что механиков ромеи дюже уважали.

Вон Лев Математик светотелеграф провёл чуть ли не через половину империи.

Инженер Каллиник изобрёл сифонофор для метания «греческого огня». Короче говоря, «прогрессоров» хватало.

Вот только опасение сразу брало Олега: а не изменит ли его «микроскопическое воздействие» историю?

Не станет ли будущая, родная ему реальность иной? Страшно...

Ведь нету у человечества весов, на которых можно было взвесить зло и добро, исчислить пропорцию горя и радости.

Забавным было то, что сам Сухов с удовольствием читал всякую «альтернативку», где «попаданцы» лихо меняли ход событий, привнося технические новинки, мешали исторической личности или, наоборот, помогали, в зависимости от того, чего эта самая личность хотела добиться.

Но вот когда сам заделался «попаданцем», охота к великим переменам попригасла.

Капитан усмехнулся, вспомнив, как варяги прозвали его Вещим, и он возомнил себя тем самым Олегом, который «збирается отмстить неразумным хазарам».

Слава богу, оказалось, что истинного воеводу Рюрика звали Халег Ведун...

Потом, когда его перекинуло лет на ...дцать вперёд, в X век, он там подзадержался.

Освоился, в рост пошёл, но толкать прогресс под микитки даже и не думал. Да и некогда было ерундой заниматься.

Хотя... Тут вопрос даже не в самой возможности устроить ненужную и опасную для будущего «альтернативку».

Всё дело в приоритетах, что ли.

Какая ему разница, кто в Новом Свете кого задавит — Испания Францию или наоборот? Оба королевства ему одинаково безразличны.

Париж чуточку ближе, но лишь потому, что в памяти остаётся французское кино с Пьером Ришаром, Луи де Фюнесом, Бельмондо и Аленом Делоном. Ну и с Брижит Бардо, разумеется.

Он, случается, напевает песни Джо Дассена, постоянно на ум приходят строки Дюма-отца.

Но убери эту чисто культурную и весьма выборочную связь, и ничего же не останется в душе.

А если его угораздит попасть на Гражданскую войну?

Он что, не поможет Колчаку объединиться с Деникиным?

Не поддержит Врангеля в необходимости штурма Царицына или наделения крестьян землёй не потом, после победы, а сию минуту? Поддержит!

И у Каледина револьвер отберёт, чтобы не стрелялся, и Корнилова убережёт, и Маркова прикроет. И Дроздовскому вколет пенициллин, чтобы спасти от смерти.

Если сможет...

Естественно, чтобы добиться лучшего исхода в Гражданской или, скажем, в Русско-японской войне, ему пришлось бы хорошо поработать локтями, пробиваясь на самый верх, поближе к императору или верховному правителю, но ему ли привыкать к подобным упражнениям?

Ему, магистру, багатуру, кесарю и прочая, и прочая, и прочая?

А коли судьба-мерзавка закинет его в 41-й?

В то самое лето, когда немецкие танки попрут на СССР?

Что, он тоже будет осторожничать, пугаясь изменения реальности? И кем его тогда можно будет назвать?

Олег усмехнулся. Он прочёл целую серию книг, построенных по одной и той же схеме, — «попаданец» оказывается в 1941-м, воюет, налаживает контакты с самим Сталиным, выкладывает вождю своё послезнание — и Великая Отечественная мало-помалу меняет своё течение.

Немцы не доходят до Сталинграда, и ленинградская блокада снимается прежде, чем Таня напишет свой дневник, зато победители распишутся на Рейхстаге годом раньше.

Разве он не хочет этого? Разве не выложит всё сам Иосифу Виссарионовичу?

Да он наизнанку вывернется, лишь бы нашим помочь!

И не стояло бы перед ним проблемы выбора, «он себе уже всё доказал»...

Печь-вагранку для переплавки чугуна соорудили на берегу, под чутким руководством Серватиуса, а маленькая кузница у Схоппе на корме галиота наличествовала, в тесных подпалубных помещениях.

В принципе, этих самых помещений было всего два — кузня и мастерская.

В мастерской шкипер дневал и ночевал, это была его капитанская каюта, а в кузницу иногда заглядывал, по нужде — выковать чего, заклепать.

Когда Олег окунулся в жар, почуял запах гари и раскалённого металла, то даже ностальгия накатила.

Давненько он за молот не брался...

Считай, с IX века от Рождества Христова!

Оставшись в одних штанах, Сухов натянул на себя кожаный фартук.

— Поддувай, поддувай,— велел он Быкову, ногами качавшему кузнечные мехи.

— Поддуваю, поддуваю...— прокряхтел Яр.— Ёш-моё...

Пламя в горне загудело, меняя оттенков.

Олег, подхватив щипцами раскалённый штырь, стал его охаживать молотом, сгибая.

Раскалённый чугунный пузырь, оболочка бомбы, припекал сильно, аж волосы трещали.

Приставляем... Придерживаем... Привариваем...

Готово. Следующая...

Акимов в это время паял медные трубки для запалов, прислушиваясь, как гудит печь на близком берегу, да приглядывая за полуголыми, мокрыми от пота корсарами, качавшими меха. Процесс пошёл!

...Недели две длилась вся эта возня с «чудо-оружием».

Как ни выйдешь на палубу, Виктор корпит над своими «бомбочками» — то таблицы составляет, то пороховую смесь забивает в запалы.

Ясным днём в воскресенье первые три бомбы были готовы.

Их пузатые тела с цветами побежалости не создавали впечатления некоей доморощенности, самостоятельного творчества — нет, нормальные такие снаряды. Хоть сейчас в бой.

— Испытать надо,— солидно сказал Пончик.— Угу...

— Надо, конечно же,— кивнул Акимов и вздохнул: — Жалко...

— Жалко! — фыркнул Яр.— Ёш-моё! А ты для чего их делал, бомбист?

— Да я понимаю, конечно же... Заряжаем.

Пустые бомбы и порох хранили отдельно. Засыпали ВВ¹ перед самым боем, вводили запал, укорачивая его ровно настолько, насколько предполагалась дальность бойности.

— Готово! — деловито сказал Виктор и полюбовался делом своих рук: — Шикарно!

— А запал ты не будешь поджигать? — поинтересовался Быков.

— Зачем? Пушка пальнёт, он и загорится. Цепляем!

— Тяжёленькая, блин,— подивился Быков.

— А ты думал! Может, сколотить из досок подобие борта, чтобы испытания получились натурными?

— Не надо никакого подобия,— сказал Олег, выпрямляясь.— Сейчас тебе будет и борт, и натура во всей красе!

— Не понял...

— А ты обернись.

Акимов обернулся — и глаза у него стали здорово походить на две буквы «О». В бухту входил чёрный галеон. На мачте у него лениво реял испанский стяг.

— Понч! — рывкнул Сухов.

— Да готовы мы! — с обидой ответил Шурка.

— Командор! — крикнул Диего.— Это ж наш «Феникс»!

Олег покачал головой.

— Уже не наш,— усмехнулся он,— и не «Феникс». Витёк, ты готов?

— Д-да,— побледнел Акимов,— конечно же...

— Давай ещё бомбочку. Минутная готовность!

¹ ВВ — взрывчатое вещество.

Знакомая по Байконуру команда живо привела Виктора в чувство.

— Есть минутная готовность!

«Чёрный гранд» приближался.

Видимо, Альберт фон Горн был в курсе о том шорохе, который Капитан Эш навёл в Санто-Доминго, а добыть сведения о том, куда именно отплыл «Эль-Тигре», и вычислить пункт назначения было нетрудно — Галина призналась, что в запальчивости выложила Горну секретную информацию о паре мест, куда Олег мог бы податься.

Индианка очень переживала, что из-за неё вычислили местонахождение «Феникса» на Тортуге, и Сухову пришлось немало усилий приложить к тому, чтобы разубедить Гли-Гли в её «предательстве».

Олег даже убедил девушку в обратном, что ей и надо было «слить дезу», раскрыть пару тайн, чтобы Горну с Капитаном Эшем не бегать друг за другом или друг от друга, а поскорее встретиться и разобраться.

«Чёрный гранд» всё приближался.

Вероятно, довольно скромные размеры флейта убеждали фон Горна в собственном превосходстве, и он уже предвкушал победу, не беря в расчёт опытную команду «Эль-Тигре», его умелых канониров и ухарей-корсаров, готовых взять на бордаж любой корабль, да хоть самого дьявола.

— Витя! — воскликнула Гли-Гли, сжимая кулачки. — Потопи их всех! Убей Бледного Вендиго!

Корсаров ещё сильнее взбодрила девичья воинственность, многие из них заулыбались.

— Понч, давай лучше ты! — отрывисто сказал Акимов. — Прямой наводкой!

— Эт можно,— солидно молвил Пончев, подзывая своих канониров.

Все замерли, и в тишине грянул залп из носовых орудий бывшего «Феникса».

— Мимо,— меланхолично прокомментировал Шурик и поднёс фитиль.

«Карронада» грохнула, выпуская бомбу, и та со свистом улетела навстречу галеону. Пробила борт... А взрыв?!

И тут из пары орудийных портов галеона пыхнуло пламенем.

Палуба «Чёрного гранда» вздулась и раскололась с грохотом, доски так и полетели веером, разбрасывая тела и опрокидывая пару пушек.

А уж что творилось в твиндеке...

— Вторую! — крикнул Сухов.— Живо!

— Есть!

«Карронаду» готовить к стрельбе получалось куда быстрее, чем обычное орудие,— спасибо Серватиусу.

Дрожащими руками, сверяясь со своей же таблицей, Акимов откусил лишнее у трубки запала. Вставил.

— Цепляй! Закладывай!

— Готов?

— Пли!

Попадание второй бомбы вышло не таким впечатляющим, как у первой, зато гораздо более результативным — бомба пробила борт по-над самой водой и разорвалась в трюме.

Звук взрыва донёсся глухо, рождая разочарование,— ну пыхнуло дымом из трюма, из портов, и всё...

Глядя на вытянутое лицо Виктора, Олег расхохотался.

— Витька! Не расстраивайся! Ты же исполнил Галькино желание! Или ты ещё ничего не заметил? Да тонет галеон!

— Смотри! — подхватил Пончик. — Твоя бомба, наверное, здоровый кусок днища вышибла!

Шурка был немного снисходителен — ладно, мол, пусть и учёному достанется листик от его венка победителя.

— Ёш-моё! А ведь точно! — крикнул Быков. — Глядите! Тонет же!

Чёрный галеон на глазах погружался в воду, больше уходя носом и кренясь на левый борт.

И тут же грянул куда более мощный взрыв — пламя восплужилось выше грот-мачты, изломленной, как тростинка.

Полпалубы улетело, разбрасывая над заливом доски, снасти, горящие паруса, а половина борта вывалилась, не выдержав чудовищного удара.

— Крюйт-камера рванула! — взревел Малыш Роже. Тут уж крик поднялся такой, что и взрыв перекрычали.

Между тем горящий галеон развалился, роняя в воду бизань, — последнюю уцелевшую мачту.

Отягощенные пушками и балластом, корма и нос медленно скрылись под водою, оставляя качаться на слабой волне массу обломков и утопающих.

— Спасать будем? — осведомился Пончик.

— Ещё чего, — проворчал Быков. — Берег рядом!

— Тогда давайте перестреляем?! Угу...

— Угомонись, гестапо ты наше! Ищем Горна!

Галиот, первым снявшись с якоря, приблизился к месту гибели «Чёрного гранда».

Глава 14

— Альберт где? — рявкнул Железная Рука. — Горн, который!

— Нету его! — вразнойбой ответили матросы с галёны. — Он с эскадрой остался!

— С эска-адрой?

— У императора ещё два флейта! И пинас!

— У импера-атора? И где его величество шляться изволит?

— Они в Картахену отбыли!

— В Картахе-ену?

— Мы пленные? Или вы нас сразу... того?

— Да плавайте себе... Водичка тёплая.

— Водные процедуры полезны для здоровья! Угу...

— Клаас, это ты?

— Я, я! Андреас? Ну и занесло ж тебя!

— Да чёрт бы побрал этого старого пердуна!

— Ха-ха-ха! Го-го-го!

— А чего это он в Картахену, а вы — здесь?

— В какую Картахену? Кто в Картахену?

— Да Горн же!

— А при чём тут Картахена? Вон он плавает, Горн ваш! Дерьмо не тонет...

— Не стреляй, Железная Рука!

— Да я не в Горна, я в того брехуна...

— Не стоит зря тратить порох. Это самое... Вылавливай лучше Альберта нашего, Горна!

— Поймал! За шкурку держу! Вырывается, гад...

Общими усилиями Альберта фон Горна, мокрого и жалкого, подняли на борт «Эль-Тигра».

— Здравсте, ваше величество! — ухмыльнулся Пончик. — Давненько я не видывал живого императора! Угу...

— Что ж ты так-то,— пожурил его Быков,— фамильярно? Нехорошо...

— Не вели казнить! Угу...

Фон Горн стоял и только кулаки сжимал.

— Ну, здравствуй, враг мой,— сказал Олег и хмыкнул: — «Бледный Вендиго»! Придумают тоже... Нынче ты мне больше напоминаешь мокрую курицу.

— Как это удобно — унижать, зная, что униженный не даст сдачи! — ядовито проговорил Альберт.

Сухов приподнял бровь.

— А кто тебе не даёт набить мне морду? — спокойно спросил он.— И можешь, кстати, не притворяться старичком, тебе лет сорок от силы. Верно?

— Побледнел, с-сучок замшелый! — хмыкнул Быков.— Знать, истину глаголим!

— Ты не связан,— продолжал Олег,— не ранен. Что тебе мешает дать мне сдачи? Кстати, я старше тебя лет на десять, как минимум. Или тебя смущает моё оружие? Ла-адно...

Сухов снял перевязь с ножнами и подал Акимову флинтлок, торчавший до этого за поясом.

— Бей! Не бойся, никто не помешает тебе ответить мне по-мужски. Ну?

Фон Горн побледнел, потом налился краской стыда и ярости.

— Я долго буду ждать?

Олег шагнул Альберту навстречу и ударил его под дых. Вздёрнул левой рукой за волосы и врезал по челюсти. Фон Горна отнесло к бизани и крепко к ней приложило.

Упав на колени, он удержался, ухватившись за мачту.

— Нет, Альбертик,— усмехнулся Сухов,— никакая корона тебе не светит. Уж чем и кем ты себя возо-

мнил — твоё личное дело, но сущность твоя, как на тарелочке. Ты — слабак.

Подловатый болтун, склонный к заугольным пакостям, смешное и жалкое ничтожество. Не спору, индейцев ты впечатлил, да и колонистов тоже, вот только это всё слова, слова, слова... Даже мой корабль, который я же и потопил, добыл не ты. Тебе его подарил этот испанский генерал-капитан, верно? Как, впрочем, и всю остальную эскадру. А чего же стоишь ты сам? Сам по себе, какой есть? Молчишь? Да я б тебя даже в рабы не взял, никчемушника такого. Толку с тебя? Ну да ладно. Что же мне с тобой делать-то? Гли-Гли предложила нарезать из твоей шкурки ремней, сплести верёвку, да и повесить тебя. Поначалу и я был склонен к этой идее, но нынче пришёл к выводу, что она мне не по вкусу. Я придумал кое-что получше. Я сохраню тебе жизнь и даже угощу бутылкой рому. Увести его.

Проводив глазами понурого «императора», Сухов позвал своего незаменимого помощника:

— Диего! Это самое... Поднимай якоря! Сваливаем отсюда!

— Слушаюсь, командор!

— Навались!

Корсары, дружно ухая, навалились на рукояти-выбленки кабестана, и тот стронулся с места, накручивая толстый якорный канат.

Вот и якорь показался...

Сухов перевёл взгляд на близкий берег — матросы с «Чёрного гранда», первыми доплывшие, плелись по пляжу, оставляя цепочки следов.

Кто послабее, падал на песок, кто поопытней, стаскивал с себя обувь с одежкой — сушиться.

Остров Гонав стал обитаемым и даже густо населённым...

— Командор! — заорал Диего. — Вовремя мы якорь-то подняли! Глянь на север!

Олег глянул. С норда шли два корабля — один красный, побольше, а другой чёрный и поменьше.

— Зуб даю — это «Симург»!

Сухов мигом вооружился подзорной трубой.

Лиц на таком расстоянии не разглядишь, но обводы, общий рисунок такелажа, украшения под бушпритом и на корме...

— «Симург»!

— Ура-а! — заорал Быков.

И корсары подхватили его клич, хотя и не разумели, что он значит.

Глава 15,

в которой Олег переквалифицируется в речника

Целая пиратская флотилия вошла в пролив, отделяющий Тортугу от Эспаньолы, следуя на восток.

Впереди, как самый ходкий, шёл «Эль-Тигре», за ним поспешала «Синяя чайка», третьим следовал «Симург», а «Коронадо» замыкал колонну.

Не усидев-таки, Олег покинул каюту и вышел на палубу — вскоре должна была показаться та самая скала с провалом-гротом, который и являлся межвременным порталом. Скала веков.

Быков, Пончев и Акимов уже стояли у борта, напряжённо вглядываясь в недалёкий берег.

— Это она? — спросил Пончик, указывая на обрывистый утёс.

— Ёш-моё! — раздражённо откликнулся Яр. — Ты уже третий раз тычешь пальцем, попадая им в небо! Где тут грот? Покажи мне его!

Удивительно, но Шурка даже спорить не стал, не то что комментировать, как он умел — доставая до центральной нервной.

— Что, скалы никогда не видали? — насмешливо спросил Сухов.

Все обернулись, и Пончик воскликнул:

— Ой, а сам-то!

— А мне на вас смотреть интересно.

— Ага...

Пролетело, прошло, проползло ещё минут тридцать.

— Вот она, конечно же! — негромко проговорил Акимов.

— Где, где?

Виктор вытянул руку, указывая на высокую скалу, застывшую посередине между морем и сушей.

Олег поглядел в подзорную трубу.

Гранитная скала розовато-бежевого цвета в плане была овальной, сильно выдаваясь в море.

Прибой или иная стихия продолбили в ней сквозное зияние, похожее на колоссальную арку, в тени которой плескалась вода.

— «Синяя чайка» пройдёт свободно,— тихо сказал Быков.

— И подход удачный,— подхватил Олег, протягивая Яру трубу.— Видишь? Рифы лежат мористее, сдерживают волны, а с этой или с той стороны как бы канал — и войдёшь, и выйдешь.

— Сейчас бы...— тоскливо пробормотал Пончик.

Сухов хмуро кивнул. Домой, к своим, захотелось просто отчаянно, до боли. Нельзя! Не получится...

— Может, попробуем? — с надеждой спросил Шурик.— А?

— Что толку ломиться в открытую дверь, коли она заперта!

— Другие бы не поняли,— усмехнулся Быков, не сводя глаз со скалы,— а нам всё ясно...

Флейт проследовал мимо заветной скалы, и четверо друзей долго смотрели за корму, пока утёс не затянуло дымкой.

Команда была в курсе того, что их командор собрался на Ориноко, за индейскими сокровищами, и единодушно поддержала его начинание.

Уже и экипаж «Синей чайки» сформировали, куда, кроме гигантов Шанго и Малыша Роже, каким-то образом пролез Кэриб Уорнер.

Впрочем, Кэрибу, готовому исполнить какой угодно приказ и бросавшемуся делать всякую работу, отказывать было неудобно — в команде его любили.

Эскадра миновала Эспаньолу, держась её безлюдных северных берегов, прошла мимо коварного пролива Мона, обогнула Пуэрто-Рико и повернула на юг, чтобы спуститься к устью Ориноко, следуя восточнее Малых Антиль.

Но сначала корабли проследовали через архипелаг Виргинских островов.

— Это где-то здесь...— проговорил Олег, осматривая горизонты в подзорную трубу.

Вскоре его поиски дали результат — по левому борту показался безрадостный берег скалистого островка, навевавшего самые унылые мысли. И не зря.

— Привести Горна! — приказал Сухов.

Когда горе-император показался на палубе, Олег подошёл к нему и сказал:

— Пришёл черёд выполнить данное тебе обещание.

— Оставить меня в живых? — уточнил Альберт, глядя на Капитана Эша исподлобья.

— Совершенно верно. Ты останешься жив вот на этом острове! — Сухов повёл рукою, жестом охватывая мрачный участок суши, со всех сторон окружённый водой.

Корсары переглянулись, пихая друг друга локтями, — молодец командир, придумал же!

— Остров сей испанцы называют Каха-де-Муэртос, проще говоря — Сундуком Мертвеца. Не правда ли, романтично звучит? Сейчас тепло, так что жилище тебе не понадобится. К тому же на этих берегах и шалаша не выстроишь — не растёт ничего. Наверное, потому, что на Каха-де-Муэртос нет воды. Но это пустяки — скоро пойдут дожди, так что вода будет. Наверное. Есть тут тоже особо нечего, но в местных охотничьих угодьях вы будете один, так что вам должно хватить. Тут и ящерки попадаются, и крабики... Если сильно повезёт, можно и на черепахе наткнуться. Так что прошу! Шлюпку Альберту фон Горну, Албертусу ван Хоорну, Элберту Хорну, дону Альберто де Корону и Бледному Вендигу! Надеюсь, вам будет нескучно вместе, а чтобы скрасить вечерок, я вам презентую бутылку рому. И нож, чтобы было чем зарезаться!

Бледный фон Горн спустился в шлюпку, сжимая в руке горлышко бутылки, а в зубах — нож.

Он молчал, но не из гордости. Просто горло сжало страхом — его ждала верная гибель от голода и жажды!

Вся команда провожала шлюпку, оживлённо оценивая зрелище.

Вельбот уже возвращался, когда Сухов поглядел в трубу.

— Ну? — спросил нетерпеливо Мулат Диего. — Чего он там делает?

— Пьёт ром, — скривился Олег.

— Вот дурак! — воскликнул Нолан Чантри. — От рома же только сильнее пить хочется!

— Скоро он это поймёт, — усмехнулся Сухов, складывая трубу. — Поднять паруса!

Пиратские корабли шли на юг, подгоняемые устойчивым норд-остом, и ничто не мешало плаванью — открытый океан был совершенно пустынен.

Только раз пристали к одному из островов — то была Гваделупа, которую карибы называли Карукерой, «Островом прекрасных вод».

Водичка здесь реально была вкусна, и ею залили все бочки, а Пончик, человек знающий, велел в каждую из бочек накидать промытых и прокалённых на огне серебряных песо — для обеззараживания. И снова в путь.

К устью Ориноко подбирались через пролив Бокасдель-Драгон, что между матёрой землёй и островом Тринидад.

Испанцы, проживавшие на острове, кучковались в маленьком селении Конкерабия, сохранившем своё индейское название, и особой опасности не представляли — в здешних местах золота не водилось, а коли так, то и вице-король Новой Гранады не обращал ровно никакого внимания на поселенцев.

Стало быть, ни боевых кораблей, ни фортов тут не водилось.

Выйдя на простор залива Пария, Олег вызвал всех капитанов и договорился о последующих действиях.

— Мы будем отсутствовать с месяц, не более,— сказал он.— Но и не менее. Так что дожидаться нас тут смысла нет. Сделаем так... Мы уйдём дальше на «Синей чайке», а спустя... мм... месяца через полтора-два заглянем в Гонав, на известную стоянку, да и свидимся!

Капитаны согласились, и корабли плавно разошлись — три подались обратно на север, в Карибское море, охотится на испанские навио, а галиот пересёк залив и заплыл в Макарео — один из десятков рукавов, на которые ветвилась Река.

Так, с большой буквы, её называли индейцы — «Оринуку» — Река.

Сезон дождей заканчивался, и Ориноко разлилась широко и вольно.

Огромная дельта распадалась на рукава и протоки, озёра и старицы, болота и острова.

Ближе к океану топкие берега покрывались мангровыми зарослями, а чуть выше по течению начинались дремучие леса. Сельва.

С узких пляжей и намытых островков лениво сползали в воду огромные оринокские крокодилы.

Сколько Олег ни приглядывался, а рептилии меньше пятнадцати футов в длину ему не попадались на глаза.

Огромные ящеры бесшумно ныряли в мутные волны, выставляя одни гребенчатые спины да надглазья.

Жёлтые бельма бесстрастно взирали на двуногую дичь, упорно не желавшую становиться пищей.

Мелкие кайманы были суетливы на фоне своих громадных собратьев, зато черепахи не двигались вовсе, словно памятники самим себе.

— Руки-ноги в воду не совать,— строго предупредил Пончик.

— А чего? — удивился де Жюссак.

— Сейчас покажу...

Шурка достал здоровый шмат солонины, уже поппавший, и швырнул его за борт.

Вода тотчас же закипела — рыбыны длиной в локоть и зело зубастые принялись рвать шмат, не позволяя тому утонуть.

На счёт «три» угощения не осталось.

— Ни-че-го себе...— выдохнул барон де Сен-Клер.

— Это пираньи,— сурово сказал Пончик.— Корову или быка они обглодают за минуту, человека съедят ещё быстрее. Акулищи тут тоже водятся, заплывают с приливом. И ещё есть такие угри, большие, электрические...

— Какие-какие угри?

— Электрические! Они током бьются... Ну как от молнии. И тоже — насмерть.

— Всё,— решительно заявил Жак де Террид,— в реку я ни ногой!

— И ни рукой! — подхватил Кэриб.

Усмехнувшись, Сухов перевёл взгляд на кроны деревьев.

Туда смотреть было куда приятней — на ветках мостились алые ибисы и ярчайшие туканы.

С ними спорили расцветкой попугаи, среди листвы копошились всякие мартышки, понизу расхаживали цапли-ябиру, складывая мосластые ноги.

Запахи прели, сладковатые ароматы цветов плыли над рекой, щекоча нос и дурманя рассудок.

Деревня племени варао открылась за очередным поворотом русла. Не на берегу, суши вообще видно не было — дома стояли на сваях.

Часто они имели всего лишь две-три стены, а то и вовсе обходясь без оных — один дырчатый пол да крыша из пальмовых листьев.

В тени качались пёстрые домотканые гамаки. Лачуги соединялись между собой мостиками, к которым были причалены десятки каноэ-куриар.

И тишина...

— Разбежались все, наверное,— предположил Быков,— попрятались. За испанцев нас держат.

— Хиали! — окликнул кариба Олег.— Позови их, скажи, что мы не враги.

Индеец сложил руки рупором и прокричал нечто гортанное и абсолютно непере译имое.

— Моя сказать: мы враги испанцев,— пояснил Хиали.

Такая характеристика оказала-таки «положительное влияние» — один за другим полуголые варао стали показываться.

С помощью кариба удалось кое-как договориться насчёт ночлега — солнце садилось.

Зато какое индейцы проявили радушие, когда Сухов возымел желание купить у них четыре каноэ!

Железные топоры и ножи в обмен на пироги из крокодильих шкур, натянутых на бамбуковые каркасы,— подобный бартер вызвал настоящий ажиотаж.

Пожилой индеец, владевший самыми лёгкими и прочными каноэ, поначалу с недоверием отнёсся к топору из стали, тогда Пончик устроил ему презентацию — притащил плоскую каменюку, да и ударил по ней обухом.

Индейцы вскрикнули, а топору ничего, только звон прошёл. Зато каменюка — напополам.

Тут уж лодочник двумя руками ухватился за столь ценный инструмент.

Короче, сторговались.

А вечером индейцы дали званый ужин — и рыба была на столе (вернее, на полу, на огромных разложенных листьях), и фрукты-овощи, почти все из которых Олег видел первый раз в жизни, и жареное мясо пекари, и маисовые лепёшки.

— Недурственно,— промычал Пончик, набив полный рот,— весьма недурственно! Угу...

Один лишь местный шаман, он же знахарь, был огорчён, что ничего на продажу не выставил.

Стоило же ему узнать, что «Синяя чайка» направляется к реке Карони, как он обрадовался и сбегал к себе в хижину.

Возвратившись с горшочком резко пахнущей мази, с виду похожей на знаменитый бальзам «Звёздочка», он подходил то к Олегу, то к Быкову и страстно уговаривал их купить зелье, замогильным голосом страдая:

— Пури-пури! Пури-пури!

Сухов только улыбался да плечами пожимал, Хиали тоже не знал, о чём речь. Знахарь уже было отчаялся, когда ему попался Пончик.

— Пури-пури? — переспросил Шурка строго.

— Пури-пури! — вскричал шаман.

И Шурик, не торгуясь, вручил знахарю тяжёлый нож-секач. Тот, ошастливленный и гордый, удалился.

— И чем это ты таким разжился? — с сомнением спросил Ярик.

— Мазью от пури-пури.

— Что за зверь такой?

— Хуже зверя. Угу... Комаров на Карони нет, зато есть мошка пури-пури. От её укусов вздуваются такие фурункулы, что месяцами не заживают. Понял?

— Понял. Ёш-моё, поздравляю с покупкой!

Улеглись спать уже в полной тьме. Олег расположился на палубе. Лежал и слушал. Плеск реки, крики, вой, уханье, рыки, доносившиеся из сельвы.

Луны не было, зато в тёмном лесу метались целые созвездия, настоящие звёздные скопления светляков.

Иногда доносились звуки, похожие на детский плач,— это кайман подавал голос.

А потом Сухов вздрогнул — с реки донёсся приглушённый автомобильный сигнал.

Он привстал, но Хиали удержал его.

— Не надо,— тихо проговорил он,— это великий змей подавать голос.

— Анаконда?

— Так говорить испанцы.

Тут лунный свет проглянул сквозь тучи, и Олег разглядел огромную голову удава, что поднимался из воды выше борта галиота.

— Судя по тому, что гад толщиной с человека,— донёсся громкий шёпот Пончика,— в длину он будет футов сорок, как минимум. Если не все полста¹. Угу...

В тишине клацнуло железо. Сухов тоже придвинул поближе свой флинтлок. Но тут анаконда передумала ужинать и нырнула.

Её извилистое тело заскользило прочь, иногда блестя над водой толстыми полукольцами.

— Всё, бандерлоги,— пробормотал впечатлённый Быков,— можете спать спокойно. Каа удалился...

Тут занялся проливной дождь, и все разбежались прятаться в душный кубрик и по каютам.

¹ 12—15 метров.

С утра «Синяя чайка», гружённая пирогами и съестным, отчалила.

Ветер, хоть и был попутным, шибко посудину не разгонял, поэтому Олег усадил свою команду на вёсла — весьма немаленькие, каждое приходилось ворочать вдвоём. Ходу прибавили.

Так и шли больше недели. Однажды, пристав к левому, низменному берегу Ориноко, за которым расстилались плоские льяносы — обширные пространства, заросшие травой, с одиноко торчавшими пальмами мориче, — корсары познакомились с местными пастухами льянерос, нищими потомками конкистадоров и местных индейцев.

Льянерос пасли скот и охотно продали свежего мяса — уж они-то, в отличие от варао, цену деньгам знали и весьма обрадовались новеньким серебряным песо.

Устье Карони узнавалось сразу — её тёмные воды долго не смешивались с желтоватой Ориноко. Так и текли бок о бок.

«Синяя чайка» медленно втянулась на стрежень могучего притока и потащилась вверх по течению.

Ну особенно длительным её путешествие назвать было нельзя: и пары лиг не успели миновать, как воздух задрожал от гула и рёва — река впереди пенилась, низвергаясь водопадом за сотню футов высотой.

— Всё! — прокричал Олег. — Дальше только на каное!

Он внимательно оглядел корсаров.

Каждый из них будет рад пойти с ним и за ним, но надо же кого-то и с галиотом оставить.

Обратно-то как выбираться? На пирогах?

Усмехнувшись — Кэриб незаметно для других тыкал в себя пальцем, выразительно кругля глаза,— Сухов мягко сказал:

— Со мной пойдут только семеро. Тем, кто останется, надо будет присматривать за «Синей чайкой». Пойдут Виктор, Яр, Понч, Франсуа, Хиали, Жерар Туссен и... Да и чёрт с тобой! И Кэриб.

Счастливый юнга запрыгал от радости, а прочие разделились на провожающих и отбывающих.

Олег пожал руки всем «сторожам», с кем-то перебросившись словом-другим, с кем-то молча, и сошёл на берег.

Уложив всё своё в каноэ, «члены экспедиции» подхватили их, берясь по двое за пирогу, и потащили.

Конечно, пирога из берёзовой коры, сработанная каким-нибудь ирокезом, была бы полегче, но где ж взять берёзу в сельве?

Да и кожа, что плотно обтягивала упругий бамбуковый костяк лодки-куриары, куда прочней бересты.

Обойдя водопад посуху, команда Сухова спустила каноэ на воду. Рассевшись по двое, загребли маленькими вёслами, да и поплыли.

За изумрудами. За тайнами. За приключениями. За богатством.

За обратными билетами.

Домой. В родное время.

Глава 16, *в которой Олег выбирает сувениры*

Карони то сужалась в теснинах-ангостурах, ускоряя своё течение, то разливалась, сразу обретая плавность и неторопливость.

Бывало, что вода «вставала на дыбы», гремя порогами и водопадами, и тогда гребцы причаливали к берегу, двигаясь по сухопутью и волоча плавсредства за собою.

Хотя понятие «двигаться» в условиях сельвы имело много значений.

Иногда это означало — шагать, переступая через выпирающие корни, избегая паутин с их мохнатыми обитателями в ладонь величиной, задыхаясь от испарений, чувствуя, как деревенеют руки, удерживающие чёртову лодку.

Порою было гораздо хуже — приходилось сначала выхватывать абордажные сабли, используя их не по назначению, — рубить подлесок, забивавший все прогалы между огромными деревьями. Буквально протискиваться сквозь заросли.

Лишь изредка путь в обход очередного ревущего водопада казался прогулкой.

Колоссальные стволы уходили вверх, словно колоннада неземного храма, сплетаясь в вышине ветвями так плотно, что до сырой земли едва доходил рассеянный зеленистый свет.

Лианы-халявщицы обвивали могучие деревья, уползая по ним всё туда же, к небу и свету.

Вся жизнь проходила в кронах — там роились гигантские бабочки, носились стаи птиц, скакали обезьяны.

А внизу была гниль и прель, цвели орхидеи и крались суперкошки — пумы с ягуарами.

Олегу, привыкшему к мытью, жилось труднее того же Франсуа, уверенного, что вода расширяет поры в коже и тем пропускает разные хвори.

Жара и духота угнетали, хотелось сорвать с себя хотя бы рубаху, но зудение пури-пури тут же отбивало охоту обнажать торс.

Мази едва хватало на то, чтобы натирать восьмерым запястья, шеи и лица. Так что приходилось терпеть и пот, и вонь.

Слава богу, мучения его кончились, когда равнина стала сменяться плоскогорьем.

Появились холмы-банкос и маленькие плато-мезас, всякие симас — круглые каньоны с плоским дном, и знаменитые тепуи — огромные столовые горы с отвесными слоистыми стенами, курчавые от зелени на плоских вершинах.

Они были невозможны, эти создания природы, похожие на исполинские постаменты...

Да нет, ни на что они не смахивали.

Однажды, уморившись грести, каноэ задержались в тихой заводи.

Олег не сразу, но заметил-таки индейца, неподвижно стоявшего среди зарослей.

Это было похоже на картинку-загадку «Найди зайчика».

Надо было выделить какие-то элементы из видимого, увидеть иначе, взглядеться.

Лицо у краснокожего было размалёвано, под носом торчал полумесяц из рога, пучок крашеной травы заменил штаны, а правой рукой «индио» сжимал копьё.

Сухов поднял пустую правую руку — древний жест добрых намерений — и улыбнулся.

Индеец постоял, поморгал, а после переложил копьё в левую руку и повторил Олегов жест.

Гортанным голосом он начал что-то говорить, но даже Хиали не понял ни слова.

Потом кариб пустил в ход иные наречия, и контакт с грехом пополам был налажен.

— Он говорить, что вперёд идти опасно, там живут злые духи.

— Передай ему, что наша магия сильнее.

Понял ли индеец Хиали, осталось неизвестным — он повторил жест миролюбия и скрылся в лесу. Канул. Растворился.

А далеко за лесом загудели барабаны, то учащая ритм, то замедляя.

— Интересно, а местные туземцы — людоеды? — задумчиво сказал Кэриб.

— Да нет,— утешил его Быков,— так, через одного.

— Просто всем не хватает человечины,— подхватил Шурик.— Угу...

Ведя столь милые разговоры, они добрались до того места, где в Карони впадала река Каррао.

Изгибаясь, она растекалась в Лагуну-де-Канайма, а неподалёку грохотал водопад, разбиваясь на гряды.

Олег заоглядывался, высматривая обещанную Као-нобо речку, и обнаружил аж четыре потока. Все они скатывались в Карони по отлогому склону, но лишь одна из речушек обтекала невысокую белую скалу, похो-дившую на неровный конус.

— Верным путём идём, товарищи! — крикнул Су-хов, указывая на белую скалу. — Вылезаем. Хватаем и тащим. Во-он туда.

Привычным усилием подхватив пироги, корсары потопали «во-он туда».

«Во-он там» обнаружился скромный прудик, куда вливалась небольшая речушка, узенькая — пере-прыгнуть можно, ежели с разбегу, но глубокая, по пояс.

— Вперёд!

Речушка текла и текла, шире не становясь. С обоих берегов её обступали деревья, прикрывая сплетавши-мися ветвями.

Солнце почти не заглядывало, лишь изредка к воде пробивался одинокий луч — и снова тень.

— Знаете, что мне эта речка напоминает? — прого-ворил Пончик. — Канал! Или арык.

— Похоже, — кивнул Быков.

— Это ж сколько рыть надо было! — покачал голо-вой Франсуа.

— А куда спешить? Рой да рой...

— Плыви да плыви.

Так и плыли — день, другой, третий. А на четвёртый речушка, чьё происхождение посчитали искусствен-ным, потекла вдоль необъятного подножия тепуи.

Глянешь вверх — словно у подъезда небоскрёба стоишь.

— Ничего себе,— воскликнул Кэриб,— громадные какие!

— Ещё шлёпнется чего-нибудь на голову...— проворчал Шурик, опасливо поглядывая вверх, на отвесные красные стены, за которые даже лишайник не цеплялся.

— Яйцо птеродактиля, конечно же,— предположил Виктор, оборачиваясь с каноэ, плывущего впереди.

— Молчал бы уж,— буркнул Пончик.— Тоже мне, лорд Рокстон выискался...

Сухов не стал им говорить своё начальственное «цыц», он сосредоточенно искал следующий ориентир — Двухглавую скалу.

И нашёл.

Холмы, подходившие почти вплотную к тепуи, отступили, речушка словно расслоилась, разбегаясь по трём руслам, но лишь на берегу одного из них высилась крутобокая скала с двумя вершинами, похожая на собор в каком-нибудь Сан-Фернандо-де-Сибео. Она почти примыкала к тепуи, бросая тень на его кручу.

— Нам туда!

— Куда — туда? — удивился Пончик.— Там же стена!

— Каонобо не мог обмануть.

И впрямь, когда пироги добрались до Двухглавой скалы, оказалось, что речка обтекала гладкие бока не одного тепуи, а двух — высоченные утёсы почти смыкались боками, но всё же не совсем, узкое ущелье, скорее даже щель, разделяло каменных исполинов. Именно её и заслоняла скала — если не знать, что имеется проход, со стороны ни за что не разглядеть.

— А не застрянем? — задумчиво спросил Уорнер, осматривая расщелину.

— Пустяки, — утешил его Быков, — поторчишь тут недельку, схуднёшь — и протиснешься!

Пироги вошли в каньон, в этот узкий пропил, и их сразу объяли тьма и промозглая сырость.

Неба отсюда не увидеть, только лёгкий сероватый отсвет реял в высоте, обозначая краешек солнца, заглянувшего в провал-узину.

Вскоре стало темно, как ночью, — собственную пятёрку разглядишь с трудом. И только плеск вёсел раздавался в тишине.

Но страха не было — никакая зубастая тварь, нороящая вцепиться в дно лодки, не мерещилась, уж слишком тесен был проход. Вытянув руки, можно было коснуться обеих стен, холодных и влажных.

— Свет вроде... — неуверенно молвил де Жюссак.

— Не вроде, а точно! — взбодрился Быков.

Стало понемногу светлеть, из мрака проявлялись ноздреватые стены ущелья, силуэты товарищей, гребущих впереди, и вот Олег оказался вне давящих тисков тепуи.

Каньон продолжался, только стены его разошлись, пропуская солнечное сияние до половины. Самое дно ущелья пряталось в тени.

Зрелище было завораживающим — отвесные твердыни уходили в небеса, курчавясь по кромке зелены, и словно парили в лучезарном воздухе, отрываясь от земли, до которой не доставали солнечные лучи.

Каньон описал букву «S» и раздвоился, ушёл налево и направо, будто расклиненный огромной скалой, похожей на колоссальный кусок торта, слоистый, кремового оттенка.

— Куда поворачивать? — крикнул Быков, тормозя веслом.

Олег внимательно оглядел скалу.

— Давай справа посмотрим!

Каное дружно подгрести, и Сухов, подняв голову, разобрал на обрыве смутные, полустёршиеся петроглифы: бегущие человечки прогоняют скачущего ягуара... Охотники с копьями закалывают... ну кого они там закалывают... Пекари, наверное. Или врага.

— Скала рисунков! Нам сюда!

И маленький караван двинулся дальше по запутанному лабиринту каньонов, симас и тепуи.

Впереди, по левой стороне, обозначилась крутая осыпь.

Из каменного крошева выступала под сильным наклоном скала, похожая пропорциями и формой на колокольню или заострённую башню.

— Падающая скала... — вымолвил Олег.

Мороз проходил по коже, стоило только представить себе, что нужно грести под этой угрожающе нависшей тяжестью, миллионами пудов камня.

Умом Сухов понимал, что махина впереди просто-ляла под углом целую вечность и столько же у ней впереди, но душа замирала.

— Гребём! — отрывисто скомандовал Олег, вырываясь вперёд. — Живо!

Углубившись в хаос скал и каньонов, корсары оказались на развилке — три одинаковых ущелья расходились перед ними.

Но лишь в устье одного из каньонов высилась забавная столбчатая скала, на вершине которой задержалась огромная глыба, напоминая шапку. Скала-с-шапкой-на-вершине.

— Туда!

В выбранном ими ущелье речушка обмелела, а после и вовсе усохла. Только мелкий водопадик рушился с высоты, рассыпаясь в пыль и пуская радугу.

Сухов молча вытащил каноэ на берег и подхватил самое нужное — оружие и пару рогожных мешков.

Не в карманах же тащить драгоценности...

Им-то хватит и пяти изумрудов — ну ладно, шести или семи,— но они не одни, и товарищам нужно иное оправдание дальнего пути, выраженное в золоте и камнях.

Ну, если их компания находится на подступах к тому самому легендарному Маноа, то этого добра здесь хватает...

— Пошли,— сказал Олег.

Больше им никаких ответвлений, развилок и перекрёстков не встретилось.

Неширокое ущелье вело корсаров, чуток приподнимаясь, но дно было сухим, ничего не хлюпало под ногами, только скрежетали плоские камни-окатыши.

Дальше дорога пошла ступенями, не рукотворными, а навороченными природой-матушкой,— это были сглаженные уступы мелких гряд водопада, каждый высотой до колена.

Правда, было их достаточно, так что вскоре Пончик запыхтел.

— Ну, извини,— развёл руками Быков,— сломался эскалатор!

— Да иди ты...— прокряхтел Шурик, взбираясь на очередную ступень.

За крутым поворотом дорога стала ровной и гладкой — её покрывали плоские каменные плиты.

Разного размера и формы, пригнаны они были идеально, края смыкались в щёлочки — нож не всунешь.

— Дорога! — выдохнул Александр. — Угу...

— Шикарно... — пробормотал Акимов.

— Теперь я верю, что мы идём куда надо! — воскликнул де Жюссак.

— Ёш-моё! И ты ещё сомневался? — с укором спросил Яр.

Мощёная дорога описала плавную дугу и вывела к стене, перегораживавшей каньон. Крепостной стене.

Посередине возвышалась круглая башня, похожая на усечённый конус. Она была сложена из каменных глыб разной формы, но пригонка была совершенной.

От башни в стороны отходили стены — не сказать что высокие, но штурмовать их замучишься.

Впрочем, брать тайный город Маноа приступом не пришлось: в башне имелся вход — низковатая арка (сразу вспомнился похожий вход на рудник «Каньон-дель-Оро»).

— Прошу, — сказал Олег, однако вошёл под своды врат первым.

Собственно, никаких врат не было и в помине. Лишь в сводчатом потолке зияли отверстия, а в полу ямки.

Что это и для чего, стало ясно на выходе, где из пары отверстий наверху выходили толстые прутья, скорее даже тонкие колонки из непонятного сплава.

— Это тумбага, — авторитетно заявил Ярик, — индейский сплав золота с медью. Тут медяшки процентов семьдесят.

— Конечно же, они этими решётками запирались на ночь, — прокомментировал Акимов.

— Кто — они? — немного агрессивно спросил Пончик.

— Муиски, кто же ещё.

— И где ты их видишь?

— А это уже вопрос номер два...

Вся экспедиция вышла на небольшую площадь, с двух сторон зажатую каменными домами с двухскатными крышами. Квадратные окна не имели рам, а кровля провалилась — подгнившие стропила не удержали соломенную крышу, почти рассыпавшуюся в труху.

С другой стороны площадь замыкалась внутренней стеной.

Такая же арка ворот, что и во внешней, отличалась от неё лишь тем, что все прутья-колонки были на месте, запирая вход.

Олег подошёл вплотную, схватился за ограду, самому себе напоминая узника, пошатал прут, попробовал его приподнять, и тот сдвинулся вверх.

— А весит прилично! — пропыхтел он. — Эй! Тащите камни, сделаем подпорку! Вон в том доме вроде стенка обвалилась!

Барон де Сен-Клер приволок плоскую глыбку, Франсуа с Хиали притащили целую плиту.

Сухов поднимал колонку, друзья подставляли камни.

— Готово!

Командор осторожно пролез под плитой.

Не дай бог, столкнёшь... Вылез.

Забрав свою «ручную кладь», Сухов прошествовал под аркой и выбрался наружу, благо что вторые ворота стояли незапертыми.

Выбрался и замер.

Товарищи его подходили к нему по очереди, становились рядом и тоже замирали.

— Как в сказке... — пробормотал Ярослав.

За внутренней стеной каньон резко расширился в округлую долину, напоминавшую амфитеатр, и почти вся она была застроена.

От ворот вдаль уходила прямая широкая улица, вымощенная каменными плитами, а по обеим её сторонам уступами выстроились дома, храмы, аркады, пирамиды, крутые лестницы, дворцы в два этажа, башни...

Крыши на обычных домах, хоть и выглядевших богато, были провалены, солома или тростник, их покрывавшие, истлели, зато кровли дворцов и храмов сияли на солнце по-прежнему, ибо золотая черепица износа не знала.

Олег, медленно ступая, как в музее, прошествовал по главной улице. Остальные топали следом, молчаливые и потрясённые.

Город был основательно запущен, намёты пыли уже зеленели пробивавшейся травой, валялись какие-то листья, непонятные обрывки, ошмётки, очёски.

Но молчаливые, суровые формы творений неведомых зодчих перекрывали мерзость запустения.

Огромный золотой диск — круглый барельеф из кованого драгметалла на стене, приподнятый над тяжёлой колоннадой... Тяжеловесная аркада с увесистыми золотыми светильниками... Заскорузлые, задубелые кожаные шторы, кое-где прикрывавшие двери, а чаще всего сгнившие... Громадные каменные шары с облезлой позолотой¹... Грубоватая статуя, изображавшая недовольного бога Чибча-Чуму...

¹ Подобные шары встречаются в лесах Колумбии, но никто так и не уяснил, для чего они и кто их сработал.

По краю улицы шёл узкий сток, по нему сливалась вода из крошечного озерца, плескавшегося за городом.

На его берегах, поднимавшихся отлого к крутым скалам, были заметны террасы, но ничего, кроме одичавшего маиса и кустов коки, там уже не росло.

Город был пуст.

Наглядевшись на брошенные поля, Олег вернулся и осторожно зашёл в первый же дом.

Внутри было светло — крыша отсутствовала, ничто не мешало солнцу.

На полу лежали истлевшие циновки, в углу стояла золотая ступка с увесистым пестиком для размолачивания извести — её добавляли в жвачку из листьев коки.

Больше ничего ценного в доме не нашлось — только горшки с налётом давних яств да пара рассохшихся корзин.

— И никого... — пробормотал де Жюссак. — Выморочный город...

Сухов покинул дом, перешёл улицу и вошёл в другой, напротив.

Над ним тоже не было крыши, а обстановка оказалась побогаче — каменные приступки вдоль стен, вроде лавок, керамическая посуда во множестве стенных ниш, глиняные светильники на подставке, схожей с этажеркой.

А в соседней комнате к стене был приделан навес, под которым обнаружилось нечто вроде топчана.

На топчане лежал мертвец, ссохшийся в мумию.

— Может, тут поветрие какое случилось, — робко предположил барон. — Вроде чумы?

— Ерунда! — отмёл Пончик досужие вымыслы. — Это же старик, дряхлее некуда. Он и умер от старости. Просто его некому было похоронить.

— Шикарно...— пробормотал Акимов.— Может, они все ушли?

— Куда?

— Ну не знаю... На родину, может, вернулись...

— А здесь у них что было? Чужбина?

— Я согласен с бароном,— сказал Олег.— Надо полагать, случилась эпидемия. Подхватили какую-нибудь заразу от испанцев, те прочихались — и здоровы, а муски перемерли. Не зря же местные индейцы боятся даже приблизиться к этим местам, сами слыхали.

— Истину глаголешь,— согласился Быков.

— Шикарно...— затянул Акимов.— Господи, да мне бы только изумруды найти!

— Будем искать,— вздохнул Сухов.

— Надо в храмы заглянуть! Или во дворец...

— А где ты видел дворец?

— А помнишь дом в два этажа?

— Пошли...

«Дом в два этажа» тоже был тих и пустынен.

Именно поэтому корсары вздрогнули, заслышав шаркающие шаги.

Из темноты к ним приблизился старик, замотанный в красный, порядком выцветший плащ.

Обутый в подобие сандалий, старец мало чем отличался от увиденной Олегом мумии, разве что взгляд его обсидиановых глаз был живым и осмысленным, а осанка горделивой.

Прошамкав несколько фраз, дед смолк в ожидании ответа.

— Он говорить,— перевёл Хиали,— его называть Чоконта Томагата, он последний согамосо Маноя. Томагата приветствовать бледнолицых, он видеть их первый раз в жизни.

— Спроси его, куда все делись?

Кариб спросил, и согамосо горестно потряс головой, заговорил, чередуя протяжные гласные со щёлкающими согласными.

— Томагата говорить — на земле мы не навсегда, лишь на время. Народ Маноа чах и умирал. Согамосо остался в городе один. Когда он умирать, оставаться только призраки...

Дослушав Хиали, Сухов хотел было задать вопрос, но Томагата опередил его.

Кариб, почтительно выслушав согамосо, обернулся к Олегу:

— Томагата говорить: если нами править согамосо Испании, мы забирать золото и уходить. Только золото Маноа приносить проклятие и великое зло.

Олег молча протянул Томагате тихуэлос и значительно сказал:

— Коанобо.

Согамосо впервые улыбнулся, и такая радость сквозила в его улыбке, такая любовь, что Сухов поневоле испытал щемящее чувство.

— Коанобо...— пробормотал Томагата, оглаживая дрожащими пальцами маленький золотой диск.— Коанобо...

Сжав тихуэлос в кулаке, он заговорил с куда большей прочувствованностью.

Хиали передал все вопросы в приблизительном переводе, и Олег ответил на каждый по очереди.

— Коанобо много страдал, но умер свободным. Испанцы, принёсшие ему страдания, умерли прежде него. Наши желания? Лично мне нужно шесть или семь больших изумрудов, а моим друзьям — немного золота. Столько, сколько смогут унести с собой.

Согамосо покивал понятливо, развернулся и побрёл, сделав жест, понятный в любом времени: прошу следовать за мной.

И корсары двинулись следом.

Последний правитель Маноа привёл их в большую кубическую комнату, освещённую через вырез в потолке.

Внизу, прямо под зиянием в крыше, находился квадратный бассейн — сюда стекала вода в дождь.

Но не это привлекало внимание — у каждой из стен были сложены целые груды сокровищ.

Золотые статуэтки, литые и плоские, ожерелья, диадемы, браслеты, сосуды, жаровни, нагрудники в форме сердца или диска, шлемы, броши, слитки и толстые золотые листы, свёрнутые в трубы, звероподобные фигурки-тунхос в виде крокодильчиков, рыбок и прочей фауны, носовые кольца серповидной формы, подвески в виде человеческой фигуры с головой птицы, ложки, чаши, полноразмерные изображения фаллосов и целые россыпи тихуэлос...

Не обращая никакого внимания на сокровища, Томагата прошаркал в дальний угол и открыл большой ящик, плетённый из бамбука.

Ящик был доверху полон изумрудов...

— Виктор, выбирай.

Акимов присел возле ящика и принялся сосредоточенно выбирать камень, изредка присвистывая от восхищения.

Наконец он поднялся, держа в руках семь или восемь продолговатых кристаллов в форме шестигранных призм.

— Шикарно! — выразился он. — Даже пилить не надо, отшлифую только, и всё!

Оглянувшись на корсаров, заробевших от такого обилия богатств, Олег усмехнулся.

Рассмотрев выложенные сокровища, он отыскал ожерелье из золотых фигурок — обезьянки, рыбки, крокодила, птички, ящерицы, змейки — и повесил себе на шею.

— Алёнке подарю, — объяснил он Пончику. — Сувенир будет.

Добавив к ожерелью кольцо из крупных изумрудов-окатышей, Сухов повертел перед глазами свой бриллиантовый перстень и нацепил на палец ещё один — индейской работы, с изумрудом.

— Ну что, ребята, затариваемся, — сказал он, — и на выход с вещами!

Ребята набили мешки так, что еле подняли их.

Согамосо глянул на корсаров безразлично и с одобрением кивнул Олегу, оценив его скромный, но изысканный выбор.

— Ступайте с вашим богом, — сказал он неожиданно на корявом испанском, — и поспешите, ибо близится закрытие врат. Палица Чибча-Чумы опустится, и воды переполнят озеро Парима...

— Прощай, Чоконта Томагата, — поклонился Сухов, — мира тебе и покоя.

Все корсары неловко согнулись в поклоне и гуськом покинули дворец последнего из согамосо.

По главной улице они ступали неторопливо — тяжесть давила на плечи, и только Олег с друзьями смотрели вокруг.

Сказочный, сновидный город Маноа представлял им роскошной декорацией к голливудскому блокбастеру, а не реальным местожительством. Однако позвякивавшие на шее ювелирные изделия убеждали в обратном.

Оказавшись за воротами города, Сухов будто стряхнул с себя морок и пошагал веселее.

Да и возвращаться было куда легче — под гору. Корсары только и кряхтели, сгибая спины под мешками.

Олег улыбнулся. Забавно... Он уже не считает себя корсаром! Словно какая черта проведена была между командой и их командором.

Четверо из тех, кто спускался сейчас по каньону, родились в этом времени и умрут здесь же, а он со своими полагает родными иные годы. Их там ждут, в далёком будущем.

Рассевшись по каноэ, корсары повеселели — всё проще, чем нести.

— Ничего-ничего... — коварно улыбнулся Пончик. — Ещё пороги впереди. Угу...

— Пустяки, Понч! — фыркнул Быков. — Своя ноша не тянет!

— В точку, — кивнул Франсуа, со стоном выгибая спину.

— Командор, — спросил Жерар Туссен, — а ты почему взял так мало?

Олег усмехнулся. Момент истины? Ну не скрывать же от них...

— На земле мы не навсегда, — вздохнул он, — лишь на время... Мы из очень далёких краёв, ребята, и очень хотим вернуться обратно домой. У нас у всех, кроме Виктора, там семьи. И эти изумруды, что он взял во дворце согамосо, нужны нам для возвращения.

Корсары заметно огорчились, но закивали понятно. Семья — это святое.

— Колдовство, — уважительно сказал барон де Сен-Клер.

— И скоро вы... обратно? — осведомился Кэриб, шмыгая носом.

— Скоро, юнга,— сказал Сухов, хлопая Уорнера по плечу,— скоро. Через месяцок.

— Ну это ещё долго! — повеселел Кэриб.

Все посмеялись и взялись за вёсла.

Тяжело нагруженные каноэ кое-где чиркали днищами по дну, но после ручей углубился.

И вот снова они попали в тень, отбрасываемую Падающей скалою.

Тошнотворное чувство посетило Олега, сжимая сердце,— и отпустило.

Пироги уже канули в тень ущелья-щели, когда земля вздрогнула, и тяжкий гул пронёсся по каньону.

— Что это? — прошептал Кэриб.

— А это ворота закрылись, юнга,— спокойно сказал Сухов.— Палица Чибча-Чумы опустилась.

— К-как это?

— Это рухнула Падающая скала! — догадался Быков и всполошился: — Давайте гребите поскорее! Эта хренова палица запрудила речку! Вода кончается, поняли?

И корсары живо заработали вёслами. Они почти успели доплыть до Двухглавой скалы, когда речушка, нёсшая их, окончательно обмелела.

Пришлось выходить на берег и тащить пироги бичевой, как бурлаки,— для каноэ воды пока хватало.

«Взявшись за гуж», Ярослав взглянул на тепуи — над твердынями реяло облачко пыли.

— Пипец Маноа... — пробормотал он на русском.

И все его поняли.

Глава 17, *в которой Олег склонен верить приметам*

1

Виргинские острова, Каха-де-Муэртос

Альберт фон Горн устало опустился на песок в тени скалы. Чёртово пекло... Он бы ещё больше поразился, если бы увидал своё отражение в зеркале,— тело его усохло и загорело на солнце так, что приняло цвет седельной кожи.

Живот втянулся, а рёбра, наоборот, выступили. Но он всё ещё жив!

Боже, как же его мучила жажда в тот ужасный день, самый первый день на этом проклятом острове! Пить хотелось ужасно!

А дьявольское коварство Капитана Эша, одарившего его ромом, фон Горн оценил очень скоро. Это была настоящая пытка!

Первую ночь он провёл в полузабытьи, калачиком свернувшись на песке, а ранним утром обнаружил росу на остывших за ночь камнях.

Альберт чуть язык себе не стёр, вылизывая каменные бока!

И лишь затем догадался расстилать на камнях нижнюю сорочку.

На рассвете он бережно, нежно, любовно выжимал её в широкогорлую бутылку, смакуя каждую каплю.

На третий день пошёл дождь, и фон Горн хохотал, раскидывая руки и хватая ртом струи, льющиеся с небес. Приноровился.

Стол его был скуден — робинзон ловил ящериц и мелких змей (крупных тут не водилось, к сожалению), убивал их и высушивал на камнях, после чего поедал, не брезгуя.

После отлива собирал мелких крабов и ракушки, а однажды поймал целую черепаху.

Маленькую, правда, со шляпу величиной, зато он впервые наелся досыта.

После шторма Альберт собирал полные горсти морской живности, а когда набрёл однажды на обломки шляпки, вознамерился развести огонь.

Два дня он ожесточённо, в манере дикарей, тёр палочкой по деревяшке, но лишь мозоли заработал.

Лишь на третий день ему удалось достичь результата — завился дымок, занялась искорка... И вот он, огонь!

Правда, к тому времени черепаха уже была съедена, а рыбу он так и не научился ловить. Да и чем? Руками?

На острове не росло ничего крупнее жёсткой невкусной травы, и сделать острогу не получалось...

...Фон Горн застонал — опять солнце продвинулось по небу, скоро оно зависнет в зените, и тени не останется вовсе.

Рано утром он «подоил» рваную сорочку, сделал два глотка мутной тёплой жидкости и повязал мокрую тряпку на голову.

Тряпка, то бишь сорочка, давно уж высохла и никакой приятности не доставляла.

Может, обойти остров, поискать, вдруг чего принесло море? Сил нет...

За весь вчерашний день он не встретил ни единой ящерицы. Неужели он съел их всех?

А змейки? Эти противные, извивающиеся змейки? Где они?

Ругаясь шёпотом, Альберт встал на четвереньки, потом взгромоздился на колени и поднялся, держась за скалу.

Его качнуло, а в ушах зазвенело.

Ещё бы... Третий день толком ни поесть, ни попить.

Росы и той меньше малого по утрам...

А морскую воду пить... Это хуже рома.

Фон Горн поплёлся по берегу, высматривая хоть какую-то живность.

Парадокс, но на необитаемом острове испытываешь гораздо меньше беспокойства, чем в обществе себе подобных.

Тут нет хищников, нет врагов, тут вообще никого нет.

И грозят тебе лишь три опасности — умереть от голода, от жажды или сойти с ума от одиночества.

Человек начинает разговаривать сам с собой и, бывает, до того уверует, будто он не один, что больная душа принимает воображаемое за истинное.

Капитан Эш глумливо усмехался, провожая не одного лишь его. Альберто де Корон. Албертус ван Хорн, Элберт Хорн, Бледный Вендиго... Нет!

Дыхание у фон Горна сбилось, кулаки сжались.

Бывало, люди стойкие, попадая в невыносимые обстоятельства, не погибают лишь потому, что у них оказывается сильна воля к жизни.

А вот он слаб, тут его враг прав.

Но именно существование этого врага, Капитана Эша, Длинного Ножа, Олега де Монтиньи, и помогает ему выжить, ибо рождает тяжёлую, свинцовую ненависть.

Он выживет! Он обязательно выживет, хотя бы назло Капитану Эшу! И отомстит!

Месть — вот то, что удерживает его от покорности судьбе.

Сколько уж раз — каждый день, каждый час — приходит к нему искушение поддаться слабости, наплевать на всё, улечься и не вставать.

Как там сказал этот новый сочинитель трагедий — Шекспир, кажется? — «Умереть, уснуть и видеть сны, быть может?».

Ах, как порою хочется испытать верность этой строки!

Не терзать свою изнемогшую плоть, не заставлять её таскаться по чёртову острову, а покорно принять свой удел...

Вон как этот осьминог, выброшенный на берег, — лежит на песке и сохнет.

Высыхает, пока не станет твёрдым и ломким и его не смое волна на корм обитателям океана. Из праха — в прах.

Утомившись, фон Горн вышел к наветренной стороне и присел на камень отдохнуть.

Волны набегали одна за другой, ворошили песок, с шёлестом утягивая его и снова возвращая суше.

Подгоняемые ветром, океанские валы катились из волглой бесконечности. Так было всегда.

Как только Господь отделил воду от земли, так с тех пор и накатывает прибой.

Войны сменялись миром, рождались и уходили в небытие поколения, народы переселялись, а волны всё так же накатывались на этот пустой берег, безостановочно и безразлично. Империя...

Фон Горн усмехнулся. Какая глупая прихоть...

Всё сущее тщетно.

Даже будучи коронован, он выйдет на берег где-нибудь к югу от Чесапика, на один из плоских островков Внешних Отмелей, и что увидит?

Да то же самое, что и здесь,— размеренное биение волн, отмеряющих Вечность.

И что пред Вечностью императорский венец?

Никчёмная безделушка...

Разглядев в морском просторе корабль, Альберт даже не поверил сначала. Задохнувшись, он вскочил, давя рыдание.

Надо дать о себе знать! Но как?

Огонь давно потух, даже углей не осталось. Да и что тут разжигать?

Проковыляв на верх пологой скалы, фон Горн сорвал с головы рубашку и замахал ею, закрутил.

Попытавшись крикнуть, он издал лишь жалкий писк, переходящий в хрип. Неужели не заметят?!

Заметили! Они идут сюда! О, боже...

Приблизившийся корабль ещё раз окатил счастьем Альберта — он узнал в нём свой собственный флейт «Дельфин».

Флейт не стал подходить к самому берегу, а спустил шлюпку.

Матросы, гребущие в ней, казались фон Горну ангелами-спасителями.

Вот только что же так медленно они работают вёслами?

Когда нос шлюпки с шорохом налёг на песок, несколько человек прыгнули в мелкую воду.

— Кто таков? — крикнул один из них.

— Не узнаёшь, Дирк? — криво усмехнулся Альберт.

— Не может быть! — охнул матрос, бледнея. — Вы?!

— Я, я... Привет, Симон. Привет, Виллем.

— Отец Альберт! — вскричали матросы.

— Вот и свиделись...

Чтобы постричься, побриться, переодеться, фон Горну хватило дня. Но чтобы отъесться за месяц, проведённый на Сундуке Мертвеца, неостало и недели.

Всё шло хорошо, просто замечательно — «подданные» искали своего «императора», и они его нашли.

Искали долго, прошли по следам «Феникса», расспрашивали своих, высадившихся на берег Гонава.

Флейт «Фортуна» нынче должен был ожидать их всё там же, в заливе Гонав, а пинас «Ла-Рош» отправился в Санто-Доминго.

В день восьмой после своего счастливого избавления Альберт взошёл на квартердек, к капитану Генриху Цимссену.

Походив, заложив руки за спину, фон Горн остановился у кормового фонаря.

— Чтобы поймать зверя, — медленно проговорил он, — нужно знать, где у него водопой или логово. Мне неизвестно, что так притягивает Капитана Эша к северному побережью Эспаньолы, но он постоянно туда устремляется.

Когда я был в плену на его корабле, то видел даже то место, кое и сам капитан, и его ближайшие друзья раз-

глядывали весьма пристально. Вздыхая при этом так, словно проплывали мимо родного дома!

Там есть такая скала, со сквозным проходом с моря, будто большая пещера...

— Знаю такую,— кивнул Генрих.— Голландцы зовут её Опрокинутой Чашкой. С ручкой, хе-хе... Хотя старые капитаны побаиваются того места.

— А что так?

— Иной раз там пропадали корабли. В тихую погоду, почти при полном безветрии...

И ни одного обломка потом не находили, словно в бездну какую проваливались!

— Ничего, Генрих,— усмехнулся фон Горн,— нам это не грозит. Курс на Эспаньолу!

Прямым иди к Опрокинутой Чашке (Бэк-Кап, как англичане говорят) Альберт не стал. Рисковать зря не хотелось, ему нужна была обеспеченная победа над Капитаном Эшем.

А кто же, кроме испанцев, мог её обеспечить?

Вот поэтому «Дельфин» и отшвартовался в порту Санто-Доминго, где уже находился пинас «Ла-Рош».

Его капитан, молодой фримен из Джеймстауна, окрещённый Оуэном Кедриком, тут же явился пред светлы очи фон Горна и доложил, сияя, что всё-то у них в порядке, и как же он рад видеть «отца Альберта» во здравии.

Терпеливо дослушав, Альберт спросил:

— Что слышно о Капитане Эше?

Кедрик подтянулся и сообщил:

— Галеон «Симург» и ещё три корабля его сопровождавших видели с острова Тринидад следовавшими

к югу, к устью Ориноко. Сейчас там находится наш человек, он владеет быстроходным навиетто. Как только командор де Монтины двинется обратно, он передаст эту новость сюда, в Санто-Доминго. Разумеется, за деньги ему обещанные...

Фон Горн отмахнулся небрежно.

— Иное знание дороже золота,— сказал он и внимательно поглядел на Оуэна: — Вы ещё что-то хотели мне сообщить, капитан?

— Да-да,— в некотором смущении промолвил Кедрик.— Тут к вам один человек из Мехико...

— Из Мехико? — удивился Альберт.

— Да, он дожидается вас уже вторую неделю. Хотел было вернуться, но тут вы и сами воротились, и...

— Где он?

— У меня на борту.

— Проводите меня...

На борту «Ла-Роша» фон Горна поджидал священник в чёрно-белых одеждах доминиканца, худой и длинный, с невзрачным плоским лицом.

Альберту он напомнил скромненький полевой цветок, засушенный между страницами книги, да и забытый.

— С кем имею честь?

Священник приторно улыбнулся, выказывая нездоровые зубы, и заговорил:

— Прежде всего поздравляю вас со счастливым избавлением, дон Альберто. Знать, вы угодны Богу, раз Он явил вам милость Свою. Зовут меня дон Эстебан, с недавних пор являюсь главным инквизитором Мехико. Но здесь я не по делам «священной службы». Видите ли, не так давно я ходил всего лишь в помощниках у

отца Мануэля, дона Карлоса Мануэля де Акунья. Отец Мануэль казнил некоторых приспешников Капитана Эша, и сей враг церкви и короля, в неумеренной наглости и гордыне, заявился в Мехико, где позволил себе казнить самого отца Мануэля, предав его огню аутодафе. Такое поношение святая инквизиция стерпеть не могла. Но лишь теперь мы обрели возможность покарать кощуна и еретика. Надеюсь, возмездие настигнет богоотступника де Монтиньи — с вашей помощью, дон Альберто.

Фон Горн учтиво поклонился:

— Несомненно, отец Эстебан.

Инквизитор важно покивал головой:

— Святая мать церковь не может позволить себе преследование разбойников,— лицемерно вздохнул он, заводя глаза горё,— но я поспособствую тому, чтобы губернатор Эспаньолы, дон Габриэль де Чавес-и-Оссорио, оказал в вашем благородном деле всю необходимую вам помощь, в том числе деньгами, людьми и оружием. Тем более что дон Габриэль и сам невероятно зол на Капитана Эша. Я договорюсь, чтобы он передал под вашу руку полсотни лансерос под командованием капитана Руя Фернандеса де Фуэмайора, снабдил боеприпасами, провизией и водой.

— Этого будет достаточно, святой отец,— кивнул фон Горн.

— Кстати, капитан де Фуэмайор не так давно потерпел разгром от корсаров Капитана Эша, объединившихся с индейскими мятежниками. Так что его уговаривать не придётся — Руй Фернандес просто сатанеет при упоминании одного имени Олега де Монтиньи!

И ещё об одном важном обстоятельстве, дон Альберто...— приглушил голос инквизитор.— Сейчас я от-

крою вам тайну, в которую, кроме вас, посвящён лишь Великий инквизитор в Мадриде, а также вице-король Новой Испании, также пострадавший от Капитана Эша. А дело вот в чём. Так получилось, что ещё в прошлом году Олегар де Монтиньи, выполняя задание кардинала Ришелье, перебежал дорогу герцогу Бекингеми, да столько вреда принеся его светлости, что герцог обратился за помощью к дону Антонио Сапате Сиснеросу, Великому инквизитору Испании. О, не стоит удивляться, дон Альберто! Хотя англичане и еретики, но кой-какие связи между сильными мира сего сохраняются... обходя вопросы веры.

Великий инквизитор заинтересовался делом де Монтиньи и велел собрать всё, что можно было к сему делу присовокупить. И выяснилось много странного, вероятно имеющего природу дьявольскую. К примеру, стало ясно, что рекомый Олегар де Монтиньи, представлявшийся при дворе французского короля как виконт д'Арси, на самом-то деле никакого отношения к Рене Жерми Непве де Монтиньи, графу д'Арси не имеет, хоть его сиятельство и признал Олегара своим родным сыном, пропавшим в далёкой Московии ещё в отрочестве и якобы вернувшимся. Впрочем, к чести Капитана Эша, он не употребляет своего виконтского титула с тех пор, как ушёл в моря вольным корсаром. Однако самое интересное кроется в ином. Олегар де Монтиньи действительно является шевалье и был произведён в рыцарское достоинство его величеством на поле боя. Но! Произошло сие событие шестьсот лет тому назад, в эпоху правления Людовика IV, прозванного Заморским!

— Да что вы такое говорите, святой отец! — отшатнулся фон Горн.

— Правду, сын мой,— кротко ответил инквизитор.— В королевских архивах мы откопали грамоту, где чёрным по белому вписано о подвиге Олега де Монтиньи, за что молодой король и сделал его рыцарем. Там же находится и факсимиле одного рыцаря — всего одна строчка размашистым почерком, но то был почерк человека, которого мы все знаем как Капитана Эша!

— Но этого не может быть!

— Может! — с силою сказал отец Эстебан.— Может, если к тому приложил руку враг рода человеческого, сам Сатана! Вот откуда все великие умения командора де Монтиньи! Нет, я не думаю, что дьявол водит рукою его. Просто полагаю, что за шестьсот лет жизни любой человек обретёт воинский опыт, не сравнимый ни с чьим иным. Но мог ли Господь даровать Олегару столь долгий срок жития, коли де Монтиньи на каждом шагу посягает святую церковь и казнит отцов её?! Разумеется, нет! А потому, дон Альберто, будьте чрезвычайно внимательны, помните, что Капитан Эш — не обычный смертный. Но уж если вы сподобитесь погубить этого нечеловека, то пропадёт и дьявольское семя, посеянное в Олегаре де Монтиньи. И тогда,— инквизитор тонко улыбнулся,— священный трибунал закроет глаза на ваши собственные шалости, вроде создания империи на землях еретиков. Мм?

Фон Горн криво усмехнулся. Империя... Забытый сон.

— Нынче, отец Эстебан,— отрывисто сказал он,— я отбросил сию затею, ибо познал тщету всего сущего. Отныне цель моя проста и незатейлива — очистить мир от Капитана Эша, человека или дьявола во плоти, мне всё равно!

— Аминь! — торжественно заключил отец Эстебан.

Пару дней спустя в каюту фон Горна вихрем влетел капитан Цимссен и, задыхаясь от бега, доложил: — Верный человек привёл свой навиетто с Тринидада! Оказывается, еще две недели назад галеон «Симург» и ещё два корабля — «Коронадо» и «Эль-Тигре» — вернулись с моря и долго болтались в заливе Пария. Там они и встретили галиот, на котором отправлялся Капитан Эш! А нынче вся пиратская флотилия держит курс на норд-вест!

— Отлично! — грянул фон Горн. — Замечательно! Определим их, Генрих, и первыми явимся на место действия! Скоро этот затянувшийся спектакль будет окончен, и занавес опущу я, убив в последней сцене главного злодея! Отдать швартовы, капитан! Мы отплываем!

2

Карибское море

Обратный путь дался Олегу куда легче — река Карони сама несла каноэ вниз по течению.

Лишь изредка приходилось пробираться вокруг порогов, таща весь груз на себе.

Но это пустяки, ибо кто же сочтёт драгоценности тяжкой ношей?

Обнесёшь водопад, кряхтя от натуги, и снова куриары на воду.

И вперёд. До следующих порогов...

Как ни накручивал себя Сухов, однако ничего из выдуманного им негатива не воплотилось — «Синяя чайка» дожидалась их в условленном месте, все были

живы-здоровы и встретили «экспедицию» радостными воплями.

Было, конечно, и огорчение при известии о том, что Олег с друзьями покидает их, но и тайное, немного стыдное довольство тоже присутствовало — ведь кто-то же заменит самого Капитана Эша! Надо же кому-то возглавить их малый, но губительный для испанцев флот.

А там, глядишь, и многие табу, наложенные Суховым, удастся снять...

И можно будет нападать на корабли и портовые городки без оглядки, грабить вволю и насиловать направо и налево.

Олег прекрасно понимал настроения команды, но заповеди давать даже и не думал.

Можно сколь угодно назидать, но словами человеческую природу не переделать.

Всё время их плаваний он сдерживал инстинкты своих головорезов, разнузданных мужиков, которым убить — что ребёнку пописать.

Вероятно, обрести статус «благородного пирата» — это само по себе насилие. Разбой, даже если он морской, остаётся уголовно наказуемым деянием, несовместимым с честью и достоинством.

Он попытался сыграть «капитана Блада», получился Капитан Эш.

Ну а теперь ему пора покинуть сцену, оставить «труппу».

Возможно, с иным «режиссёром-постановщиком» она добьётся большего успеха? Как знать...

...Когда галиот вышел на просторы залива Пария, в отдалении уже маячили корабли. Слава богу, не испанские.

Сухов с удовольствием разглядел красный «Симург», а поодаль дрейфовал «Эль-Тигре». За ними прятался «Коронадо».

— Все здесь! — хмыкнул Быков. — Соскучились, видать.

— Они тоже люди, конечно же, — высказался Акимов.

Разумеется, Жирон Моллар, завидев «Синюю чайку», не преминул салютовать из орудий.

Галиот ответил тем же на прогрохотавший вопрос: всё в порядке, чего и вам желаю!

По-настоящему обнимашками занялись на пустынном берегу Тринидада, где можно было дать волю чувствам, а заодно и угоститься как следует.

Тем более что «Симург» давеча «остановил» навио, следовавший с Канар, и винца тамошнего в его трюмах хватало.

А уж дичи набить в лесу — это и вовсе забава.

Подняв свой кубок, Олег оглядел свою многочисленную команду и громко сказал:

— Я пью за всех! Ну, поехали!

Корсары радостно взревели, подхватывая почин своего «адмирала». Хорошо пошло!

Как-то так получилось, что после тисканий, хлопаний по плечам, по спине и дружеских рукопожатий, от которых пальцы трещали, Олег с друзьями уединился вместе с капитанами и офицерами.

Закусив, Сухов покончил с торжественной частью и перешёл к официальной:

— Значит, так, ребята... — Он потянулся за своим ларцом, подхватил его и поставил перед капитанами. — Вот здесь наши векселя — мои, Яра, Понча и Виктора.

Там, куда мы уйдём, они нам не понадобятся, а вот вам очень даже могут пригодиться...

— Так не пойдёт, командор,— твёрдо заявил Диего.— Это ваши законные доли! Давайте тогда мы вам золотом отдадим.

— Верно,— поддержал его Моллар.— Иначе несправедливо получается.

— Ну не совсем так,— улыбнулся Олег.— «Синюю чайку» мы заберём с собой...

— ...Вот на неё и погрузим золотишко! — заключил Мулат.

— Ладно, ладно! — засмеялся Сухов.— Я не против. Ещё одно.

Когда выйдем к Скале, на галиоте останемся только мы четверо. Там дело-то минутное, дай бог, оно нам удастся. Так что приютите команду «Синей чайки» и не забудьте про их доли.

— Всё сделаем, командор.

— Ну тогда давайте ещё по маленькой, и баиньки. А с утра — в путь.

Ранним утром, доев и допив остатки вечернего пиршества, флотилия вышла в Карибское море, ложась на курс норд-вест.

Дорога предстояла дальняя — к Наветренному проливу, в обход Эспаньолы, к той самой Скале веков.

Пончик по-прежнему командовал своими канонирами, Сухов и Быков стояли вахты, как все, однако самая большая, тяжёлая и ответственнойшая нагрузка легла на плечи Акимова.

Виктор мудрил над Т-установкой.

Серватиус сколотил ему ящик из красного дерева, с гроб величиной, замазав его изнутри сургучом, не ведая, что мастерит корпус гальванической батареи на полторы тысячи вольт.

Он же сработал деревянные рамки для самой установки и каркас, в который эти рамки встраивались, и дощатые стенки, чтобы обшить всё снаружи для пущей красоты и целости.

Сперва Виктор переделал все самые лёгкие дела — отшлифовал изумруды, сварганил нечто а-ля лампы Яблочкова с угольными электродами для создания вольтовой дуги, долго ковырялся с допотопным хроностабилизатором, аккуратно обкладывая его платиновыми зеркалами «от Монтесумы».

А потом начались главные страдания.

Акимов собрал у друзей их айфоны со смартфонами, которые два года болтались у тех на шее, как ладанки, и принялся за ювелирную работу — сборку процессора.

— Только ты... это,— пробормотал Ярик, протягивая Виктору свой «сотик»,— поосторожнее там, ладно? Смотри, чтобы фото не удалились, о'кей?

— Ты кого опять фотал? — подозрительно спросил Пончик.

— Ну так,— туманно ответил Быков,— кое-кого...

— Колись давай!

— Ну-у... Ришелье, короля и королеву, Бекингема...

— Знал бы,— коротко сказал Олег,— убил бы!

— Так батарейки же сели! — удивился Шурик.

— А у меня там солнечная панелька встроенная... На один-два кадра хватало.

— Вывод,— сказал Акимов,— горбатого, конечно же, могила исправит!

И утащил всё электронное оборудование в мастерскую, попросив никого не мешать ему, даже Гли-Гли.

Пару раз Сухов заглядывал одним глазком — Виктор, прицепив вскрытые и распотрошённые айфоны к рамкам, тянул между ними золотые проволоки, линкуя, да так, чтобы те не касались друг друга.

Изолированных проводков в семнадцатом столетии не водилось, а покрывать жилки каучуком или ещё чем вручную было муторно и ненадёжно.

Вытачивая изоляторы из кости, Акимов бережно наматывал на них непрочный золотой провод, соединяя, подключая, выводя на пульт.

А уж о том, зачем учёному зандобились серебряные шестерёнки, выдвигавшие некие золотые стержни с насечками, или золотой тубус с грубыми линзами из изумрудов, Олег даже спрашивать не пытался.

Не потому, что боялся на грубость нарваться — его-то Витька никуда не послал бы, почтение имея, — а только зачем мешать человеку и задавать глупые вопросы?

Как будто, узнай он ответ, стал бы лучше разбираться в хронотехнике...

Главное, чтобы установка сработала один-единственный раз, и сработала успешно, остальное — от лукавого.

Прошла неделя, и Акимов покинул мастерскую.

Нервничая и обедая через раз, он здорово схуднул, зато выглядел внешне спокойным.

— Всё! — выдохнул он. — Готово!

— Скоро уже... — пробормотал Пончик, нервно потирая руки, и взмолился: — Господи, только бы ничего не случилось, не помешало бы!

— Всё под контролем, Понч,— внушительно сказал Быков.

— Дай-то Бог...

Олег в разговор не вмешивался.

Он задумчиво смотрел вдаль, на красный «Симург», шедший впереди и ощутимо кренившийся под громадой парусов.

На догонявшие его «Коронадо» и «Эль-Тигре».

На море, плещущее вокруг.

На весь этот мир, прекрасный и ужасный, чистый и грязный, жестокий и смиренный.

Сухов ощущал в этот момент, что его уже отделила от текущего столетия некая грань, проведённая надеждой, желанием, любовью. Переступить её возможно, но это обязательно породит сожаление, тождественное личной трагедии. Да и зачем?

Возвращаться — плохая примета...

Глава 18,
*в которой каждый прибывает
в свой пункт назначения*

1

От Гонава за эскадрой пиратов следовал какой-то флейт, но он держался на почтительном отдалении, а после и вовсе затерялся между небом и морем.

Олега мучило, выматывая все нервы, тягостное чувство, которое иногда охватывает человека перед дальней дорогой.

Вроде и билеты куплены, и вещи собраны, и отпуск оформлен, как полагается, но в тебе всё равно продолжает жить некое иррациональное ощущение обязательной неудачи, зряшности предпринятых усилий.

И ведь порою чувство оказывается верным. Бывает, что в день отъезда возникает некое срочнейшее дело, не решить которое просто нельзя, и ты, матерясь про себя и всуе, несёшься обратно в кассу сдавать билеты.

Правда, вещи не распаковываешь — теплится в тебе надежда, что с делами можно будет справиться по-быстрому, и ты снова вольная птица.

Нечто подобное Сухов испытывал и сейчас.

Ведь Скала — вовсе не конечная остановка, а что-то вроде вокзала или полустанка, где не всякий поезд останавливается.

И ты спешишь с тяжёлым чемоданом, пытаешься залезть в вагон и не знаешь в спешке, что сначала пихать — ручную кладь или себя...

...Когда до желанной Скалы оставалось лиги две или три, корабли сошлись на randevu.

Олег переходил с палубы на палубу, пожимал десятки и десятки рук, выслушивал пожелания, что-то говорил сам.

С «Коронадо» на «Эль-Тигре» попасть было легче всего — переступишь борт, да и всё, а на «Симург» приходилось по трапу взбираться — высоки борта у галеона.

Потом корсары нанесли Сухову «ответный визит» — натаскали ларцев да сундучков, весьма увесистых даже с виду.

— Из тебя вышел отличный командор,— сказал, ухмыляясь, барон де Сен-Клер.

— И капитан что надо! — поддержал его Моллар.

— Моя видеть, как Длинный Нож снимать скальпы,— проговорил Хиали.— Не всякий краснокожий быть способным, как этот бледнолицый!

— Спасибо, мужики,— поблагодарил всех Олег.— Пора нам.

Шлюпка подвезла четверых «отбывающих» к борту «Синей чайки» и отплыла.

— А справимся вчетвером? — осведомился Пончик, кивая на мачту.

— Справимся,— ответил Быков, не поворачиваясь к Шурке,— куда мы денемся...

— Нас, между прочим, пятеро,— независимо сказала Гли-Гли, прижимаясь к Виктору.

— А женщины на корабле не в счёт! Угу...

— Витя,— задумчиво проговорила девушка,— может, скальп с него снять?

— Терпи, Галя,— вздохнул Акимов.— Он всегда такой...

Вот галеон стал одеваться парусами.

— Поднять грот,— негромко скомандовал Сухов.

Пончик и Яр с Виктором молча бросились к мачте, управляться со снастями, а Олег прошёл на корму, где умелец-капитан установил настоящий штурвал, как на флейтах.

Корсарская флотилия уже ложилась на курс, следуя на запад, когда над левым бортом «Симурга» вспухло белое облако. Гром залпа разнёсся над морем, и тут же, словно эхо, прогрехотали пушки с флейта и навио.

— Стрельнуть? — осведомился Пончик.

Сухов покачал головой.

— Не стоит, Понч,— серьёзно сказал он,— это прощальный салют.

Быков крикнул, поморщился досадливо.

— Даже жалко уходить,— признался он.

— Оставайся,— буркнул Шурик.

— Фигулю тебе! Фигулюшечку! О, и Скала показалась!

— И не только скала,— процедил Акимов.— Смотрите! Дежавю.

С запада, подчёркнуто игнорируя пиратскую эскадру, приближался флейт. С востока тоже.

Ещё один корабль, вроде бы пинас, выходил из небольшой бухточки неподалёку от Скалы.

— Совсем как тогда с «Фениксом»!

— Сейчас — не тогда!

— Витёк,— спокойно поинтересовался Олег,— сколько у тебя бомб в загошнике?

— Три,— вздохнул Акимов.

— Минутная готовность.

— Есть!

Вскоре Пончик уже зарядил карронаду картузом с порохом. Акимов с Быковым на пару уложили, как надо, бомбу.

Флейты с пинасом выбрали целью именно галиот, это было ясно, как и то, что командир, устроивший эту западню, являлся или дураком, или безбашенным экстремалом — «Симург» уже совершал поворот оверштаг, готовясь прийти на помощь Капитану Эшу.

— Готово! — доложил Виктор.

— Пустишь первую по пинасу, он ближе всех, потому и опасней.

— И прямо на дороге стоит! — возмутилась Гли-Гли.

— Вот именно... Я не понял. Где мушкеты? К бою, господа! К бою!

— Есть, командор!

— Пончик!

— Уже! — крикнул Шурка, раздувая фитиль.— Витька, запал на сколько?

— Я скажу когда можно, конечно же!

— К повороту! Поворот!

Акимов с Быковым кое-как обрасопили грот, и Сухов повернул к берегу.

— Понч! Выдай им залпом для начала!

— Да, командор!

Пончик по очереди запалил фитили трёх пушек с левого борта. Громыхнули они тоже по очереди. Попало

в цель лишь одно ядро, продолбав борт пинасу под названием «Ла-Рош».

— Понч! Пора, конечно же!

— Огонь!

Грохнула карронада. Бомба рванула у самого борта пинаса, подняв столб воды.

— А, дьявол! Заряжай, чего стоишь? Угу...

— А ты целься лучше... Ёш-моё...

Второй снаряд угодил между грот- и фок-мачтой.

Пробив настил, бомба взорвалась, вынося палубу. На пинасе занялся пожар, загорелся грот — окаймлённые траурной рамкой дыры ширились, и вскоре корабль потерял ход, стал дрейфовать к берегу.

— Поднять марсель! Поднять бизань!

За кормой забухала орудийная канонада — это «Эль-Тигре» отгонял флейт, пожаловавший с востока.

Олег глянул в подзорную трубу. «Фортуна». Ну-ну...

Похоже, что удача отвернулась от команды флейта. Странно...

Матросы одеты во что попало — и лансерос на палубе, «люди в чёрном». Или это не лансерос, а обычные мушкетёры? Без разницы, всё равно испанцы...

За «Синей чайкой» увязался самый наглый флейт — «Дельфин», — проскользнувший с запада.

«Коронадо», самый быстрый из корсарских кораблей, попытался пугануть «Дельфина» огнём, но тот отгрызался — и пёр на всех парусах за галиотом.

— Скала уже близко! — крикнул Яр.

— Понч! Бомбой по «Дельфину»!

— Есть, капитан!

— Только учти — это последняя! Витька, мухой на бак! Активируй своё хозяйство!

— Есть, капитан!

Последняя бомба ушла по более крутой дуге, чем её товарки, и палубу не пробила — потеряла убойную силу, прорываясь сквозь снасти и парус. Рванула на шкафуте, сметая стоявших в море.

— Витька!

— Активирую, командор!

Олег крутанул штурвал, вводя галиот в узкую полосу чистой воды между берегом и рифами, в конце которой вырастала Скала.

Бирюзовый оттенок воды под каменной аркой грота приобретал насыщенность сапфира.

Ударил всем бортом «Симург». Несколько тяжёлых ядер достали «Дельфина», но не остановили его порыв.

На носу флейта показался худой лысый человечек, потрясавший шпагой.

Сухов схватился за подозрную трубу левой рукой, правой удерживая штурвал.

— Ребята, знаете, кто у нас на хвосте? Робинзон наш недоделанный! Фон Горн!

— Живучий, гад! — откликнулся Быков, целясь из мушкета.

Грохнул выстрел. Мимо.

А скала приблизилась вплотную, уходя ввысь, нависая, грозя.

— Смотрите! — крикнула Гли-Гли.

Подо всею аркой замерцали сиреневые сполохи. Они расходились и сходились, то ярчея, то бледнея.

— Ориентация канала! — донёсся голос Акимова. — Стабилизация! Канал стабилен! Работает, работает портал!

Бушприт «Синей чайки» плавно вошёл в трепещущую сиреневую плёнку, пропадая из глаз, словно растворяясь. Редкий синий туман повис вокруг, как дымка.

— Все ко мне! — крикнул Виктор. — Прямой переход длится совсем недолго! Лучше быть вместе, а то снесёт чёрт-те куда!

Пончик первым поспешил на зов. Его обогнала Гли-Гли.

Быков отправился за нею, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не кинуться следом.

Последним двинулся Олег.

Шагая по палубе, он пересёк грань времён у фок-мачты, испытав лёгкий приступ дурноты, и обернулся.

Галиот уже выходил из-под арки на другую сторону скалы. Гиперплоскость, видимая как плёночка с переливами сиреневого света, оказалась за кормой «Синей чайки».

Флейт «Дельфин» виднелся размыто, его будто гнуло, вытягивало и плющило. Вот бушприт прорвал плёнку, показался фон Горн, скачущий и бешено машущий шпагой, а в следующую секунду и флейт, и незадачливый император пошли волнами, будто отражение в воде, и пропали.

Только синее море виднелось за аркой да пальмы на берегу. И ни одного корабля — ни вражеского, ни своего.

— Мы уже там или ещё здесь? — слабым голосом спросил Пончик.

— А вы оглянитесь! — гордо сказал Акимов. — Шикарно!

Сухов обернулся — и почувствовал ни с чем не сравнимое облегчение — впереди, в каком-то кабельтове от

них покачивался «Мисхор», старенькая яхта Быкова-старшего.

Кто-то оттуда уже махал руками, а от борта яхты отваливал гидроцикл.

— Господи, господи...— запричитал Пончик, не стесняясь выступивших слёз.— Неужто всё?!

— Ужто, Понч! — выдохнул Яр.— Ужто!

Гидроцикл оседлал Димка, один из матросов, знакомых Олегу по последнему «туру в Византию».

— Привет! — заорал Димон.— Вернулись?

— Ещё не уверен! — ответил Быков.

— Ха-ха-ха!

Тут и сама яхта пришла в движение.

— Понч! — крикнул Сухов.— Витька! Спустить паруса! Кранцы на борт!

— Есть, командор!

Вскоре белая красавица-яхта мягко приткнулась бортом к галиоту.

Быков-старший прыгнул на палубу «Синей чайки» и молча пожал Олегу руку.

— Спасибо за моего оболтуса,— сказал он.— А то пропал бы! Одна тысяча шестьсот двадцать девятый?

— Точно,— улыбнулся Сухов.— Ребята из «Интермондиума» постарались?

— Они! Знать, не зря хлеб ели с маслом!

— И с икрой! — подлизался Акимов, чуя вину за содеянное.

А с яхты уже прыгали хронофизики — Ахмет, Антоха, Вован, Колян...

— Витька! Здорово! Там сейчас такой хроноклазмик случился — обалдеть! Энергии столько и сразу, что у нас прибор сгорел!

— Это, наверное, тот дядька со шпагой! Он попал под закрытие портала, и его «снесло» по вектору в силур¹!

— Ого! А корабль?

— А корабль в своём времени остался!

— Только без носа!

— Ага! Сейчас ему устроят...

— Сейчас! Скажешь тоже!

Отмахиваясь от учёных, Олег спросил у Сергея Михайловича, щедро раздающего отеческие подзатыльники чаду:

— А есть телефон? Девчонкам позвонить?

— Возьми в кают-компании! — ухмыльнулся Быков-старший.

Сухов запрыгнул на палубу яхты, всё ещё находясь в раздразне чувств. Не верилось, что он уже *здесь*, а не *там*.

Рассудок с трудом привыкал к иной реальности, словно пробуксовывал, настраиваясь на реалии иного времени.

Олегу это уже было знакомо. Странный, неприятный даже период межвременья. Но это пройдёт...

Он спустился по лесенке в коридор, отделанный амарантовым деревом, и вдруг замер — из дверей кают-компании явственно донёсся голос Алёны:

— Чего это они там так расшумелись? Пойдёмте, глянем!

Сухов так и стоял, когда ему навстречу вышла Алёна.

¹ *Силур* — силурийский период палеозоя, 443—419 миллионов лет назад.

Елена Сухова, в девичестве Мелиссина. Всё такая же стройная, изящная, талия тонюсенькая, груди платье рвут...

— Олег!

Женщина бросилась ему навстречу, и Сухов сжал её в объятиях. И больше ему ничего не надо...

Ни сокровищ, ни дурацких приключений... Век бы тискал эту прекрасную женщину...

— Алёнка... Помнишь, ты мне звонила, что в Доминикану отправляешься?

— Ну да! Недели две назад.

— Две недели... А я тебя два года не видел...

— Бедненький ты мой...— Алёна погладила Олега по голове.— Сергей Михалыч нам всё... ну не всё, конечно, но рассказал. А я как-то верю с трудом. Два года и две недели...

— Я и сам не верю...

— А ну-ка... Эй, муженёк! Ну ничего себе!

— Что-о?

— Да ты никак помолодел!

— На немножко совсем...

— Ага, на немножко! Сейчас себе кого помоложе найдёшь... Правильно, зачем тебе такая старуха, как я?

— Старушенция ты моя,— нежно проворковал Сухов.— Ты самая-самая лучшая женщина во всех временах и пространствах! Уж поверь мне.

— Верю,— кротко вздохнула Алёна.— Что мне остаётся?

Рассмеявшись, она крикнула:

— Девчонки! Это наши вернулись!

— Да ты что?!

Из кают-компания выбежала Гелла. Ослепительно улыбнувшись Олегу, она чмокнула его мимоходом.

Ингигерда, красавица-стервочка, задержалась по-дольше, одарив Олега не простым поцелуем, а язычком разомкнув его губы.

— Вот паршивка! — Алёна шлёпнула подругу по мягкому месту.

Подруга, взвизгнув, убежала. А Сухов подумал, что мягкое место у «Инги Егоровны» очень даже упругое...

— А я тебе сувенирчики привёз, — сказал он, словно заглаживая маленькую изменку в мыслях.

На палубе галиота уже вовсю шла раздача подарков.

Пончик открывал сундучки и ларцы, девчонки примеряли «ювелирку», причём Гли-Гли настолько быстро сошлась с жёнами друзей Акимова, что, чудилось, они знакомы с детства.

— Позволь тебе представить, — улыбнулся Олег. — Это Галина, супруга нашего Виктора.

— Витька женился?! — ахнула Елена. — Ну наконец-то! — и протянула руку Гли-Гли: — Елена. Или Алёна.

— Галина, — рассмеялась «супруга Виктора». — Или Гли-Гли.

Примерив ожерелье из Маноа, Алёна была впечатлена. И вдруг замахала рукой:

— Наташка, сюда!

— Папа! Папочка! — раздался радостный визг, и с палубы «Мисхора» прямо в Олеговы руки прыгнула малолетняя блондинка, смеясь и дрыгая ногами.

Никто не знал, кто её настоящий отец, но отчество «Олеговна» Наталье шло.

— Привет, красавица! Маму не обижала?

— Ага, обидишь её!

Проходивший мимо Пончик, тискавший свою Геллочку, вздохнул:

— Ну вот всё и кончилось...

— Ты не рад? — округлила глаза Гелла.

— Рад, конечно! — всполошился Шурик. — Что ты... Больше всех рад. Угу... И всё равно...

Олег, прижимая к себе Алёну (Наташка обнимала его за ногу), остановился у борта, подумав, что разделяет мысли и чувства Шурики.

Он стоял на палубе того самого галиота, что был выстроен в Кадисе или в Барселоне четыреста лет тому назад...

Сухов покривился: к чёрту иные времена! Он в своём родимом. 2012-м. И оно его вполне устраивает.

Море было чисто до самого горизонта. Серебристой мошкой в вышине сверкнул самолётчик местных авиаиний, а на море ни кораблика, ничего.

Только волны размеренно катились с востока, слегка поднимали «Синюю чайку» на своих обливных валах, набегали на берег, добрызгивая пеной, и обессиленно отступали.

— Красиво, правда? — шепнула Алёна.

— Очень, сказал Олег.

2

Гондвана, берег океана Япетус. 435 млн лет до Р. Х.

Нос флейта повалился на песок, шлёпая по нему бушпритом, и фон Горн сам полетел вниз. Хлопнувший блинд накрыл его.

Яростно выпутавшись из жёсткой парусины, Альберт вскочил.

Где он? Вокруг тянулись пески, замата совершенно плоскую равнину, тянулись до самого горизонта, пропадавшего в мутной дымке.

Фон Горн потряс головой. Да нет, его не оглушило, это просто тишина. Полнейшая.

Обойдя вокруг обрубленного носа «Дельфина», он присел на корточки и только головою покачал. Нос не отчекрыжило. Его словно отрезало, причём срез был идеальнейшим.

Бушприт здесь, и вонючий княвдигед, и блинда-рей, и дурацкая носовая фигура, изображавшая игривого дельфина.

А где же сам флейт? Где все? Где он сам?!

Поглядев по сторонам, фон Горн заметил блеск вдалеке. Море?

Он решительно пошагал, держа на этот блеск.

Песок и песок... Правда, не пустыня. Песок то влажный, то с хрупкой, рассыпчатой корочкой после высохшей росы. И луж полно. А вот и поросль какая-то...

Потрогав рукою странные сосудистые растеньица, Альберт пожал плечами и пошагал дальше.

В низинке высились, поднимаясь футов на десять, непонятные образования, чем-то смахивавшие на хвойные деревья, только окаменевшие будто. Фон Горн потрогал их. Да нет, мягкие вроде...

Приложив усилие, он отломил кусок — запахло сырыми грибами.

Господи, да это же и есть гриб! Куда же его занесло?

Сердце частило, а разносимая им кровь словно остывала, холодя ужасом.

— Господи пресвятой... — проскулил Альберт. — Спаси...

Полное молчание в ответ. И тишина... Ни единой пичуги в небесах, даже муха не прозудит.

Песчаный берег обрывался круто, но высоты тут было по пояс. Спрыгнув на скрипучую гальку, хрустя ракушками и выеденными панцирями, фон Горн подошёл к воде.

На мелководье колыхались шестилучевые губки, по дну шарились мелкие противные членистоногие трилобиты, перебегая дорогу своим пучеглазым соседям, со щупальцами и в раковинах конусом, а потом их всех распугала кошмарная тварь, похожая одновременно и на рака, и на скорпиона.

Вот ракоскорпион догнал и схватил своими клешнями толстого бахромчатого червя, а над ними обоими проплыла лучепёрая рыба, похожая на слизня...

Отпрянув, завыв в полном отчаянии, Альберт выскочил на берег.

— Где я?! — возопил он, но ответа не донеслось.

В тишине и покое на берег накатывались волны.

Размеренно, переливаясь под солнцем, они растекались по песчаному пляжу, добираясь до ботфортов фон Горна, и скатывались обратно, шурша песчинками.

Пологие океанские валы, гонимые ветром, бились о берег, отмеряя Вечность...

Оглавление

Пролог	5
Глава 1, в которой Олег Сухов не знает, куда деньги девать, а король возводит его в командоры	12
Глава 2, в которой Олег гуляет по Бродвею	25
Глава 3, в которой Олег встречается старого знакомого	48
Глава 4, в которой Олег устремляется к далёким Голубым горам	69
Глава 5, в которой Олег встаёт на тропу войны	88
Глава 6, в которой Олег выкуривает трубку мира	117
Глава 7, в которой Олег выходит «на субботник»	128
Глава 8, в которой Олег приобретает билет в один конец ...	143
Глава 9, в которой Олег уходит в партизаны	159
Глава 10, в которой король Франции гневаться изволит, а импе- ратор Альберт I снисходит до сырых и убогих	177
Глава 11, в которой Олега вычисляют	200
Глава 12, в которой одни Олега славят, а другие мечтают пове- сить	217
Глава 13, в которой Олег попадает в ловушку	240
Глава 14, в которой Олег двигает прогресс	262
Глава 15, в которой Олег переквалифицируется в речника ...	286
Глава 16, в которой Олег выбирает сувениры	298
Глава 17, в которой Олег склонен верить приметам	316
Глава 18, в которой каждый прибывает в свой пункт назначения	334

Литературно-художественное издание

12+

Валерий Большаков

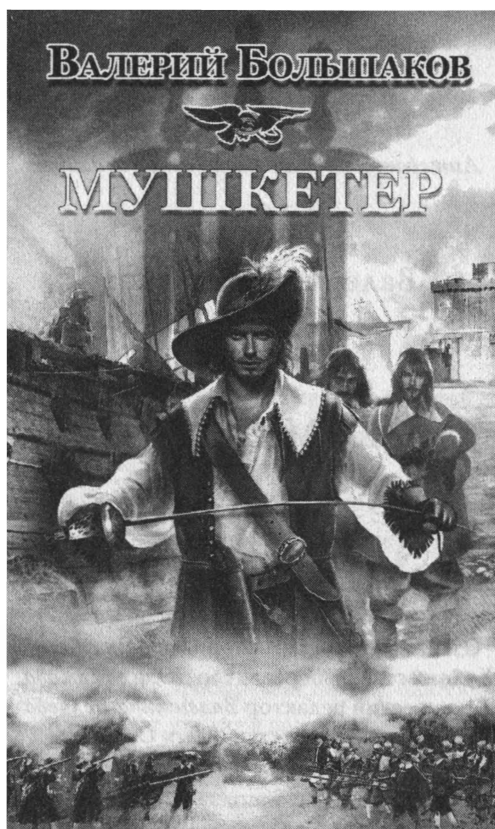
КОМАНДОР

Ведущий редактор *Александр Мазин*
Ответственный редактор *Петр Разуваев*
Художественный редактор *Юлия Межова*
Технический редактор *Валентина Беляева*
Компьютерная верстка *Ольги Савельевой*
Корректор *Валентина Леснова*

ООО «Издательство АСТ».
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
дом 21, строение 3, комната 5.

Издано при участии ООО «Харвест».
Свидетельство о ГРИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

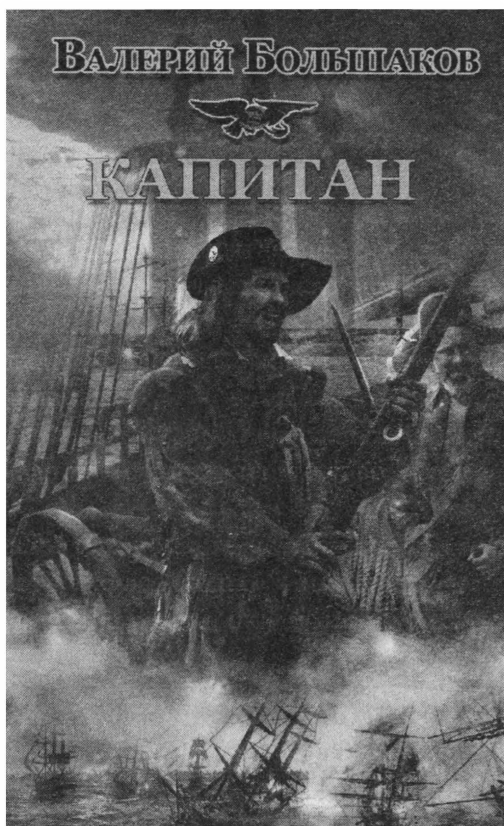
Олег Сухов с боевыми товарищами вернулся в «родной» XXI век из кровавого Средневековья.

Ненадолго.

Прискорбная ошибка их ученого друга — и вся компания снова проваливается в прошлое. На сей раз — в 1627 год.

Париж, Людовик Тринадцатый, кардинал Ришелье, герцог Бэкингем. Славные и бурные времена мушкетеров короля. Самое подходящее место для воина.

Есть только один вопрос: на чьей стороне сверкнет шпага нашего героя?

Олег Сухов, он же Олегар, шевалье де Монтиньи, корнет роты мушкетёров Людовика XIII, бросает почётную королевскую службу и уходит в море — вольным корсаром его величества.

Олег не ищет приключений, он должен вернуть своих друзей в родной XXI век, к родным и любимым. Да и сам Сухов не прочь вернуться.

На берегу острова Эспаньола стоит скала, скрывающая в себе межвременной портал — вот куда стремится попасть Олег с друзьями. Но это — ох, как непросто.

Надменные идалго и всевластные инквизиторы, интриги герцога Бэкингема и происки лорда Холланда — всё против Сухова!

Чтобы победить, Олегу надо стать беспощадней и безжалостней своих врагов. Брать на abordаж испанские галеоны и топить их, хоронить товарищей и жестоко мстить за их смерть. Ждать и надеяться.

На победу. На добычу. На друзей.

На возвращение домой...

Мировая катастрофа это была или Божья благодать... никто толком так и не понял.

Но случилось то, что случилось. И мир стал другим: Земля — плоская, а небо — неколебимая твердь.

А вот люди остались прежними: готовы лгать — ради веры, убивать — ради вечной жизни, мучить ближнего своего — ради построения рая на земле...

Лучший способ доказать свое — застрелить противника. Боевики, террор, взрывы, убийства. В этом, Новом, мире выжить ничуть не проще, чем в старом.

И святых здесь нет, поэтому правду призваны защищать грешники: пьющие, сквернословящие, прелюбодействующие, но — способные ради веры и друзей пожертвовать не только жизнью, но и душой.

Худшие из лучших, последние рыцари Света...
Оперативники Ордена Хранителей.

55440

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

Два года назад Олег Сухов с друзьями
угодил в XVII век.
Мушкетеры, испанцы, пираты... Весело.
Но пора бы уже и домой.

А нужны для этого сущие пустяки —
всего несколько здоровенных изумрудов...
Непростой вопрос даже для знаменитого
Капитана Эша, которым здесь стал Сухов.
Но — решаемый.

Пули, ядра, сабли, томагавки
и доброе пиратское правило:
убей всех врагов, пока они не убили тебя.
Сухов и его друзья справлялись и с худшим.

ISBN 978-5-17-086261-0

9 785170 862610

АСТРЕЛЬ СПб

www.astrel-spb.ru

